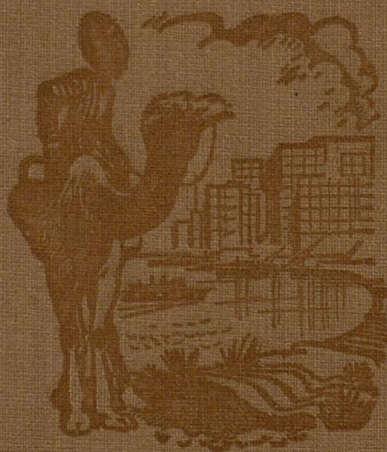

К-21
К. ПАУСТОВСКИЙ

КАРА-БУГАЗ

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ 1936

чр

чз

А-21

К. ПАУСТОВСКИЙ

П 213

КАРА-БУГАЗ

**РИСУНКИ ХУДОЖНИКА
В. ЩЕГЛОВА**

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

**ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД**

91 (с 57)

Постановлением Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 17 августа 1936 г. установлено правильное название залива Кара-Бугаз (Туркменская ССР), который сейчас называется „Кара-Богаз-Гол“.

Книга К. Паустовского написана в 1932 г.

~~47524~~ 1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Отв. редактор Г. ЭЙХЛЕР. Худ. редактор П. СУВОРОВ. Техн. редактор Р. КРАВЦОВА. Корректор А. САПЕЛКИНА. Сдано в производство 10/VIII 1936 г. Подписано к печати 2/XII 1936 г. Детиздат № 810. Индекс Д-7. Формат 82×110^{1/8}. 10^{1/8} печ. л., 6,7 уч. авт. л. Уполномоченный Главлита Б-31431. Тираж 25000. Заказ 3502.

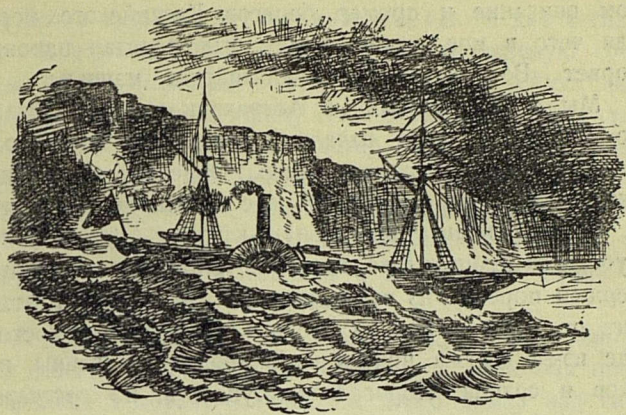
Цена 2 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР греста „Полиграфкнига“. Москва, Валуевая, 28.

Отпечатано с готовых матриц на Днепропетровской Книжно-Полиграфической фабрике им. 25-летия ВКП(б) ОУМП. Заказ № 8334.

678333 КХ-рег.

Российская государственная
детская библиотека

ЗАБЛУЖДЕНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА ЖЕРЕБЦОВА

На Каспийском море нет прибрежий, столь решительно и во всех отношениях негодных.

Путешественник Карелин.

«Спешу уведомить вас, что просьбу вашу я уважил и везу вам из плавания двух редкостных птиц, убитых мною в заливе Кара-Бугазском. Корабельный наш провизионер решился оных птиц обделать в чучела, каковые и стоят теперь в моей каюте. Птицы эти египетские, носят имя фламинго и покрыты розовым тончайшей красоты оперением. Пребывание их на восточных прибрежьях Каспийского моря я почитаю загадочным, ибо до сего времени птицы эти водились в одной Африке. Обстоятельства, связанные с охотой на сих птиц, весьма замечательны и заслуживают пространного описания.

Как известно вам, весной нынешнего 1847 года я получил приказ произвести тщательнейшим обра-

зом описание и промер берегов Каспийского моря, для чего в мое распоряжение был передан паровой корвет «Волга», имеющий английские машины.

Мы вышли из Баку в Астрахань и проследовали до Гурьева, откуда начали двигаться к югу вдоль берегов, неведомых и угрюмых. Описание их я опускаю, дабы не утруждать вас излишним чтением.

Отмечу лишь удивительную картину берегов у полуострова Мангышлака, где Азия подымается отвесным черным порогом из зауральских пустынь. Порог отходит от моря и ровной стеной удаляется на восток, где из-за марева ничего не видно, кроме глины, песков и солнца. Порог неприступен, и, по рассказам кочевников, подняться на него можно токмо в одном месте — по руслу высохшего потока. В море порог опускается обрубистой стеной, имеющей местами черный, местами бурый цвет. За многие годы скитаний не видел я берегов, столь мрачных и как бы угрожающих мореплавателям.

До бухты Киндерли мы плыли, преодолевая южный ветер — моряну, несущий из пустыни пыль и запах серы, ибо в пустыне, как говорят, лежат серные горы. Ветер этот рождает стесненное дыхание и, надо полагать, вреден для всего живого.

Я сам испытывал тошнотворную сладость во рту, а матросы до того плевались, что боцманы пришли в подлинное отчаяние: вся палуба была заплевана, и ее приходилось скатывать три раза в день. Поясню, что сие происходило в силу старых морских привычек, запрещающих плевать в море, каковое может оскорбиться этим и задать кораблю жестокую трепку. Моряки живут во многом преданиями времен Христофора Колумба и туго поддаются влиянию столь просвещенного века, как нынешний.

После захода в бухту Киндерли, где за два месяца плавания наши глаза впервые увидели зеленую сочную траву, имевшую в этих засоленных землях вид чуда, мы отплыли к заливу Кара-Бугазскому при сильном норде. Сей последний ветер тоже имеет необыкновенные свойства. Он приносит холод, ясность и некую пустоту всего тела, как бы опорожняющая его от крови и костей. Легкость эта ничуть не приятна, а, наоборот, весьма болезненна и приводит к звону в ушах и головокружению.

В бухте Киндерли мы взяли в старинных колодцах относительно пресную воду, но к ночи она превратилась в горько-соленую. Я долго думал над сим явлением и произвел с помощником своим несколько проб. Было обнаружено, что вода засоляется, будучи оставлена в сосуде, плохо прикрытом, а то и вовсе неприкрытом. Отсюда я заключаю, что воздух в здешних местах наполнен тончайшей соленой пылью, каковая и засоляет воду, попадая в небрежно закрытые бочки или в открытые ведра. Тем же явлением я толкую и замечательный цвет неба, подернутого сединой. Мощные пласты атмосферы наполнены солью, и солнце приобретает тусклый, несколько серебрящийся цвет, хотя и палит нещадно.

В заливе Киндерли видели мы остатки укреплений, воздвигнутых при Петре Первом генералом Беквичем в начале безрассудного его похода на Индию. Здесь, говорят, он зимовал со своей пудреной армией и отсюда уехал в Хорезм, где хивинцы вероломно отрубили ему голову, а кожей его обтянули боевые барабаны.

Около укреплений, густо заросших полынью, нашли мы три тутовых дерева, настолько древних, что сердцевина их походила на старое серебро.

Хочу указать вам, что средневековый английский путешественник Дженкинсон, ежели он не врет, сообщает, что не то у залива Киндерлийского, не то у Кара-Бугазского видел он величайший город с мечетями и караван-сараями, обнесенный стенами, полный зелени и с избытком омываемый пресными ключами. Полагаю, что Дженкинсон прав, ибо вблизи Киндерлийского залива видели мы основания мощных зданий, треснувшие и рассыпающиеся прахом от долголетия и жары.

От Киндерли мы пошли к Кара-Бугазу в состоянии тревожном и недовольном. Тому было много причин. Нам предстояло проникнуть в залив, куда до нас никто не входил. О нем наслушались мы еще в Баку множество страхов. Капитан корвета «Зодиак» поведал мне, что в 1825 году корвет его был предоставлен в распоряжение академика Эйхвальда. Академик требовал от капитана стать на якорь перед входом в Кара-Бугазский залив, дабы обследовать оный. Но капитан, не желая рисковать кораблем, от сего решительно отказался. Опасения его были вызваны тем, что вода Каспийского моря устремляется в залив со скоростью и силой неслыханной, как бы падая в пучину. Сим и объясняется название залива: Кара-Бугаз по-туркменски означает «черная пасть». Наподобие пасти залив беспрерывно сосет воды моря. Последнее обстоятельство дало повод полагать, что на восточном берегу залива вода уходит могучей подземной рекой не то в Аральское море, не то в Ледовитый океан.

Известный и отважнейший наш путешественник — Карелин — дал мне о Кара-Бугазе весьма нелестную письменную аттестацию и предостерегал от углубления в залив. По его словам, выйти против течения из залива почти невозможно. К тому же залив обладает

смертоносной водой, разъедающей в короткое время даже стальные предметы.

Сведения эти были известны не только нам, начальникам, но и матросам, которые, натурально, были взволнованы и ругали залив жестоко.

Мне было приказано во что бы то ни стало сомкнуть на морской меркаторской карте берега залива, изображенные в виде двух разорванных кривых линий. Берега я сомкнул и сделал морскую опись залива при обстоятельствах чрезвычайных.

Подходя к Кара-Бугазу, мы увидели над песками купол багровой мглы, как бы дым тихого пожара, горящего над пустыней. Лоцман-туркмен изъяснил, что это «дымит Кара-Бугаз». Открытие это, никем еще не отмеченное, повергло нас в тревожное недоумение. Мы шли с чрезвычайной бдительностью, поминутно меряя глубину, пока не достигли едва заметного с моря входа в пролив.

Течение в нем было стремительное, и весь пролив был подобен Волге во время полои воды. Раздумывать было нечего, да и прямой долг обязывал нас войти в это устрашающее горнило Азии. Тихим ходом мы двинулись в пролив, увлекаемые течением, и отдали якорь не ранее, чем синяя вода моря сменилась мертвой, как бы оловянной водой залива.

Величайшее безмолвие царило окрест. Сдавалось, что всяческое звучание гложет в густой воде и тяжком воздухе пустыни, окрашенной в багрянец заходящего солнца.

Ночь провели под парами. Котлы за исчерпанием пресной воды питали забортной водой из залива. Кутру обнаружилось, что на стенках котлов вырос слой соли толщиной в дюйм, хотя котлы продувались каждые четверть часа. Из сего обстоятельства вы можете

судить, какова соленость этого залива, подобного Мертвому морю в Палестине.

Придурковатый наш кок отпросился искупаться, но залив его не принял. Он высоко выкидывал его ноги, и при всем тщании кок погрузиться в воду не смог. Это повеселило команду и улучшило несколько ее дурное расположение. Кок к вечеру покрылся язвами и утверждал, что вода залива являет собой разбавленную царскую водку, иначе серную кислоту.

Утром серое зеркало залива предстало перед нами во всей монотонности. Вода была мало прозрачна. В ней плавали мертвые рыбы, занесенные из моря. На берегу мы нашли великое множество этих мертвых соленых рыб. По словам матросов, их пробовавших, они вполне годились в пищу.

Безжизненные сии воды поразили меня обилием птиц и довели до оптического обмана.

На вторые сутки, продвигаясь вдоль северного берега, мы достигли косы Кара-Сукут, где обнаружили на воде обширные красноватые полосы пены. Ночью бушевал шторм, и полосы пены соответствовали движению волн.

Удивленный неестественным цветом пены, я приказал спустить шлюпку и отправился к ближайшей пенной полосе. Зачерпнув пену, я увидел в ней красную, очень дробную рачью икру и подивился тому, что икра может существовать в столь едкой воде.

Засим я направился ко второй пенной полосе, несколько более пышной и розовой. Здесь произошел казус. Пенная полоса, гулко гогоча, поднялась в небо и с неуклюжей тяжестью пронеслась над нашей шлюпкой и обомлевшими гребцами. То была стая фламинго, сидевших на пене и питавшихся рачьей икрой.

В Кара-Сукуте наблюдали мы несметное количество диких гусей и злых пеликанов, называемых по-здешнему «бабами». Я мысленно сожалел, что вы отсутствуете на борту корвета. В последующем письме сообщу вам не лишние интереса сведения о природе Кара-Бугаза.

Преданный вам
лейтенант Жеребцов».

Второе письмо адресатом по небрежности было утеряно, и о природе залива мы узнаем лишь из краткого донесения лейтенанта Жеребцова в Гидрографическое управление. Донесение это составлено в стиле ясном и отрывистом, что в полной мере соответствует самому составителю донесения — человеку пытливому и отважному.

Долговременное изучение морских лоций, равно как и описаний природы писателями различных эпох, убедило меня, что ощущения от явлений природы в разные эпохи бывают весьма неодинаковыми. На описаниях сказывается как профессия автора, так и принадлежность его к тому или иному слою общества.

Доверяя словам средневековых авторов, я представляю себе пейзаж тех времен более грубым и резким, чем нынешний, и как бы выгравированным на твердом дереве.

Моряки конца XVIII века видели море точно таким, каким оно изображено на картинах знаменитого английского живописца Тернера, — бушующим и багряным от закатов, а современный средний англичанин представляет море в виде нежнейшей голубой ткани, тусклой от едва приметного тумана, то есть таким, каким его рисовал неврастеник и аристократ художник Уистлер.

Это отступление я счел необходимым сделать, чтобы было понятно, что Кара-Бугаз во впечатлении современника, хотя бы в моем, представляет собой нечто значительно более простое и менее таинственное, чем в глазах лейтенанта Жеребцова.

В донесении Жеребцова Гидрографическому управлению говорится следующее:

«Залив Кара-Бугазский, называемый туркменами «Горькое море» (Аджи-Дарья) и «Слуга моря» (Кули-Дарья), являет собой обширную водную площадь, превышающую Ладогу и почти отрезанную от моря двумя бесплодными косами. Хотя залив и лежит на широте Неаполя, но климатом обладает жарким и пустынным.

Я обошел все берега залива и нанес их на карту. Северный берег крут и обрывист и состоит из засоленной глины и белого гипса. Ни травы, ни деревьев нет. Вдоль восточного берега возвышаются унылые горы, а южный берег низок и покрыт множеством соляных озер.

Все берега пустыньны и не имеют пресной воды. Мною не было обнаружено ни единого ручья, каковой впадал бы в это поистине мертвое море.

Удобных бухт для стоянки судов нет, но сие обстоятельство отнюдь не препятствует плаванию, ибо глубины залива ничтожны и всюду одинаковы. Суда могут становиться на якорь, буде к тому встретится надобность, в любом месте залива.

Имеющиеся бухты настолько мелки, что шлюпки останавливаются в кабельтове от берега и люди идут на сушу по косточку в воде полчаса, а то и больше. Ни подводных камней, ни рифов, ни островов на пути корвета не встречалось.

На основании изложенного полагаю, что плава-

ние по заливу безопасно. Беспокойство представляют лишь жестокие ветры, дующие с востока с завидным упорством и разводящие крутую невысокую волну.

Вода в заливе имеет чрезвычайную соленость и плотность, почему удары волн гораздо сокрушительнее, чем в море. Но штормовой ветер в отличие от моря разводит волну в заливе как бы с большой нагущей. Сие приводит к весьма забавному зрелищу: когда один и тот же ветер успевает поднять в море шторм, в заливе, за узкой песчаной косой, господствует еще затишье. После бури волны залива успокаиваются медленно, и берега в течение долгих часов сотрясаются тяжелой мертвой зыбью.

Наблюдение высоты небесных светил и определение широты и долготы в заливе ненадежно, ибо скрытые на его берегах, за узкими пересыпями, исполинские соляные озера производят мощное блистание и неправильное преломление световых лучей, называемые рефракцией. Около южной косы я наблюдал весьма значительную рефракцию. Берега предстали предомной в виде изломанных и острых гор, тогда как они были плоскими, подобно бумаге.

Дождей, по рассказам туркмен, в заливе не бывает. Дожди от чрезмерной жары высыхают, не успевая достигнуть земли.

При подходе к заливу оный рисуется в виде купола из красноватой мглы, пугающей с давних времен мореплавателей. Полагаю, что явление это объясняется сильным испарением воды Кара-Бугаза.

Надлежит помнить, что залив окружен раскаленной пустыней и является, если будет уместно сие сравнение, большим котлом, где выкипает каспийская вода.

Грунт залива весьма замечателен: соль, а под ней известковая глина.

Соль, полагаю, особенная, не того состава, что обыкновенная, употребляемая в пищу и для засола.

Непонятным для меня представляется быстрее течение из моря в залив, что с несомненностью указывает на различие уровней воды в заливе и в море.

На основании всего сказанного я позволяю себе заключить, что побережья залива Кара-Бугазского, как и самый залив, лишены какого бы то ни было интереса государственного.

Пребывание, даже кратковременное, в водах сего залива порождает чувство великого одиночества и тоску по местам цветущим и населенным. На всех берегах залива на протяжении сотен верст мною не было встречено ни одного человека, и, кроме горчайшей полыни и сухого бурьяна, я не сорвал ни одной травинки.

Токмо соль, пески и все убивающая жара властвуют над сими негостеприимными берегами и водами».

Киргизы перегоняли стада через Урал с зимних пастбищ на летние. Путь лежал через Гурьев, где находился единственный в низовьях Урала наплавной мост.

За прогон скота через мост взимали плату. Рыластые и спившиеся чиновники войскового управления, выгоревшие до рыжести, как и форменные нашивки на их пыльных мундирах, стояли по сторонам моста и пересчитывали скот. Мост трещал и гнулся. Чиновники яростно лупили овец по головам длинными шестами и на минуту заставляли стада задерживать бег. Потом шесты поднимались, как шлагбаумы, и овцы вновь устремлялись на город рыжим потоком. Так, задерживая овец каждую минуту, чиновники на-глаз прикидывали число скота.

Киргизы, дабы сбить чиновников со счета, отжима-

ли их к ветхим перилам моста крупами злых лоша-
денек.

Пыль неслась над Уралом подобно пожару, и рев и топот стад сотрясал саманные дома. Перегон скота гурьевские жители считали столь же неустрашимым несчастием, как наводнение или пожар.

Сотни верблюдов, пугаясь моста, громоздили на подходах к нему тяжелые заторы и водоворотом вращались вокруг упрямых вожаков.

Жадные старухи ползали под брюхами лошадей, собирая трясущимися руками верблюжий помет. То были торговки кизяком.

Библейского вида старцы, повязав ситцем головы, возвышались на верблюдах в куче разноцветного тряпья и моргали кровавыми глазами, — тысячи верст кочевий выжгли их зрачки, а лица превратили в мешки из перегоревшей кожи.

Пустыня переливалась через город с бухарского берега на европейский, неся с собою глинистую пыль, рыжий цвет опаленной шерсти и жажду. Стада долго сосали грязную уральскую воду желтыми от полыни губами.

— Ветхозаветное зрелище! — усмехнулся лейтенант Жеребцов, выйдя из шлюпки на берег.

Он окончил опись берегов Каспийского моря и на обратном пути зашел в Гурьев, дабы повидать поселившегося там почтенного и сурового путешественника Карелина. До Карелина у Жеребцова было важное дело. Корвет стал на якорь у устья Урала, где ему преграждала путь песчаная отмель.

Шлюпку окружили угрюмые туземцы. Жеребцов поднял воротник морской тужурки, стараясь предохранить от пыли снежной белизны рубаху, и спросил ближайшего туземца, рыжего и попахивавшего перепоем:

— Знаешь Карелина?

— Никак нет, — ответил туземец.

— Григория Сильча Карелина, путешественника?

— Да как же! — обрадовался туземец. — Какой наскрозь прошел киргизскую сторону? Как не знать!

— Сведи к нему.

Жеребцов шел, осматриваясь по сторонам. Он вспомнил слова Палласа, что нет во всей России лучшего места для каторги, чем этот смрадный город.

Дома из серого кирпича и глины лежали кособоко, как умирающие старухи. Пахло ржавой рыбой и куриным пометом, — кстати, ветер порошил глаза всяческим сором, в каком было изрядное количество куриного пуха. Злые старухи-казачки сидели на порогах и вычесывали ленивых молодых.

«Ну и выбрал старик местечко для обитания!» Жеребцов пожал плечами: пристрастие Карелина к здешним унылым пустошам казалось неестественным. Жеребцов вспомнил о Кара-Бугазе: «Какая дрянь здесь и какая торжественная, подлинно девственная пустыня лежит почти рядом!»

Туземец привел Жеребцова на окраину города, к Уралу. В поливных садах, где под деревьями не было травы, а одна утопанная ногами глина, лязгали погнутыми ведрами чигири, выпрастывая в арыки желтую жижу. Сонные волы с завязанными глазами вращали их с терпением рабов.

Туземец остановился около дощатого серого дома, окруженного черными осоколями, и, попросив предвительно набить трубку, сказал:

— Тут!

Жеребцов постучал. Он шел к Карелину, зная, что человек этот строптив и чудаковат, и вместе с почтительностью перед исследователем, отважившимся пере-

сечь совершенно смертоносные области Азии, испытывал некоторое стеснение.

Слуга-киргиз ввел его в кабинет, где прочно существовал прелый запах табака и кожаных фолиантов. Жеребцов сел, разглядывая чучела степных зверей, и внезапно почувствовал все легкомыслие того дела, по какому он пришел к Карелину. Карелин вышел с несвойственной его тучной фигуре поспешностью и протянул Жеребцову старческую пухлую руку. Серые его глаза быстро взглянули из-под дымчатых очков. Серая борода разлетелась веером по серой плотной куртке.

— Рад, — сказал он глухо, — благополучному возвращению вашему из трудного плавания.

Жеребцов поклонился.

— Слышал, что на корвете своем вы обошли побережья Кара-Бугаза. Весьма интересуюсь подробностями.

Рассказ свой Жеребцов окончил в сумерки, когда сквозь табачный угар, застилавший комнату, запылали за окнами несметные костры по берегам Урала: то кочевники отдыхали после пустыни, окружив город пыльными становьями.

— Насчет залива Кара-Бугазского, — отважился наконец вымолвить Жеребцов, — я имею предложить правительству дерзкий проект.

Карелин ничего не спросил, только скрипнул креслом и поправил очки.

— Поскольку, — продолжал Жеребцов, — Кара-Бугаз вредоносен, надлежит прекратить его существование как обособленного залива и превратить в озеро, перегородив узкий пролив дамбой. Сооружение сие обойдется казне недорого, благо киргиз трудится за гроши.

— А какие, — протяжно спросил Карелин, — а ка-

кие, милейший мой лейтенант, имеете вы основания, чтобы полагать залив Кара-Бугазский столь вредоносным? Какие?

Последнее слово он выкрикнул, после чего сердито заерзал на кресле.

Жеребцов опешил. Не тот ли самый Карелин писал, что Кара-Бугаз является местом таким же бесплодным, как, к примеру, луна? К чему же этот сердитый вопрос и гневный блеск глаз за жестяными очками?

— Сейчас сообщу, — промолвил Жеребцов и загнул один палец. Он был неподатлив. — Залив поглощает множество воды из моря, исчезающей в нем, как в прорве. Сие обстоятельство вам хорошо известно. Известно вам также, что уровень моря медленно падает, грозя прекратить в некоторых местах судоходство. Причиной этого бедствия служит залив Кара-Бугазский.

— Раз.

Карелин вслед за Жеребцовым загнул большой пухлый палец.

— Два, — ответил Жеребцов и загнул второй палец: — рыбные богатства нашего моря из года в год скудеют. В Кара-Бугазе видел я несметное множество мертвой рыбы. Полагаю, что прекращение сего природного истребления рыбы и мальков, в случае закупорки залива, сулит значительные выгоды государству.

— Все? — спросил нетерпеливо Карелин. — Много ли вы видели мертвой рыбы?

Жеребцов покраснел: он не привык, чтобы ему не верили.

— В иных местах люди мои насчитывали по полутора ста рыб на каждые десять саженей берега. Мертвая рыба скопляется в таком изобилии, что чайки выклеивают у нее только глаза, пренебрегая мясом, и со всем тем нигде еще не видывал я чаек таких ленивых и

678333

объевшихся. Разрешите закончить: отделение залива создаст новое соляное озеро чрезвычайной величины. Вот и все.

— Вы желали бы, как я полагаю, получить мою апробацию для сей достаточно странной мысли? — спросил Карелин свистящим шопотом и внезапно прокричал, как будто покатила тяжелый кегельный шар: — Чепуха!

Он встал. За его широкой спиной дымились в окнах багровые костры. Казалось, тамерлановы полчища остановились у скрипучего кресла кряжистого и мудреного старца. Он высился за столом, подобно грубой статуе, вытесанной степными кочевниками из серого крупнозернистого камня.

Жеребцов, надеясь смягчить непонятный гнев Карелина, пробормотал, смешавшись:

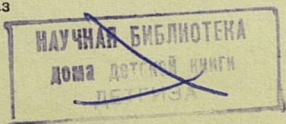
— Вместо дамбы можно удовольствоваться устройством частой проволочной сетки, каковая препятствовала бы каспийской рыбе проникать в залив.

Но Карелин уже остыл. Он снял очки и, подобно хитрому деду, насмешливо уставился на Жеребцова, как бы нечто прикидывая. Затем тихим голосом определил:

— Молоды и потому опрометчивы.

— Думаю, что и вам не так уж много лет.

— Пустыня! — крикнул опять Карелин. — Пустыня съела молодость! От нее и седина, и дряблость кожи, и прочие предвестия старости. Некий американский газетчик, побывав неделю в каракумских песках, писал о благодетельном действии пустыни на кожу и особенно на кости. Кожа якобы молодеет, а зубы приобретают крепость и блестящую белизну. — Карелин усмехнулся и оттянул книзу кожу на щеках: — Вот сему доказательство. Солнце в пустыне является бедствием. Весь

род человеческий благословляет его лучи, здесь же их заслуженно проклинаят: они отнимают у человека последние возможности к существованию. Но слова мои не имеют касательства к нашему спору. Я осведомлен, что вами отправлена в Гидрографическое управление докладная записка, где вы упоминаете о весьма замечательном грунте залива Кара-Бугазского. Если не изменяет мне память, — старик прищурился на окно, — вы изволили писать: «Грунт весьма замечателен — соль, а под ней известковая глина. Соль, полагаю, какая-то особенная, — тут Карелин приостановился и рассеянно поглядел на оторопевшего лейтенанта, — не того состава, что обыкновенная». Это-то верно?

— Совершенно точно.

— Любопытно узнать, чем же эта соль так замечательна.

Жеребцов улыбнулся.

— Определение необыкновенности получилось на корвете забавное. Найденную при пробе грунта соль мы сложили на палубу, дабы подсушить, а корабельный кок, человек, скудный умом, посолил ею борщ для команды. Через два часа весь экипаж заболел жесточайшей слабостью желудка. Соль оказалась равной по действию касторовому маслу.

Карелин беззвучно затрясся. Казалось, вместе с ним смеялось и его кресло и самый воздух кабинета, где заметно начала приплясывать слоеная гуща крепчайшего табачного дыма.

— Сударь мой, — сказал Карелин, отсмеявшись, — я ошибался подобно вам. Я почитал Кара-Бугаз бесплодным и как бы созданным природой назло людям. Но с недавнего времени, изучая дневники свои и думая о смертоносных водах залива, я пришел в сомнение, ибо в природе, нас окружающей, почти нет такого зла,

кого нельзя было бы употребить на потребу и выгоду человека. Едкая кара-бугазская соль является солью необычайной, и, думается мне, не глауберова ли это соль, иначе называемая щелочной? Действие ее на вашу команду весьма примечательно. Буде же в заливе осаждается глауберова соль, то уничтожение залива является преступлением. Соль сия обладает многими редчайшими свойствами. Одно из них, почти главнейшее, я хочу вам сообщить. — Карелин выдвинул ящик стола и достал желтоватую рукопись. Он погладил ее и обровнял края плотных листов. — Известно ли вам, что в России жил и скончался великий химик по имени Кирилл Лаксман?

— К стыду своему, Григорий Силыч, такого имени я не слыхал.

— Не к вашему стыду, милостивый государь, а к стыду всей родины нашей, где одаренные люди в той же цене, что и гурьевские будочки! — с прежней сердитостью прокричал Карелин. — Жизнь сего замечательного человека являет собой пример постоянных мучений. Финляндец родом, он по бедности родителей принужден был сделаться пастором, и его послали на служение из города Нейшлота в глушь сибирскую, в Барнаул. Лаксман тяготился пасторскими обязанностями и предпочитал странствовать по Сибири, когда и сделал много открытий, касающихся растительности и подземных богатств сего края. Одновременно он занимался химией. За заслуги научные его избрали академиком, но, не желая сидеть в Петербурге, предпочел он остаться в Сибири, заняв место горного советника. За пустую оплошность его с должности сняли и назначили исправником в Нерчинск. Вот-с, милейший мой лейтенант, какую подходящую должность подготовило российское правительство талантливому ученому и члену не токмо нашей, но и

шведской Академии наук... Так вот, указанный Кирилл Лаксман открыл возможность изготавливать из глауберовой соли стекло, столь же великолепное, как и английское. Рукопись сия — его доклад об этом открытии. Глауберову соль Лаксман именует горькой. Смотрите, что он пишет.

Карелин медленно прочел:

«Между многими новыми свойствами сея горькой соли, именуемой монгольскими народами «гуджар», наибольшего внимания достойна сила, ее в стекло претворяющая».

— При опытах своих Лаксман получил стекло белое и стекло черное, подобное китайскому лаку... Вот, — Карелин отодвинул рукопись, — дальнейшие изъяснения излишни. Закупорка залива вызовет перемену свойств воды и прекратит образование глауберовой соли. Утверждение ваше, что залив вызывает обмеление Каспийского моря, равно как и сожаление о погибающей рыбе, преувеличено. Без особой натуги я могу вас тут же разбить по всем пунктам. Но, пожалуй, лучше пойдем попить чайку, благо прислали мне из Уральска клюквенный сок.

Пропуская Жеребцова в столовую, Карелин сделал страшные глаза и прошептал:

— А вы уж и проект приготовили. В Петербурге сидят дураки. Они размышлять не любят, а прямо брякнут — закрыть залив на веки вечные и удивить Европу. Ежели бы вы упомянули слово «открыть», то государственные мужи, может быть, призадумались бы, а раз закрыть — так закрыть. Закрывать — это для них самое святое дело.

К шлюпке Жеребцов возвратился поздним вечером, а к корвету шлюпка подошла глухою ночью. В камышах, сухо шумевших по берегам Урала, крикали спро-

сонок дикие утки. Над морем в стороне дагестанских берегов синими взрывами разверзались зарницы. С палубы слышался однообразный гул моря у песчаных отмелей.

Жеребцов долго ходил по юту, взволнованный своей ошибкой. Каспийское море, изученное им до тонкости, показалось зловещим и неведомым. В стороне пустыни, там, где, как знал Жеребцов, лениво сочилась в солончаках мутная Эмба, возник купол багрового огня. Жеребцов вздрогнул: уж не залив ли Кара-Бугазский опять дымит в этой встревожившей его крошечной темноте? Но то была луна, подымавшаяся над равнинами Усть-Урта.

Жеребцов набил трубку и досадливо вздохнул: впервые за два года плавания по этому морю он ощутил от него усталость. За бортом корвета сопели в воде спящие тюлени.

Вахтенный офицер шутливо сказал Жеребцову:

— Вы бы спать шли, Игнатий Александрович. В это время спит даже рыба в море.

Жеребцов спустился в каюту и открыл иллюминатор. От зарниц долетало глухое гроыхание. Мучась духотой, Жеребцов вынул из стола чисто переписанный свой проект, быстро изорвал его и выбросил через иллюминатор в море.

МАЛЬЧИК С СЕРЕБРЯНЫМ ГОРЛОМ

Я сожалею, что документы, касающиеся жизни Жеребцова, утеряны, а то, что дошло до нашего времени, очень отрывочно и скудно.

К счастью, перед самой смертью Жеребцов, будучи уже в отставке, познакомился с писателем Евсеенко. Писатель этот добросовестно поставлял многочисленные рассказы для «Нивы» и «Родины». Немудрые эти рассказы были рассчитаны на читателя, располагающего множеством свободного времени, преимущественно на дачника, и ни в какой мере не блистали талантом.

Евсеенко не был лишен дара изобразительности, но, как и многие его современники (дело относится к 90-м годам прошлого столетия), был заражен страстью улавливать настроения. Он описывал настроение природы, людей, животных, свое собственное и даже настроение целых городов и подмосковных дачных местностей.

В одной из этих местностей он и познакомился с Жеребцовым, тотчас же опытным глазом определил,

что дряхлый и добродушный моряк неизбежно должен хранить в себе некий литературный сюжет, и взялся за выживание этого сюжета. Сюжета не выудив, Евсеенко все же рассказ написал, но напечатать не успел, так как у него открылась тяжелая стадия чахотки и он был послан в Ялту, где вскоре и умер. Рукопись его рассказа, интересующую меня лишь в меру заключенных в ней сведений о последних днях Жеребцова — первого исследователя Кара-Бугазского залива, я и привожу здесь, сделав необходимое сокращение. Назывался рассказ «Роковая ошибка».

«Если вы, читатель, бывали на художественных выставках, то должны помнить картины Саврасова, где изображены заросшие просвирником провинциальные дворики. Ветхий, но теплый дом со множеством пристроек и крылечек, липы под окнами (в них гнездятся галки), трава, густо растущая среди щепок, черный щенок, привязанный на веревке, и забор с выломанными досками. За забором зеркальная гладь живописной реки и пышное золото осеннего леса. Теплый солнечный день в сентябре.

Дачные поезда, проносящиеся вблизи старого дома, придают пейзажу еще большую прелесть, заволакивая желтизну лесов облаками паровозного пара.

Если вы, читатель, любите осень, то знаете, что осенью вода в реках приобретает от холода яркий синий цвет. В этот день вода была особенно синей, и по ней плыли желтые листья ив, пахнущие сладкой сыростью».

(Все это надо бы выбросить, но я оставляю эти описания из тех соображений, что они дают понятие об обстановке, окружавшей Жеребцова в последние дни его одинокой старости.)

«Мокрые листья берез налипают на ваши ботинки,

на подножки вагонов, на большие дощатые щиты, где московские купцы расхваливают свой товар перед выглядывающими из вагонов провинциалами.

Вот об этих-то щитах, особенно об одном, призывавшем всех курить гильзы Катыка, я и хочу поговорить с вами, читатель.

В сентябрьский день, о котором мы только что говорили, я встретил вблизи такого вот потрепанного дождями и солнцем щита с рекламами старика в поношенной морской шинели. Лицо старика поражало густым загаром, особенно заметным в обрамлении седины и в обстановке северной бледной осени. Казалось, солнце жарких азиатских морей так пропитало старческую кожу, что даже ненастье средней России не могло уничтожить его следов.

Старик стоял, опираясь на палку, и вполголоса насмешливо читал призыв Катыка курить только его гильзы № 110.

— Жулик, — сердито выкрикнул старик и угрожающе взмахнул палкой, — пройдоха, но башковитый субъект!

— Вы это о ком?

— О Катыке, милостивый государь, о фабриканте Катыке, — ответил старик доброжелательно. Видимо он был непрочь вступить в беседу.

Я спросил, почему Катык — пройдоха и жулик.

— История эта очень длинная. Пойдемте, пожалуй, ко мне — я живу поблизости, — выпьем чайку. Я вам кстати о Катыке расскажу.

Старик провел меня в тот дворик, о каком говорилось выше, и ввел в комнату, блиставшую чистотой. На полках стояли чучела высоких птиц с розовым оперением. По стенам висело много морских карт, исчерченных красными карандашами, и акварелей, изображав-

ших пустынные берега зеленого и бурного моря. На столе в строгом порядке лежали старые книги. Я взглянул на названия — то были труды по гидрографии различных морей и путешествия по Средней Азии и Каспийскому морю. Пока девочка, дочь хозяина, ставила нам самовар, старик откупорил коробку желтого феодосийского табака и скрутил толстую папиросу.

— Вот что, батенька мой, — сказал он, окутываясь дымом, — позвольте прежде всего представиться. Зовут меня Игнатий Александрович Жеребцов. Я — отставной моряк, гидрограф, составитель карт Каспийского моря. Мне, изволите ли видеть, стукнул уже восьмой десяток.

Вы интересовались Катыком. Так вот, могу сообщить, что Катык весьма неудачно исправляет ошибку, сделанную мною в молодые годы, когда я только что окончил плавание по Каспийскому морю. Ошибка моя состояла в том, что имеющийся на этом море залив Кара-Бугазский — не знаю, слышали ли вы о нем или нет, — я первый обследовал и признал совершенно бесполезным для государства, как не обладающий никакими природными богатствами. Но, между прочим, мною было обнаружено, что дно залива состоит из соли, как потом оказалось, глауберовой. Кара-Бугаз — место необычайное по сухости воздуха, по едкой и густой воде, по глубокой пустынности и, наконец, по обширности своей. Он окружен песками, и после плавания в его водах я заболел удушьем. Только здесь, на севере, болезнь меня оставила, а то, батенька, я каждую ночь задыхался и форменно умирал.

По глупости своей я хотел предложить правительству перегородить узкий вход в залив дамбой, дабы отрезать его от моря.

Зачем, спрашиваете? А затем, что я был убежден в глубокой вредности его вод, отравлявших несметные

стаи каспийской рыбы. К тому же загадочное в те годы обмеление моря я толковал тем, что залив ненасытно поглощает каспийскую воду. Забыл вам сказать, что вода в залив идет сильным потоком. Я высчитал, что ежели залив загородить, то уровень моря начнет подыматься каждый год почти на вершок. Я предполагал сделать в плотине шлюзы и таким путем поддерживать в море тот уровень, какой необходим для судоходства. Но покойный Григорий Силыч Карелин, спасибо ему, отговорил меня от безумного этого проекта.

Я поинтересовался, почему этот проект, правда необыкновенный, старик называет безумным.

— Видите ли, батенька мой, я уже говорил, что дно залива состоит из глауберовой соли. Ученые предполагают, что каждый год в водах залива оседают миллионы пудов этой соли. Величайшее, можно сказать, месторождение этой соли во всем мире, исключительное богатство — и вдруг все это было бы уничтожено единым ударом.

Вторая моя ошибка произошла по вине вот этих северных мест. Сам я калужец, а пятнадцать лет провел на Каспийском море. Там — ежели вы бывали, то должны знать — унылость, пыль, ветры, пустыни и ни травки, ни деревца, ни чистой текучей воды.

Мне бы надлежало, как только зародилось у меня подозрение в величайших богатствах кара-бугазских, заняться этим делом, разворошить ученых мужей, а я махнул на все рукой и помышлял лишь о том, как бы мне поскорей воротиться к себе, в жиздринские леса. Не нужен мне был Кара-Бугаз с его солью. Калужские свои перелески я променял бы на десяток Кара-Бугазов. Хотелось мне, знаете ли, как бывало в младенчестве, подышать горьким грибным воздухом да послушать, как шумят дожди по листве.

Понятно, слабости наши бывают сильнее велений ума. Отказался я от славы, совершил, можно сказать, преступление перед родом человеческим, уехал к себе под Жиздру и был счастлив. А между тем слух, что лейтенант Жеребцов нашел в заливе дно из необыкновенной соли, дошел до ученых. В залив послали туркмен. Они привезли воду в бутылках. Сделали ей анализ, и обнаружилось, что чистейшая это глауберова соль, без коей немисливо ни стеклоделие, ни другие многие производства.

Тут-то и вынырнул пройдоха Катък. Мало ему гильз да беговых лошадей, — он решил добывать соль в заливе, благо зимой волны выкидывают ее на берег прямо горами. Учредил для этого акционерное общество, всех обкрутил; соль не вывозит, а Кара-Бугаз получил от правительства почти в полное свое обладание. Вот потому-то я и говорю, что Катък этот ваш — изрядная «шельма».

В дальнейшем рассказе Евсеенко подробно описывает забавные разговоры Жеребцова с дочкой хозяина и дружбу его с окрестными мальчишками. Для них Жеребцов был непререкаемым авторитетом в делах рыболовства и дрессировки голубей. Мальчишек он звал «пузыри» и «клопы».

По праздникам к нему приезжал из Москвы сын его умершего товарища (письмо этому товарищу было приведено нами в начале главы) — мальчик с серебряной трубкой в горле. Вместе они мастерили ловушки для птиц и удочки или занимались химическими опытами.

Иногда Жеребцов оставлял мальчика у себя ночевать. Тогда в его комнате до позднего вечера не стихали разговоры. Жеребцов рассказывал о своих плаваниях, и, надо сказать, никогда у него не было столь внимательного собеседника.

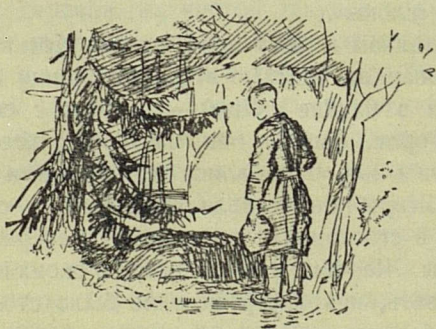
Мальчик слушал и долго не мог заснуть, глядя на острые звезды за окнами. Зато и спали они потом крепко, по-детски. Даже хриплые вопли петухов, приветствовавших новый серенький день, не могли прогнать сладкий их сон.

Однажды таким вот утром Жеребцов не проснулся.

Похоронили его на пустынном кладбище на опушке леса. На похороны пришел хозяин дачи — владелец сапожного заведения из Марьиной Рощи, мальчик с серебряным горлом, несколько мальчишек-голубятников и Евсеенко.

Через неделю могилу занесло мокрой рыжей хвоей. Начались долгие дождливые ночи и короткие холодные дни, и о Жеребцове забыли все, кроме мальчика с серебряным горлом. Изредка он приезжал из Москвы на могилу. Придет, постоит несколько минут и уйдет по длинной просеке к станции, где подымаются к небу столбы пышного паровозного пара.

Все попытки разыскать могилу Жеребцова, предпринятые сейчас, оказались тщетными. Да и разыскивать ее большой нужды не было: мало ли в старой России умерло безвестных исследователей, чьи имена навеки погребены в пыльных и заброшенных архивах?

ЧЕРНЫЙ ОСТРОВ

Окропленные вашей кровью
пустыни
Красным знаменем реют,
над нами шумя.

Маяковский

Кончался январь 1920 года. Шторм бил брызгами в окна низких портовых зданий. Тяжелый дождь шумел по улицам Петровска. Горы дымились. К северу от Петровска до Астрахани море лежало подо льдом.

Старый пароход «Николай» разводил пары. В неприбранных каютах висели прошлогодние календари и засиженные мухами портреты Колчака. К палубе прилипли окурки и пожелтевшие газеты. В штурманской рубке синий от холода вахтенный, нахохлившись, ждал капитана. Капитан пропадал в городе.

Вонючий дым над трубой камбуза возвестил, что кок варит ячневую кашу с мышинным пометом. Но даже это событие не разогнало уныния, разъедавшего корабль подобно ржавчине. Матросы валялись в кубрике.

В кают-компани спал на красном плюшевом диване желтый и злой официант.

Воспользовавшись сумрачным днем, из всех щелей ползли тощие пароходные клопы. В трюме сипло пропел украденный накануне петух.

«Пора нашей гитаре на кладбище», подумал вахтенный и посмотрел на штурвал, где можно было заметить медную дощечку, сообщавшую на английском языке, что пароход «Николай» построен в 1877 году в Нью-кестле.

Вахтенный посмотрел кстати на желтую, выдавшую виды трубу. Из нее валил рыжий дым.

— Что они, мусором топят, что ли? — сказал вахтенный и вздрогнул. В сыром дыму на горах громыхнул пушечный выстрел.

Из кубрика вылез матрос в калошах на босу ногу. Он вяло протащил по палубе занемевшие ноги, поднялся на мостик и прислушался: глухие удары учащались.

— Похоже, бьют кадетов красные, — сказал он вахтенному. — Красные, — зашептал он, и глаза его сузились, — наступают от Хасав-Юрта, ночью будут в Петровске. С капитаном надо поговорить насчет этого. Команда полагает, что надо тикать от эвакуации. Снимемся вечером и сунемся в море — тихо, благородно, без кадетов, без оружия.

Матрос махнул рукой на восток, где море кипело, как котел с мыльной и грязной пеной.

Вахтенный взглянул на корму, где хлопал мокрый трехцветный флаг, и вздохнул. Эх, если бы все вышло так, как задумано: удрать от деникинцев, от эвакуации!

— Капитан пропал, засыплемся мы из-за этого, — тоскливо пробормотал он и вышел на палубу.

Он вгляделся в дождь, наискось бивший по гнилым пристаням, и сплюнул. Толпа людей в зеленых англий-

ских шинелях шла к пароходу. Они волочили на веревке пулемет и шли прямо по лужам, разбивая их набухшими буцами. Сбоку вахтенный заметил знакомую фигуру капитана в дождевом плаще. Капли быстро стекали с его усов, и казалось, что капитан безмолвно плачет.

Отряд деникинцев влез на палубу по скользкому трапу. Офицер с выпуклыми серыми глазами прошел в кают-компанию, потянул за ногу спавшего официанта и хрипло сказал:

— Пошел на свое место, ворюга!

Официант вытащил из кармана салфетку, вытер лицо и вышел.

Закрыв дверь каюты, он посмотрел на нее так, что, если бы дверь была живым существом, она содрогнулась бы от страха.

Солдаты с трехцветными нашивками на рукавах — «батальон смерти» — рвали двери кают, не дожидаясь, пока принесут ключи, и грозили кому-то, стиснув зубы. У трапа поставили часового.

Капитан вошел в штурманскую рубку и долго дрожащими руками расстегивал набрякший плащ. Вахтенный уныло смотрел на него и ждал.

Наконец, капитан достал медный погнутый портсигар и закурил.

— Ну, попали! Назначили нас под эвакуацию. Я в штабе ругался — у меня судно в порту на якоре и то разваливается. Куда же его гнать в море в такую штормягу? Смеются. «Мы, — говорят, — дадим такой груз, что не жалко». — «Какой такой груз?» — «Большевик из тюрьмы — во кого, слыхали?» — «Куда же их девать?» — «Да, — говорят, — есть для них подходящее место. Куда прикажем, туда и повезете. А если не хотите выходить в море, то поговорим в подвале. Тогда захотите».

Капитан сел и потянул к себе судовой журнал. В горах опять тяжело прогремело, и за дождем блеснул желтый огонь. В журнале стояли кривые строчки: «Ветер норд-ост силой в 10 баллов. Волнение — 9 баллов. Воды в трюмах — 30 сантиметров».

— Тридцать сантиметров! — капитан отшвырнул журнал и криво улыбнулся. — Людей будем сажать в трюмы, — лицо его налилось сизой кровью, — в воду, в трюмы! Доплавались под николаевским флагом, дошли до ручки. Живой груз повезем, как быков на убой. Эх, вы...

Он хотел еще что-то прибавить, но осекся, — в дверях стоял офицер с выпуклыми глазами.

— Голубчик капитан, — он галантно переступил через высокий порог каюты, — распорядитесь открыть трюмы, сейчас приведут заключенных.

Трюмы были открыты, но заключенных привели только в полночь, когда от нефтяных складов уже городом сыпалась ружейная перестрелка.

Красные рвались к городу. Переход на сторону денкинцев турецкого офицера Казым-бея, командовавшего красными частями, не спас города. Казым-бей — черное его имя гремело тогда по Дагестану — был агентом муссаватистов. Он проник в расположение красных частей, завоевал их доверие, участвовал в боях и ждал удобной минуты, чтобы предать. Измена Казым-бея удесятерила ярость красных частей. Они перешли по всему фронту в наступление, и их передовые отряды уже дрались на подступах к Петровску.

«Николай» сипел мятым паром и качался у пристани черной нелепой тушей, — огней приказано было не зажигать. Море, порт, город, горы — все превратилось в глухую, порывистую от ветра тьму. Белела только пена, переливаясь через изуродованный бурями мол.

Заключенных привели очень тихо. Вахтенный считал их, стоя на мостике.

— Почти сто человек, — сказал он капитану, когда последняя черная тень, подгоняемая прикладами, медленно полезла в трюм. Из трюма несло холодом и запахом гнилой кожи.

Отошли ночью.

«Николай» обогнул мол, затрещал, вскрикнул и высоко вздернул нос. Ледяные горы воды подкатывали под его ветхое днище. В кают-компании посыпались со столов стаканы.

Солдаты сбились у поручней. Они смотрели на берег, где тускло и часто вспыхивали огни рвущихся снарядов. Официант смотрел вместе с ними. Ветер поднимал его редкие волосы. В борт чугунными билами молотила каспийская волна.

Перед отходом на пароход вошел старый офицер с седой подстриженной бородкой. Тонкие его ноги были в шелковых черных обмотках, редкие волосы разлизаны тщательным пробором. Он потребовал в кают-компанию чаю, велел позвать капитана, медленно развернул на столе карту и положил на нее маленькие руки.

Капитан вошел, красный от ветра, и угрюмо остановился у двери.

— Подойдите поближе. — Офицер сухо улыбнулся. Улыбка эта испугала капитана: так обычно улыбаются в присутствии обреченных людей.

— Слушаю. — Капитан подошел к карте.

Офицер вынул красный карандаш, не торопясь очинил его лезвием безопасной бритвы, закурил, прищурился и, выискивая что-то на карте, поставил жирный крест. Потом, примерившись, провел через все море ровную линию от Петровска до отмеченного места.

— Держитесь вот этого курса, — сказал он.

Капитан взглянул на карту.

— Курс на Кара-Бугаз? — спросил он испуганно.

— Примерно так, но только примерно. Держите немного севернее, вот к этому острову. Как он называется? Позвольте, — офицер заглянул на карту, — к острову Кара-Ада.

— Нельзя, — глухо сказал капитан.

— То есть как это нельзя?

— Около острова нет якорных стоянок. При этом курсе шторм бьет в борт, а мы идем без груза. Считаю такое направление опасным.

— Но ведь шторм как будто стихает, — вкрадчиво проговорил офицер.

— Вообще плавание у берегов Кара-Бугаза зимой невозможно. Там нет огней, множество рифов. Я не в праве подвергать риску ни людей, ни судно. Море в тех местах пустынное.

— Ах, так, — нараспев сказал офицер. — Вот и отлично. Нам как раз и нужно пустынное море. Да, нужно! — неожиданно крикнул он визгливым фальцетом. — Потрудитесь выполнять распоряжения, иначе я засажу вас в трюм к этим скотам. Команде сообщить, что мы идем в Красноводск. Не шляться по палубе без дела. Все. Ступайте!

Капитан вышел. В штурвальной рубке он заметил часового. Он стоял рядом с матросом и смотрел на картушку компаса, сверяя что-то по бумажке.

«Попали в капкан, не открутимся», подумал капитан. У себя в каюте он достал лоцию Каспийского моря, нашел описание острова Кара-Ада и прочел его.

В лоции было сказано, что этот совершенно пустынный и безводный остров, представляющий собою осколок скалы, лежит в одной миле от восточного берега

моря, против мыса Бек-Таш, к северу от Кара-Бугазского залива. Остров изобилует змеями. Место для высадки со шлюпок только одно. Подходы к острову опасны из-за множества рифов. Якорных стоянок нет. Грунт — голая каменная плита — совершенно не держит якорей.

— Крышка! — Капитан бросил лоцию на стол. Море валило горами. Жалкие мачтовые огни освещали высокий нос, дергавшийся из стороны в сторону. Сам по себе звонил колокол, — это значило, что размахи доходят до сорока градусов. Офицер с выпуклыми серыми глазами испуганно полез на спардек и лег грудью на борт, — его рвало. Он блевал в черную воду, стонал и ругался. Январская ночь летела с востока со свистом и гулом, предвещая неизбежную гибель.

В трюме было темно, и от борта к борту переливалась вода. Заключение сидели и лежали на мокрых досках. Их швыряло из угла в угол, они хватались за ребра ржавых шпангоутов, разбивали в кровь лица, глохли от пушечных ударов волн и стонали от жестоких приступов морской болезни. Немногие из них сознавали, что это гибель, что дрянной пароход идет порожняком, что его кренит на сорок градусов, что он может каждую минуту лечь на борт и не встать, но все прекрасно знали, что впереди, на той неизвестной суше, куда их высадят, их ждет смерть.

Прекрасно знал это и геолог Шацкий, попавший в число заключенных случайно. Он не был большевиком. Он пытался пробраться из Петровска в Астрахань. Его заподозрили в шпионаже, посадили и три раза водили в Петровске на расстрел, но не расстреляли. Водили ночью. Забирали из камер по пятидесяти заключенных

и выводили на свалку, где жили разжиревшие от мертвечины псы.

Смертников выстраивали и пересчитывали. Первый раз расстреливали каждого десятого, — Шацкий в эту ночь оказался восьмым. Второй раз расстреливали каждого пятого, но Шацкий оказался четвертым. В третий раз расстреливали каждого четвертого, но Шацкому опять повезло — он был первым. После третьего раза он поседел. Его и других уцелевших заставляли стаскивать трупы расстрелянных в старые известковые ямы. Тащили за ноги. Потом весь день казалось, что руки густо смазаны мылом.

Командовал расстрелами офицер с выпуклыми серыми глазами. Каждый раз он напивался для храбрости, ругал заключенных «падалью» и заставлял их, построившись в шеренгу, по нескольку раз менять места перед расчетом. На языке конвоиров — болезненного вида юношей с пьяными озорными глазами — это называлось «венской кадрилию».

В Петровск Шацкий попал с полуострова Мангышлака. После разведки каменного угля и фосфоритов в горах Кара-Тау он хотел пройти к Кара-Бугазу, но киргизы-проводники наотрез отказались вести его. Был разгар лета, и по пути к Кара-Бугазу, в песках Карын-Ярык, не стало ни капли воды. Пришлось вернуться через дикое плоскогорье Удюк обратно в форт Александровск. В форте Шацкий прожил три месяца. Ему даже понравилось уныние этого серого городка, где не было тогда никакой власти. В форте он написал отчет об экспедиции и интересную работу о запасах воды на сухом, как проклятье, Мангышлаке.

Во время экспедиции он заметил, что жалкие ручьи в горах Кара-Тау текут всегда из-под каменных россыпей. Шацкий принадлежал к людям, привыкшим да-

вать объяснения всему. Он жил в мире абсолютно точных законов и достоверных гипотез.

Несколько дней он думал над происхождением этих ручьев, потом нанял двух мальчишек, и они натаскали ему в пустой цементный бассейн на дворе кучу голышей с морского берега. Хозяин-рыбак решил, что Шацкий свихнулся от тоски по России и от «науки».

Шацкий с мальчишками завалил весь бассейн голышами, а на третье утро вынул часть камней. Нижние камни оказались мокрыми, на дно бассейна натекла лужа чистой воды.

Вопрос был решен: на Мангышлаке, как и всюду в пустыне, летние дни отличаются жестокой жарой, а летние ночи холодны, как мартовские ночи в Москве. Каменные россыпи являются природными конденсаторами паров из воздуха, быстро остывающих ночью. Эти россыпи вбирают влагу, пропускают ее вниз и хранят под своими слоями.

Больше всех был в восторге от открытия Шацкого его хозяин. Он мечтал выстроить большой бассейн, засыпать его галькой и каждое утро собирать десять ведер вкусной пресной воды вместо тухлой воды из колодца.

Смотреть на бассейн приходил бывший неограниченный владелец Мангышлака — купец Захарий Дубский. Шацкий с неприязнью отвечал на назойливые расспросы позеленевшего старикашки в вытертом люстриновом пиджаке.

До революции Дубский был миллионером. Он взял на откуп у царского правительства весь Мангышлак. Ему одному была разрешена торговля и рыбная ловля без соблюдения законов «об охране рыбных богатств». Богомольный и ласковый, старик платил киргизам-рабочим за всю путину по два рубля, торговал водкой и посылал гостинцы своему «благодетелю», ве-

ликому князю Николаю Михайловичу, жившему в Ташкенте. Этот седобородый князь славился на весь Закаспийский край тем, что нагишом гулял в сильную жару по своему саду и дому.

В таком виде он принимал просителей и выслушивал доклады.

Дубский подивился на бассейн Шацкого, засунул руку на дно, поскреб там желтым ногтем, недоверчиво пососал мокрый палец и пригласил Шацкого к себе на дачу. Дача стояла на берегу моря, около маяка Тюб-Караган, и была знаменита несколькими чахлыми деревьями. Шацкий не взлюбил этот нелепый дом, где старовер-купец изнывал от чаепитий, поглядывая на дымную мглу, курившуюся над пустыней.

Пустыня вплотную подступала к форту. Она стерегла его у городских застав. Ее тощая глина и серая полынь нагоняли тоску. К тоске этой примешивалась легкая гордость: угрюмость пустыни была величава, беспощадна, и немногим, думал Шацкий, посчастливилось пережить захватывающие ощущения бесплодных и неисследованных пространств.

Кроме Дубского, в форте Александровском жил на покое отставной дурак-генерал, изобретавший ловушки для сусликов. Некогда он командовал местным заолустным гарнизоном. Рыбаки рассказывали, как этот генерал, только что прибыв в форт, вылетел на парад на разъяренном гнедом жеребце. Он подскакал к киргизам и, желая приветствовать их на родном языке, громовым голосом гаркнул:

— Здорово, саксаулы!

Киргизы испугались. Весь город потом несколько дней помирал от хохота.

Самыми интересными обитателями форта были рыбаки-зверобои, специалисты по добыче тюленей. Тю-

лений бой считался опасным и жестоким делом. Зимой зверобои большими обозами выезжали по льду в море. Всю осень перед этим откармливали и ярили лошадей. Лошадь на тюленьем бое решала все: если лед трескался с пушечным гулом и начинал медленно уплывать в море, зверобои бешено гнали лошадей к берегу, и дикие эти лошади перескакивали с санями через трещины.

Били только детенышей тюленей — белков, еще не умеющих плавать. Били палками на льду и привозили в форт золотистые дорогие шкурки.

Каждую зиму гибло несколько зверобойных артелей — кошей. Их относило на льдинах в море, в сторону Персии. Спасали редко — в форте не было телеграфа, чтобы дать знать в «Россию» о несчастье.

Шацкий узнал, что в форте Александровском томился в ссылке Тарас Шевченко, забритый в солдаты и отправленный в каторжный мангышлакский гарнизон за участие в украинском Кирилло-Мефодьевском братстве.

Только в ноябре Шацкому удалось на рыбацкой шхуне — реюшке — перебраться из форта в Петровск.

Сейчас Шацкий лежал в трюме рядом с матросом-большевиком Гансом Миллером. С ним он просидел три месяца в тюрьме. Их вместе два раза водили на расстрел, и если Шацкий не сошел с ума, то только благодаря Миллеру.

Молчаливый этот юноша в морской каскетке скупой рассказывал о родной Эстонии, о дюнах и старинном Ревеле. Шацкий никак не мог отделаться от впечатления, что сейчас в Ревеле пасмурная зима, пахнущая зеленоватым балтийским льдом, нарядная от тихих огней и пустынная, ибо тысячи Гансов Миллеров ушли

из дому и дрались в красных частях под Самарой и Шенкурском, сидели в вонючих тюрьмах, голодали, жили в дырявых обледенелых теплушках.

Миллер попал в плен во время разведки. Деникинцы неизбежно должны были, как он говорил, «укоцать» его, но он думал о чем-то далеком от смерти, должно быть о бегстве.

Когда в ночи расстрелов Шацкого была стыдная дрожь, Миллер похлопывал его по спине и напоминал:

— Бросьте! Раз родились — все равно помрем.

Шацкого поражала выдержка Миллера, штурвального Балтийского флота, ставшего большевиком в жаркие дни июля семнадцатого года. Миллер был моложе Шацкого на десять лет, не знал и сотой доли того, что было известно Шацкому, но геолог чувствовал себя перед ним мальчишкой.

Миллер был непримирим и знал то, о чем геолог не имел понятия, — законы борьбы и победы. Он смотрел на людей спокойно и понимающе, всегда насвистывал, а на допросах отвечал очень вежливо, но неясно, улыбался и со скукой, как на давно знакомый трюк, смотрел на бесившихся бледных офицеров.

Он прославился тем, что довел до истерики начальника контрразведки и после этого спокойно налил и подал ему стакан воды. Начальник смахнул стакан со стола, ударил стэком по бумагам и пообещал Миллеру повесить его в тот же вечер, но не повесил.

Контрразведка считала Миллера «опасным субъектом» и комиссаром и надеялась вымотать из него важные сведения. Его ни разу не били шомполами. Конвоиры поглядывали на Миллера с некоторым почтением: «Твердый, гад: видать, боевой».

Сейчас в трюме одессит Школьник — бывший шорник и партизан — пробрался к Миллеру, единственно-

му моряку среди заключенных, попросил закурить и сказал:

— Ты моряк, ты знаешь устройство парохода.

— Ага, — ответил Миллер.

— Я решил так. (Школьник произнес это слово очень мягко.) Надо потопить пароход вместе с той сволочью, — Школьник ткнул горячей папиросой вверх. — Открой кран, как он у вас зовется: кингстон или как иначе. Все одно нас убьют. Если пропадать, так кончим и их вместе. Такь.

— Кингстон не здесь, — равнодушно ответил Миллер. — К чему глупости? Их пластинка кончается, а из нас если десяток останется в живых, и то не плохо. Не устраивай массового самоубийства, Школьник, не делай паники.

— Такь! такь! — с горечью пробормотал Школьник и отполз от Миллера.

Капитан всю ночь просидел у себя, не снимая пальто. Рассвет пришел поздно, только к восьми часам. В промерзлых каютах качался серый туман. За потными иллюминаторами все так же ревели море. На востоке, над необъятными пустынями Азии, желтела ледяня заря.

Капитан вышел на палубу. В кают-компани лежали на полу зеленые солдаты. Громадное и неудобное морское утро сочилось на их изжеванные шинели с трехцветными нашивками, на сваленные винтовки, на опухшие лица. Пахло блевотиной и спиртом. В грязном зеркале отражался вазон с высушенной фуксией.

Официант неизвестно зачем перетирал пожелтевшие чашки и накрывал столы хрустящими крахмальными скатертями. Застарелая привычка брала свое.

Он взглянул исподлобья на капитана и вздохнул. Да, кончились прекрасные плавания из Астрахани в Баку, когда даже он, официант, страдавший профессиональной мизантропией, шутил с пассажирами и трепал по головкам детей.

— Дожили, Константин Петрович! — Официант открыл дверцу пустого шкапа. — Может, водочки выпьете? Небось, вся душа отсырела. Семкин вчера в кубрике верно выразился: «пловучая виселица» мы, а не пароход «Николай».

Официант отвернулся и вытер грязной салфеткой глаза. Тощая его шея густо покраснела.

Капитан крикнул и пошел на мостик. Там стоял с биноклем на ремешке вчерашний старый офицер на тонких ножках. Он смотрел на восток и морщился.

Он подошел к капитану, ласково заглянул в глаза и спросил, почесывая бородку:

— Когда же будет наконец Кара-Ада, капитан?

— Когда придем, тогда и будет.

— Так, так, так, понимаю. — Офицер вынул золотой портсигар и закурил, не предложив капитану. — Так, так, так. — Он положил капитану руку на плечо. Рука показалась очень тяжелой, как будто чугуновой. — Когда будем в пяти милях от острова, сообщите мне. Кстати, артачиться вам нет ни малейшего смысла. — Он стиснул капитанское плечо. — Рейс секретный. Предупредите людей, что за болтовню они ответят головой.

Капитан кивнул и осторожно высвободил плечо. Офицер, покачиваясь на паучьих ножках, забалансировал к трапу.

Через два часа вахтенный матрос доложил, что открылся берег. Шторм стихал. Ледяная вода медленно лизала борта «Николая». В ясности зимнего дня наплывали черные низкие обрывы, грубо вытесанные на

синем блестящем небе. «Николай» шел тихим ходом к одинокому острову, окруженному пеной бурунов.

К этому времени в трюме умерло десять сыпнотифозных. Трупы их плескались в воде. Грузин Рогоберидзе дико кричал и лил себе в уши пригоршнями ледяную воду. У него начиналась заушница. Он бредил. Ему казалось, что контрразведчики прижигают голову раскаленным железом, и он звал товарищей.

— Сандро, спасай! Сандро, не давай умирать!

В полдень трюм открыли.

Гнилой воздух вырвался оттуда вместе с иступленным криком грузина:

— Сандро, бей негодяев!

Шацкий поднял голову. Высоко по обочинам железного колодца качались зеленые шинели, и над ними, еще выше, мчалось обрывками туч холодное небо. Хотелось пить. Свет затопил трюм, и заключенные моргали, стряхивая с ресниц мутные слезы.

Тогда впервые Шацкий увидел железное брюхо трюма и рыжую воду под ногами. Синие заостренные лица мертвецов плавали в ней, тихо покачиваясь. Три аварца лежали грудой, туго укутав головы мокрыми бурками. Один из них был жив. Он поднял голову, проговорил что-то длинное и жалобное на незнакомом языке, захрипел и свалился в воду.

Миллер подошел к железному трапу и медленно полез вверх. Оттуда кричали, но Шацкий ничего не слышал, — он упорно лез вслед за Миллером, стараясь не сорваться.

Из трюма вышло восемьдесят человек. Всех, кто не мог подняться сам, оставили в трюме и снова закрыли его широкими тяжелыми досками.

Заключенных согнали на корму — толпу желтых от качки, голода и жажды людей. Свежий воздух рвал

обескровленные легкие. Школьник громко и непрерывно икал. Шацкий вспомнил рассказы о предсмертной икоте и отвернулся.

Пароход покачивался у горбатого острова, черным камнем торчавшего из воды.

Седой офицей поднялся на мостик. Он оглядел толпу заключенных и усмехнулся.

— Поздравляю, товарищи, с благополучным прибытием, — он показал театральным жестом в сторону острова. — Вот ваше убежище. Здесь вы можете провозгласить советскую власть. Поручик, разбить всех на двадцатки!

Долго спускали шлюпки. Шацкий равнодушно ждал. Матрос тайком сунул ему в руку пачку махорки. Шацкий тупо посмотрел на махорку и отдал ее Миллеру. Он не курил.

Высадка заключенных на остров Кара-Ада продолжалась несколько часов. Шлюпки не могли подойти к берегу из-за сильного прибоя. Заключенных заставляли прыгать по пояс в воду и добираться до берега пешком. Школьник не устоял на ногах. Его сшибло волной и унесло в море. Шацкий видел над водой, но всего несколько секунд, его вытянутые вверх руки и понял, что Школьник тонет.

На берегу Шацкий лег на камни и смотрел на пароход. Грязный и угрюмый, выкрашенный в черный и желтый цвет, он мотался на волнах, распуская хвост зловонного дыма.

Шацкий не понимал, что случилось. Он как-то не заметил, что их высадили без всего: не дали ни воды, ни пищи, ни даже черствого хлеба. Один Миллер знал, что это значит. Между островом и берегом бушевал широкий пролив.

Шацкий видел, как последняя шлюпка вернулась к

пароходу и матросы долго, мешая друг другу, подтягивали ее на таях. Потом из трюма вытащили трупы и бросили в воду, — за кормой всплеснула синеватая вода. «Николай» дал гудок и, застилая остров дымом, пошел на юг, в сторону Баку.

— Что делать, Миллер? — пробормотал Шацкий и сел на камнях.

Миллер потряс его за плечо.

— Встать и собрать все топливо, какое найдется в этом проклятом месте. Имейте мужество. Здесь нет ни капли пресной воды. Без воды мы, здоровые, проживем только три дня. На берегу, за проливом, может быть, кочуют туркмены. Надо дать дымовой сигнал.

Весь вечер Шацкий сосал холодные мелкие голыши, чтобы обмануть жажду. Спотыкаясь, он бродил по острову, разыскивая сухие ветки и обломки досок, выброшенные на берег. Море было пустынно. Шацкий знал, что в это время года здесь не встретишь ни одного судна, ни одной туркменской лодки. Кто пойдет к этим мертвым и черным берегам, где нет ничего, кроме псков и горькой соли?

К ночи развели два костра и положили около них тифозных. К утру в живых осталось шестьдесят человек.

Трое студентов из Темир-Хан-Шуры решили плыть к берегу. Миллер их не удерживал. Он завалил костры сухой полынью и всяким сором, чтобы вызвать густой и белый дым. Студенты разделись. Двое поплыли, а третий лег на берег лицом к земле и заплакал: он не мог даже войти в воду, его шатало и мутило. Пловцы утонули вблизи берега. В проливе снова свирепствовал шторм. Течение несло на камни потоки черной воды. К вечеру заключенные подползли к кострам и лежали неподвижно. Миллер жевал конец своего матросского ремня и смотрел на берег, надеясь увидеть огни ответ-

ных костров. Но их не было. Тяжелая ночь неслась из пустыни туманом и сажей. Она сгоняла к острову всю стужу голодных сыпучих песков.

— Миллер, — прошептал среди ночи Шацкий, — Миллер, я вспомнил: киргизы зимой гонят скот к Кара-Бугазу, там в оврагах лежит снег.

— Если бы пошел снег, было бы нам счастье, — пробормотал Миллер.

За ночь умерло еще пятнадцать человек. Шацкий к утру лежал почти без сознания. С востока наносило не то низкие черные тучи, не то холодный дым исполинского пожара. Шацкий открывал красные глаза и тупо смотрел на тучи, ожидая, что вот-вот из них упадет хотя бы капля дождя.

Тучи неслись, толкаясь и опускаясь все ниже. Море стихло. Ветер менялся, и море готовилось обрушиться на остров с севера, откуда, может быть, уже шел спасительный снежный буран.

«Снега здесь не бывает», подумал Шацкий.

Он вспомнил, что в тюрьме их сидело пятьсот человек. Где же остальные? Неужели всех расстреляли?

Язык распух. Шацкий с трудом поворачивал голову, и каждое слово причиняло острую боль воспаленному нёбу. Тучи спускались все ниже и ниже. До них уже явственно долетали стоны людей, умиравших на обломке черной скалы. Вместе с тучами опускался на остров сырой и жестокий вечер.

Миллер на коленях пополз к костру и ногами подтолкнул в огонь последние гнилые доски. Сладковатый трупный смрад несло на костер из-за ближайших камней. Миллер упал на живот и затих.

Последняя ночь пришла в густом гудении норда. В полночь Шацкий ощутил на лице прикосновение чего-то мокрого и холодного. С неба падал редкий колючий

снег. Шацкий хотел крикнуть, разбудить Миллера, но не мог. Он только открыл рот и сосал редкие снежинки, залетавшие с ветром и морскими брызгами на лопнувшие черные губы.

Но все же надо было разбудить Миллера, если он не умер. Шацкий уперся руками в острые камни и сел. Ноги горели: должно быть, он обморозил их ночью. Ветер качал его, как тряпичное чучело на огороде, зло бил в спину и охлаждал воспаленную кожу.

Шацкий заставил себя открыть глаза, хотя ему было совершенно ясно, что открыть их — значит умереть, что он больше не вынесет зрелища этой дикой, завывающей ночи. Он осторожно разлепил клейкие веки и посмотрел вперед, как лунатик: за снежной пургой в кромешной темноте пылало три огня. Был ли это бред или действительно на берегу пылали огни?

Шацкий нащупал рядом с собой холодную куртку Миллера и изо всей силы дернул ее за ворот. Миллер застонал.

— Миллер! — прошептал Шацкий, хотя ему казалось, что он кричит. — Миллер, голубчик, встаньте. На берегу огни, много огней.

Миллер зашевелился и с трудом перевернулся на спину. Цепляясь за руки и плечи Шацкого, он медленно сел, обдав его горячим дыханием.

— Братишки, — сказал он тихо, и голос его сорвался. — Братишки, скорее! Смерть наша кругом, братишки!

Он встал шатаясь.

— Чего? — крикнул он Шацкому. — Лежи, не двигайся! Дотяни до утра! Должно быть, заметили.

Заклученные не шевелились. Один только красногвардеец поднял голову и тотчас ее опять уронил.

Утро застало в живых только двадцать два человека.

А к полудню с юга, из-за мыса Бек-Таш, исполинским серым крылом вынесло ныряющий парус. Он взлетал и тонул в черных волнах, борясь с жестоким нордом.

Парус видел один только Миллер. Шацкий лежал в бреду. Ему казалось, что камень обнял его тяжелыми руками и хочет вдавить с собою в землю.

Миллер бросил в догоравший костер валявшуюся рядом шинель. От костра повалил удушливый желтый дым.

Последнее, что видел Миллер, — скуластое лицо в малахае, потом ему сожгло рот приятной жидкостью, потом чей-то свистящий голос сказал по-русски: «Бери вот этих пятнадцать, остальные все мертвые». Больше Миллер ничего не помнил.

Никому не удалось узнать имени киргиза, который заметил с берега дым костров на Кара-Ада. Может быть, этот киргиз еще жив. Может быть, он гоняет баранту «Овцевода» в Адаевских степях, около Гурьева, или работает на соляных промыслах в Кара-Бугазе, — никто этого не знает. Имя его поглотила пустыня. У кочевников нет паспортов; они уходят в степь, и найти их невозможно.

Никто не знает имен тех киргизов, которые разожгли на берегу у Бек-Таша ответные костры. Они жгли костры и говорили о несчастье, о том, что на проклятом острове, где нет ничего, кроме змей, оказались люди. Человек, попавший на Кара-Ада, может только бедствовать.

Надо было подать лодку, но лодок у киргизов не было. Лодки были далеко, в Кара-Бугазском проливе, где русские выстроили дощатый дом и поселили в нем человека с густой черной бородой и разрезанным горлом.

По всем кочевкам гулял слух, что у этого человека в горле вставлена серебряная трубка. Старики удивлялись, как это басмачи до сих пор не польстились на драгоценную трубку и не убили странного русского. Рассказывали, что русский записывает в толстую книгу ветры, движение облаков, цвет воды и другие приметы. Занятия русского пахивали чертовщиной. По всему было видно, что это настоящий, хотя и добрый колдун. Он лечил кочевников от трахомы и нарывов и всегда перевозил их через пролив на своей лодке.

Человека с серебряным горлом звали Николаем Ремизовым. Он был первым метеорологом, согласившимся зазимовать на временной метеорологической станции в Кара-Бугазе вместе со стариком-сторожем Арьянцем.

По мнению товарищей, Ремизов остался в Кара-Бугазе на верную смерть. Но прошло уже полгода, а его никто не тронул. Вести из России не приходили совсем. Ремизов только догадывался, что там бушует море гражданской войны.

Он жил с Арьянцем подобно Робинзону. Они били диких гусей, ловили в проливе рыбу. Им оставили на год муки, сахара, керосина и чая. Весь ноябрь они заготавливали саксаул, и в тесном их доме было тепло и пахло хлебом, выпекаемым Арьянцем.

«Местность вокруг на сотни километров необитаема», записал в дневнике Ремизов в первый же день переселения в дощатый дом с туркменских объемистых лодок.

Ремизов не считал метеорологию точной наукой, называл ее искусством и занимался не столько метеорологическими наблюдениями, сколько изучением Кара-Бугазского залива и пустыни.

Он утверждал, что изречение «все течет, все изменяется» родилось впервые в мозгу жителя пустыни.

что, — говорит, — ты не человека убиваешь, а дьявола. Понял?

— Так точно, — говорит Зыков. — Понял, — говорит. — Дьявола.

— Ну, с богом! — говорит. И пошел. Опять, понимаете, ножкой задрыгал.

А мы, понимаете, тоже пошли дальше.

И прямо скажу — не хотелось итти. Нет, не хотелось, товарищи. Ноги не хотели итти.

А тем более, что погода была замечательная. Погода стояла чудная. В садах повсюду фрукты цвели. Деревья шумели. Птицы летали.

А тут, мать честная, изволь, иди на такой веселенький проминат...

Ах, чорт подери!.. Никогда мне, товарищи, не забыть, как я тогда шел, что думал и что передумал.

Иду, понимаете, я впереди, а Зыков идет сзади. Винтовочка у него всё гремит. Английские ботиночки поскрипывают. И всё молчит этот Зыков, подлец. Хоть бы слово сказал для развлечения. Хоть бы крикнул чего-нибудь.

А идем мы сначала селом. Потом мы выходим на выгон, где коровы гуляют. Потом по тропиночке, мимо разных там огородов и зимних сараев идем. И всё молчит этот Зыков, подлец. Только знай винтовкой потряхивает. И противно все время скрипят его буцы.

похожим на круговорот растительной жизни в природе. Каждую весну цветут деревья, и каждую осень они дают новые плоды. Залив каждую зиму давал новые и новые миллионы тонн мирабилита, давал в течение тысячелетий и будет давать тысячелетия, сколько бы миллионов тонн мирабилита ни вычерпывали, вывозили и перерабатывали.

— Вот где богатство! — сказал Ремизов, перечитывая свежую запись.

Говорил он странным голосом, с металлическим звоном. Если трубка засаривалась слюной, голос свистел и из фальцета переходил в густой бас.

Ремизов отложил дневник и начал фантазировать. Он уверял Арьянца, что через несколько лет на бесплодных берегах Кара-Бугаза поставят бронзовый памятник Жеребцову — первому исследователю залива и крестному отцу Ремизова. Жеребцов будет стоять в мятой морской фуражке. У ног его развернется медная карта залива. На памятнике вычеканят надпись: «Отважному исследователю Кара-Бугаза — Советская Россия».

Арьянец сидел на корточках перед очагом и кипятил чай из солоноватой воды. Приближался девятый час вечера. Снаружи, за проливом глухо ударил выстрел, потом второй, третий.

Ремизов встал.

— Один не ходи, пойдем вместе, — сказал Арьянец.

Они вышли в ветреную ночь. За узким проливом кто-то гортанно кричал, потом снова выстрелил в воздух.

Ремизов отвязал лодку, выстрелил в ответ и налег на весла. Арьянец понуро сидел на корме. Выстрелы с северного берега означали просьбу подать лодку. Таких случаев было уже несколько, но ни разу еще кир-

гизы не подходили к проливу ночью, и это тревожило Арьянца.

На берегу вертелись на злых лошаденках два молодых киргиза. Они молча подали Ремизову и Арьянцу плоские широкие ладони и заговорили оба сразу. Ремизов понял только одно: на острове Кара-Ада погибают люди. Вот уже второй день они жгут костры и просят помощи. Нужно гнать парусную туркменскую лодку. Какие люди и как они туда попали, никто не знает.

Ремизов похолодел. Такой холод, предвещавший безрассудные поступки и похожий на припадок восторга, он переживал только в детстве, когда плакал по ночам над книгами.

Ремизов взял одного из киргизов и вернулся обратно. У метеорологической станции стояла на приколе парусная лодка.

Около часа они яростно работали, прикрепляя парус, взяли с собой два боченка с водой, бутылку водки и немного жареной рыбы и пошли в море.

Арьянец стоял на берегу. Ремизов крикнул ему напоследок:

— В случае чего держи направление на Красноводск!

Арьянец махнул рукой: какой смысл разговаривать с сумасшедшим?

Вышли из пролива поздней ночью. Начало качать. Ремизов вспомнил, что на сотни миль вокруг нет ни одного судна, ни одной живой человеческой души, только свинцовое и смертельно холодное море, ночь и их двое на скрипучей туркменской лодке. Невольная дрожь прошла по спине.

Теплый дощатый дом, окруженный сухим бурьяном, длинные дни, гром редких выстрелов по диким уткам,

пять ящичков с книгами (из них был прочитан только один) — все это осталось сзади, скрытое черной водой.

Киргиз говорил, чтобы держать подальше в море, — у берегов есть подводные камни, целые горы камней и лодку разобьет о них, как стекло о железо.

Так в шторме они шли всю ночь. Только один раз Ремизову удалось покурить.

На рассвете они заметили черный зубец Кара-Ада. Ремизов спросил киргиза, есть ли около Бек-Таша удобное место для высадки. Киргиз с сомнением покачал головой. Дело осложнялось. Ремизов закусил губу и повел взлетающую лодку к острову, где костер вдруг задымил ядовитым желтым дымом.

— Живы! — засмеялся киргиз и потряс головой. — Ай, живы те люди!

Его мокрое от брызг лицо блестело жиром.

На острове Ремизов застал множество трупов и пятнадцать живых людей, лежавших без памяти. Киргиз испугался и хотел бежать. Пришлось прикрикнуть на него и пригрозить винтовкой. Ремизов влил живым в рот немного воды с водкой и перетащил их вместе с киргизом в лодку. Пришел в себя только Миллер.

Остальные стонали и бредили.

— Кто вы? — спросил Ремизов Миллера, когда лодка, черная воду, пошла по ветру к Бек-Ташу, где стояла киргизская зимовка. — Что это за женщина с вами? Как вы попали на остров?

— Пять дней не пили, — ответил Миллер и лег на дно лодки. — Пять дней. Тифозные все поумирали. Что сделали, гады, — хуже расстрела.

— Кто же вы? — снова спросил Ремизов.

— Заключенные из Петровска. Есть партийцы, есть красногвардейцы, есть случайные. Деникинцы бежали

из Петровска, погрузили на пароход, в трюм, выкинули на остров без воды, без пищи.

Ремизов ничего не ответил. Вот оно подошло и к пустыне, то, чего он втайне боялся, — гражданская война, большевики, белые, сыпняк, все, что мешало ему дорабатывать до конца свои открытия, от чего он спрятался здесь, в заливе, где раз в год проходило два десятка кибиток и не было ни одного русского.

— Женщина неизвестная, — сказал Миллер, — случайная женщина. И вот этот ученый — тоже случайный. Три раза белогвардейцы его ставили к стенке.

— Какой ученый? — спросил Ремизов и повернул руль, огибая прибрежные скалы.

Ответить Миллер не успел: лодка вошла в буруны.

Киргизы подхватили ее и дружно вытащили на берег.

Молча переносили в кибитку бредящих людей. К ночи умерло пять человек. Утром умер шестой — старик-крестьянин, бредивший станицей на «ридной Кубани».

Из всех заключенных выжило только девять человек.

Шестеро пошли с киргизами к Красноводску, надеясь добраться до железной дороги, а троих — Миллера, Шацкого и женщину — Ремизов взял к себе.

Шацкий все время хитро улыбался. Женщина — армянка, учительница из Ростова — беспрерывно плакала.

Ремизов до тех пор не представлял себе, что можно плакать несколько дней подряд. Он сдал армянку на попечение Арьянцу. Старик часами бормотал немудреные утешения и, слушая рассказы учительницы, сурово качал головой:

— Собаки, бешеные собаки. Травить надо таких людей.

Один Миллер был спокоен. Но и он не спал по ночам и много курил.

На третью ночь Шацкий разбудил Ремизова и сказал ему, волнуясь:

— Все, что я сейчас расскажу, держите в величайшем секрете. Я сделал гениальное открытие, но его нельзя огласить, иначе все человечество будет уничтожено величайшей мировой катастрофой. Я геолог. Я пришел к выводу, что в геологических пластах сконцентрирована не только чудовищная энергия, носящая материальный характер, но и психическая энергия тех диких эпох, когда создавались эти пласты. Понимаете?

Ремизов сел на койке.

— В чем дело?

— Слушайте внимательно. Мы нашли способы развязывать материальную энергию — нефть, уголь, сланцы, руду. Все это очень просто. Но у нас не было способа развязать психическую энергию, сжатую в этих пластах. Этот способ открыт американцами. Они ненавидят нас, они хотят стереть с земли советское государство. Они готовятся выпустить психическую энергию пластов, лежащих под нами. Больше всего ее в известняках и фосфоритах.

Фосфориты — это спрессованная злая воля, это сумеречный первобытный мозг, это звериная злоба. Чтобы спастись, надо применить дегазацию. Против известняков мы выпустим молодую и мощную энергию аллювиальных напластований. Необходимо немедленно ехать в Москву и предупредить Совнарком. Необходимо оцепить кордоном все местности, где есть выходы известняков и фосфоритов. Иначе мы погибнем всюду, даже в таких укромных углах, как Кара-Бугаз.

Ремизов зажег лампу и внимательно посмотрел на Шацкого. Перед ним сидел старик. Лицо Шацкого стало похоже на львиную маску.

— Сколько вам лет?

— Тридцать два, — ответил Шацкий.

Ремизов осветил Шацкого и посмотрел на зрачки: они были неподвижны, как у филина, пойманного днем.

«Один кончен», подумал Ремизов. Восточный ветер гудел над жалкой хибаркой, охранявшей сон бредивших людей.

Ремизов сел к столу, открыл тетрадь и записал:

«Третьего февраля 1920 года. Сегодня вечером говорил с Миллером. Он предлагает пробираться в Астрахань, где советская власть обосновалась прочно. Я колебался недолго. Здесь оставлю Арьянца с Шацким и учительницей. Геолог сошел с ума. Нет права и человеческих сил заниматься изучением залива и метеорологией после того, что случилось. Пришли сроки, когда все «непременные истины» об аполитичности науки и обо всем прочем в этом роде летят в пропасть. Миллер будет мстить. Я буду драться с легкой душой. Сырая весна шумит над Россией, и эту весну мне никак нельзя прозевать».

Остальные заключенные из Петровской тюрьмы — около трехсот человек — были высажены деникинцами на восточный берег моря вблизи Кара-Бугаза. Эта партия заключенных пошла через пустыню в Красноводск. До Красноводска было 400 километров. Незадолго перед этим белые были выбиты из Красноводска красными частями, наступавшими со стороны Ашхабада. Город был взят после жестокого боя в Гипсовом ущелье.

Заключенные шли в не затихавшем ни на один день песчаном урагане. Дул норд. Каждый час в конце страшного шествия, растянувшегося на несколько километров, падали выбившиеся из сил. Они кричали и звали передних, но остановиться надолго было равносильно смерти.

Первыми погибли женщины с детьми и матрос-инвалид, ковылявший по пескам на костылях. Передние уходили далеко, задние теряли их след, шли наугад в песчаную муть пустыни, шли до вечера, падали и лежали, зная, что помощи ниоткуда не будет.

По редким туркменским зимовьям прошел слух, что из пустыни к Красноводску движется «шествие проклятых аллахом». Туркмены складывали кибитки и бежали в глубь степей.

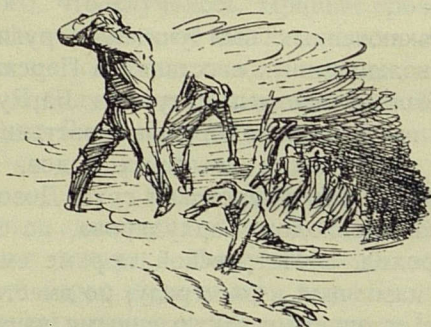
Заключенные питались сырыми ящерицами и черепаками. Изредка они находили колодцы с тухлой водой. Вел их туркмен, хорошо знавший пустыню, и только это спасло небольшую часть людей из «шествия мертвых».

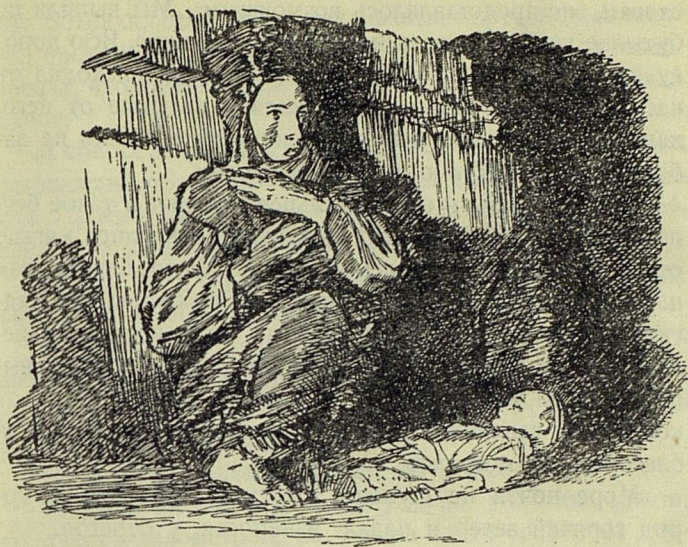
Среди заключенных был учитель, грузин Халадзе, участник революционных восстаний в Персии, друг Кучук-Хана. Был знаменитый штурман Бархударов, доставлявший из Астрахани оружие повстанцам под самым носом деникинских дозорных судов. Деникинцы так и не поймали бархударовский груз. Дозорное судно погналось за пароходом Бархударова, но Бархударов потопил пароход. В Петровской тюрьме ему дали сто шомполов и назначили к расстрелу, но вместо расстрела выбросили с остальными заключенными на мертвые берега Кара-Бугаза. Был офицер англо-индусских войск Муртузалли, перешедший на сторону красных и дравшийся с деникинцами в партизанских отрядах в горах Дагестана. Был ученый старик Мухин, автор проекта «О социализации недр земли».

В восьмидесяти километрах от города стало ясно, что все оставшиеся в живых до Красноводска не дойдут. Тогда Мухин, принявший начальство над «шествием мертвых», приказал им не двигаться и ждать помощи. Он отобрал сорок человек наиболее крепких и пошел

с ними к городу, оставляя через каждые три-четыре километра одного человека как живую веху, чтобы можно было найти оставленных людей.

До Красноводска дошли трое. Они упали на улице, но успели рассказать попавшимся навстречу красногвардейцам о том, что случилось в пустыне. Через полчаса из Красноводска выслали верблюдов и помчались всадники отыскивать по живым вехам брошенных людей. Большую часть удалось спасти.

ДЕЛО ВДОВЫ НАЧАР

Седые дрозды сидели в поломанных клетках, одурев от кухонного чада. Синий жар дымился из-за дощатой перегородки, заклеенной розовыми обоями. Хозяин столовой Тигран, похожий на серебряного ежа, сердито нашвыривал на тарелки жирный гуляш. Квас в бутылках из-под кислоты пенился от солнца. Ртуть в термометрах вытягивалась готовыми переломиться столбиками и закрывала пятидесятое деление. Было девять часов утра.

Поданный мне и геологу Прокофьеву гуляш напоминал раскаленный кокс. Одно его присутствие на хромоном столике обжигало лицо крепче палящего красноводского солнца.

Прокофьев со страхом посмотрел на тарелку и отодвинул ее кончиком вилки. Есть такое блюдо, по его

словам, «не представлялось возможным». Мы выпили по бутылке горячего кваса и пошли в купальню. Всю дорогу нас преследовал запах солода. Он явно исходил от нас. Прокофьев вежливо бранился, — впервые от него, научного работника нефтяного института, пахло не лабораторией и нефтью, а пивным суслом.

Что может быть освежительнее купанья в такое беспощадное утро? На белых лодках переливались мягкие отблески волн. Их зеленое сияние было нежно, как цвет лунного камня. Серебряные булавки мальков стягивались веерами к плававшей на воде корке. Виднелось дно, голубоватое песчаное дно, где бродили, выпучив глаза, сердитые бычки. Даже ржавые банки от консервов, валявшиеся на дне, казались сделанными из благородных металлов.

Море почти не шумело. От скал Уфра дул на город горячий ветер и падал, изнемогая, у берегов.

Утро купанья перевернуло все мои планы. Я ехал в Кара-Бугаз, где намечалась постройка большого химического комбината — форпоста индустрии в пустынях Кара-Кума. Десять дней я задыхался в вагонной пыли и слеп от светоносной жары, добираясь до Красноводска через Ташкент.

В Красноводске я встретился с большевиком геологом Прокофьевым. Я застал его вечером в общежитии треста «Карабугазсульфат» в самом бедственном положении.

В соседнем кино мужественно носился по клавишам неистовый тапер, стараясь догнать автомобиль Фербенкса. Прокофьев сидел на койке в носках, скучал, страдал от жары и не мог выйти, — по мягкости характера он уступил свои желтые ботинки соседу по койке — шоферу Мише. Миша пошел в кино. Желая блеснуть перед Красноводском, он выпросил у Прокофьева напро-

кат ботинки, оставив взамен рваные парусиновые сапоги, пропитанные смазочным маслом. Прокофьев подозревал, что Миша увлекся одной из красноводских гражданок.

Я сбегал за водой к соседке. Мы разожгли досадливо фыркавший примус и разлеглись на койках в ожидании чая. Прокофьев знал нрав примуса и категорически заявил, что раньше как через час чайник не вскипит.

Узнав, что я еду в Кара-Бугаз, Прокофьев оживился, встал и заходил по комнате из угла в угол.

— Прежде всего, — сказал он, — вам надо хорошенько обдумать маршрут. Давайте сообразим.

— То есть какой маршрут? До Кара-Бугаза отсюда двести километров морем.

Прокофьев снисходительно засмеялся.

— Если вы едете в Кара-Бугаз как работник треста, то двести километров, но вы же едете совсем за другим: вы хотите, насколько я понял, изучить всю проблему Кара-Бугаза. Так? Тогда ваш маршрут сильно осложнится. Я сам давно мечтаю о такой поездке. Она у меня разработана во всех мелочах. Но у меня нет денег, а у вас деньги есть, поэтому я уступаю вам свой маршрут бесплатно.

Положительно это был новый тип ученого-филантропа: Мише он отдал ботинки, мне уступал тщательно разработанный маршрут.

Каждый шаг Прокофьева по темной комнате вызывал угрожающее жужжание. Тысячи мух носились вокруг него, не находя покоя от порывистых движений этого высокого человека.

Тапер в кино ударил по клавишам кулаками; рояль дико вскрикнул, как человек, испуганный из-за угла.

— Слыхали? — спросил меня Прокофьев. — Варварство.

Он снова зашагал по комнате.

— В Кара-Бугаз вам придется ехать по спирали, — продолжал Прокофьев. — Что такое Кара-Бугаз? Величайший в мире и неисчерпаемый источник глауберовой соли. Но суть дела не в этом. Суть дела в том, как использовать эти богатства. В Кара-Бугазе есть соль, но нет угля, нефти, воды, газов, нет базы для переработки этой соли в ценнейшие химические вещества, и потому как будто нет базы для комбината. Но уголь, нефть, вода и газы лежат по широкой кривой вокруг залива. Прежде чем изучать залив, вам нужно изучить подступы к нему, подобно тому как, прежде чем строить, нужно изучить строительные материалы. На этом и основан мой маршрут.

Чайник вскипел. В это время пришли инженер Хоробрых и топограф Бархин. Они сбежали из кино, не выдержав жестокой музыки и мучимые жаждой.

Хоробрых тотчас же вырвал инициативу разговора из мягких рук Прокофьева. Это был высокий человек с лицом Шаяпина и военной выправкой. Он заведывал изысканиями грунтовой дороги из Красноводска в Кара-Бугаз.

Несколько дней я наблюдал его. Он работал, как полководец на фронте, хотя армия его состояла из завхоза Корчагина, нескольких комсомольцев-топографов, пятерых туркмен-рабочих и четырех верблюдов. Но эта маленькая армия действовала быстро и верно. Распоряжения Хоробрых отличались краткостью и напоминали знаменитую наполеоновскую речь: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас с высоты пирамид!»

В приказах Хоробрых, к сожалению, нигде не записанных, были суровость и величие пустыни. Он говорил громовым голосом: «Топографы! Вы должны выйти на горькие родники Кош-Аджи и держаться тех колод-

цев, где по надписям времен Тамерлана, высеченным в скале, можно напоить сто верблюдов. От этих колодцев ведите трассу на северо-запад, но помните, что измерения в тех местах очень часто искажаются отблесками соляных озер».

Хоробрых всю жизнь провел в Средней Азии. Он участвовал в гражданской войне. Легкий налет военного коммунизма остался на нем до последних дней — налет стремительных решений, смелых выходов и внешней грубоватости.

Зимой он ездил верхом в Кара-Бугаз через пустыню, а осенью ходил на туркменских лодках из Кара-Бугаза в Баку. Никто из инженеров не отваживался на это. Плавание походило на игру со смертью и продолжалось около месяца.

Хоробрых написал статью о мореходных качествах этих лодок и напечатал ее в краеведческом журнале в Ашхабаде. По статье выходило так, что туркменские лодки как будто прочнее пароходов и быстроходнее моторных катеров. Хоробрых больше всего ценил в этих лодках то, что они делались без конопатки — отдельные доски пригонялись друг к другу «под нож» с исключительной точностью. Лишь одно обстоятельство смущало Хоробрых: попадая в воды Кара-Бугаза, туркменские лодки часто давали жестокую течь и даже тонули.

Хоробрых занялся изучением этого явления — не из любопытства, а потому, что до последнего времени на этих лодках перевозится глауберова соль (мирабилит) с отдаленных промыслов в пролив. Причина течи заключалась в кара-бугазской воде и в том, что каждое дерево, даже самое сухое, содержит в себе некоторую долю пресной влаги. Кара-бугазская вода, объяснял Хоробрых, является насыщенным раствором соли. Когда

лодка попадает в Кара-Бугаз, то его едкая вода моментально всасывает в себя всю влагу из лодочных дощатых бортов, пазы между досками расходятся, и лодка, естественно, тонет. За эту теорию Хоробрых держался твердо.

Остаток вечера прошел в спорах о причинах течи туркменских лодок и в рассказе Хоробрых об истории исследований Кара-Бугазского залива. Хоробрых в первый раз был в Кара-Бугазе в 1914 году и с полным правом считал себя кара-бугазским старожилом.

Вечером Прокофьев не успел передать мне маршрута, и разговор наш был закончен наутро в купальне.

— Маршрут ваш должен быть следующий, — сказал Прокофьев, сидя в тени на ступеньках купальни: — сначала Красноводск, где вы сейчас и находитесь, потом Дагестан — Берикей и Махач-Кала, потом Эмба, наконец полуостров Мангышлак, и только после этого вы имеете право попасть в Кара-Бугаз. Всего три тысячи километров по Каспийскому морю и несколько сот километров по суше. Район Красноводска богат нефтью и газами, Дагестан — газами, Эмба — нефтью и известняком, а Мангышлак — каменным углем, фосфоритами и нефтью. Все это необходимо для переработки кара-бугазского мирабилита в ценные химические продукты. Без этого нет никакого смысла строить кара-бугазский комбинат. Ну что, согласны?

— Согласен.

Прокофьев прыгнул в воду. Своим телом он вогнал почти до самого дна много воздуха, — вода вокруг него сделалась снежной от пузырьков мелкого газа.

Из соседней кабинки с грохотом свалился в воду Хоробрых. «Здорово, орлы!» прокричал он, нырнул и пошел саженками к скалам Уфра. Он плыл, погружаясь в серебряный блеск воды. Он тонул в нем, как в необык-

новенном световом океане. Прямо на Хоробрых шел наливной пароход с желтой, канареечной трубой. На мостике его чернела громадная надпись: «Лафарг».

Зной ложился розовым дымом на мертвые горы и песчаные косы, блестящие вдали подобно неведомым обширным материкам.

Вечером я встретил Прокофьева в Новом городе, за вокзалом. Улицы упирались в рыжие и угрюмые скалы.

Прокофьев сообщил мне последнюю новость: в столовую горпо привезли ключевую джебельскую воду. Мы поспешили к столовой. Вода из опреснителей казалась нам хуже касторки. Это была густая и мутная вода, пахивавшая керосином и рыжая от каких-то хлопьев, неохотно оседавших на дно. Пить ее было бесполезно: жажда она почти не утоляла. Для одного Хоробрых нужно было два ведра в день, выдавали же на человека только по ведру, так как один из опреснителей поставили на ремонт.

О водяном кризисе свидетельствовали мертвые очереди из пустых ведер, закручивавшиеся спиралью вокруг водоразборных будок. Надменные верблюды шагали прямо по ведрям, оставленным хозяйками на попечение старого философа-туркмена. Гром катился по улицам, туркмен лупил верблюдов по сизым бокам, хозяйки, красные, как кочегары, бежали вперевалку к ведрям, призывая проклятия на верблюдов, философа и коммунхоз.

По пути мы догнали Хоробрых. В ответ на сообщение о джебельской воде он сделал безразличное лицо, хотя тут же довольно охотно согласился итти с нами в столовую. Как истый инженер и среднеазиатец, он до-

казывал нам, что вода из опреснителей ничуть не хуже родниковой.

В столовой чай заказывали оптом — по пять, восемь, даже десять стаканов. Бархин и Корчагин сидели окруженные душистым паром и уничтожали коробку экспедиционной пастилы. Из кино долетала музыка. Тапер был в упадочном настроении и играл что-то лирическое. Дневная пыль спокойно лежала на мостовых, а не взлетала среди улиц шумными смерчами.

Воздух был чист. В зеленоватом небе висели, касаясь крыш, низкие звезды. Даже на востоке бывают вечера, напоминающие восточные пейзажи наших художников и восточные стихи. Бархин посмотрел на небо и промолвил:

— Шехерезада.

— Что Шехерезада? — строго спросил Хоробрых.

— Небо.

— Почему Шехерезада?

— Арабское слово «Шехерезада» похоже на наше слово «путаница», — мягко вмешался Прокофьев. — Бархин, у вас возникла интересная ассоциация: Шехерезада — путаница. Посмотрите на небо: какая чудовищная путаница звезд всех величин!

— Посадить среди этой путаницы соловья, и пусть поет, — сказал Хоробрых. — Ах, ах, ширазские соловьи и розы Хороссана. Ах, Зюлейка, лилия иранских долин!

Хоробрых издевался над казенной восточной экзотикой. Он любил на востоке иное — рыжие пески, цветение хлопка, почтовых верблюдов — нарров, заросли тау-сагыза, Гиндукушскую плотину и опреснители. К мечетям Самарканда он относился почтительно, но только как к архитектурным сооружениям. Поэзия Саади была для него выкрутасами старого хитреца-перса,

морочившего голову наивным шахам. Из изречений Саади он ценил только одно и часто повторял его топографам:

«Если ты идешь с хромым, то поджимай ногу, чтобы его хромота не была так заметна».

Этот предел восточной вежливости веселил Хоробрых.

— Во имя аллаха милостивого, милосердного пейте лучше чай, — предложил он Прокофьеву, — и расскажите кстати о ваших работах в Чикишляре. Это гораздо интереснее.

Лицо Прокофьева в запыленных роговых очках казалось совершенно черным от вечера и загара.

— Что Чикишляр! — ответил Прокофьев. — Там каждая пядь — нефть. Нефтью залиты целые гектары. Баку меркнет перед Чикишляром. Из всех трещин в земле бьют благороднейшие газы.

— Ну-ну, — примирительно пробормотал Хоробрых. — Лучше вашего Чикишляра нет уже и места на свете.

• — Давайте поговорим серьезно. Вот уже два года на всех совещаниях и конференциях я кричу о Чикишляре, Челекене и Бая-Даге. Но больше всего, конечно, о Чикишляре. Вам хорошо известно, что я потратил на Чикишляр три года самых упорных и тщательных исследований и имею право говорить о Чикишляре с полной достоверностью.

Рассердившись, Прокофьев рассказал нам интересную историю о Чикишляре.

— У меня есть одна слабость: мне хочется возможно большее число людей приохотить к писательству. Часто встречаются люди, пережившие много интереснейших вещей. Багаж прожитой жизни они таскают всюду с собой и тратят попусту, рассказывая случай-

ным попутчикам, или, что гораздо хуже, не рассказывая никому.

Сожаление о зря погибающем великолепном материале преследует меня непрерывно. К таким людям я обыкновенно пристаю с просьбой описать все пережитое, но почти всегда наталкиваюсь на неверие с их стороны в собственные силы, на испуг и, наконец, на ироническую усмешку. Плоская мысль, что писательство — вздорное и недостойное занятие, до сих пор колом сидит в мозгах многих людей. Большинство ссылается на свое исключительное пристрастие к правдивости, полагая, что писательство — это вранье. Они не подозревают, что факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением нескольких характерных черт, освещенных слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей во стократ ярче и доступнее, чем правдивый и до мелочей точный протокол.

Выслушав Прокофьева, я предложил ему написать обо всем, что он рассказал. Вопреки моим опасениям, Прокофьев охотно согласился.

Он сидел в Красноводске, дожидаясь парохода на Кара-Бугаз. Пароход застрял в Гассан-Кули, и даже капитан порта не мог сказать точно, когда он придет, — во всяком случае не раньше, чем через неделю.

Для записей Прокофьев взял себе два дня. В общежитии он писать не мог. Топографы сильно заинтересовались его писательскими опытами и начали изошряться в остроумии насчет «святого вдохновения» и «лавров Шолохова, не дающих Прокофьеву спать». Прокофьев уходил с утра в Новый город, к своему приятелю, и писал в его прохладной комнате. В общежитие он возвращался только вечером, и мы тотчас же шли на окраину города купаться.

Ночь, как бы разведенная на саже, опускалась на

море и берег глубокой тишиной. Мы не видели воды. Мы лишь чувствовали ее прохладный уровень на разгоряченном теле. Постепенно глаза привыкали к темноте, и светящаяся крупа звезд начинала осыпаться вокруг нас, падала в воду, вода слабо светилась, и, стоя в ней по пояс, мы ясно представляли вокруг себя открытое и мелкое тропическое море.

Портовые фонари лежали на воде неподвижно, как голубые глаза глубоководных рыб, поднявшихся в полночь поглазеть на звезды. Море пахло остро, как пахнут огороды, обильно политые на рассвете. В запахе его были крепкие соки соли и устриц.

Прокофьев, одеваясь наощупь в кромешной темноте, говорил, что писательство — самое тяжелое и заманчивое занятие в мире и что если бы он не был геологом, то наверняка бы сделался писателем. Двух дней, чтобы записать свой рассказ, ему уже нехватало. Он просил отсрочки еще на два дня. Из-за этого я пропускал очередной пароход на Баку (по маршруту Прокофьева я должен был ехать в Дагестан). Мы долго спорили, но в конце концов мне пришлось согласиться.

Рассказ свой Прокофьев отдал мне за день до моего отъезда. Ему очень не хотелось, чтобы я читал его при нем. Ложный стыд еще не выветрился из него окончательно. Назывался рассказ «Черные реки».

Вот этот рассказ:

«Года три назад я заинтересовался странным явлением, происходившим на острове Челекене. Явление это заключалось в том, что с острова вот уже тридцать лет добывают нефть (правда, в незначительных количествах), тогда как по всем геологическим данным запасы нефти на Челекене очень невелики и должны были быть исчерпаны за первые десять-пятнадцать лет добычи.

Одно из научных учреждений по настоянию партийной организации командировало меня на Челекен для выяснения этого обстоятельства.

Я впервые попал в Среднюю Азию. Меня удивила пустынность тех мест, где мне пришлось бывать. В научной литературе эти места упоминаются довольно часто, и, казалось, они должны быть более населенными.

Кратковременное пребывание на Челекене убедило меня, что корни неистощимости челекенской нефти можно выяснить только на материке, примерно, в районе Чикишляра, Гассан-Кули и Атрека.

Я выехал туда. В Гассан-Кули на рейде пассажиров пересадили на плоскодонные фелюги, а в километре от суши — с фелюг на арбы и по мелкой воде вывезли, наконец, на плоский песчаный берег.

Я ощутил необычайную духоту, жажду и тревогу. Я задыхался от запаха гнилой рыбы и пережил состояние, знакомое всем, впервые попадающим на Восток. Его можно назвать «тоской по привычному». Прохладные лаборатории института и густая листва ленинградских садов, создававшая в комнатах зеленый сумрак, показались мне потерянным раем. Я спрашивал себя, действительно ли существуют березовые леса и реки, заросшие кувшинками, морозящие дожди и трава. Особенно неправдоподобным казалось существование травы, — настолько голой и кремнистой была здешняя пересохшая земля.

Я бывал в Баку, жил в Грозном, на Эмбе и как геолог прекрасно знал, что нефтяные залежи лежат на высохшем дне бывших морских заливов, в местах обычно бесплодных и мало привлекательных. Самая тоскливость тех мест, куда я попал, показалась мне довольно верным доказательством, что нефть здесь должна быть в большом количестве.

Я поселился в ауле Кульджар, у туземного врача — табиба. Это был коричневый напыщенный старик-туркмен, считавший меня тоже знахарем по части нефти и других ископаемых богатств и потому как бы товарищем по профессии. Табиб вынужден был скрывать от непосвященных свои занятия. «Собаки уже нюхают во-круг кибитки», говаривал он, намекая на членов аульного совета.

Когда я приехал в Кульджар, аул стоял на месте уже год и был окружен поясом зловонных отбросов и грязи. Я тогда еще не знал, что аулы могут стоять на месте лишь полтора-два года. После этого они так загрязняются, что их приходится переносить на свежее место.

Я ушел с головой в свою работу. Возможно, многие не знают теории о первичной и вторичной нефти. Сущность этой теории в том, что нефть, возникая в одном месте, совершает далекие странствования под землей, обычно из глубоких пластов поближе к поверхности, передвигаясь по пустотам и пористым породам в сторону наименьшего сопротивления. Большую роль при этом играет давление нефтеносных газов.

По моим наблюдениям, в случае с Челекеном мы имеем классический пример передвижения нефти. Забыл упомянуть, что нефть, найденная в том месте, где она образовалась, называется первичной, а нефть, найденная далеко от места образования, или такая вот бродячая нефть называется вторичной. На Челекене нефть вторичная, непрерывно наплывающая в тамошние нефтеносные пласты откуда-то со стороны. Этим и объясняется неисчерпаемость челекенских залежей. Но где родина этой нефти? Этот вопрос занимал меня чрезвычайно. Разрешение его сулит большие выгоды Советскому союзу.

Мне было очень трудно найти рабочих. Все туркмены моего аула были из рода Игдыр. Род этот, испокон веков владевший неисчислимыми стадами, знаменит ленью и предрассудками. Только молодежь после революции начала работать, старики же до сих пор считают работу унижительной и проводят время в праздности, курении и игре в кости. Работают женщины.

В качестве рабочих табиб любезно приводил мне тэриакешей — курильщиков дрянного грязного опиума, людей ненадежных и оцепенелых. Временами их невозможно было сдвинуть с места. Лишь через месяц у меня появился бойкий и толковый, но чрезмерно любопытный помощник — юноша Гузар. Он интересовался буквально всем, и мне пришлось объяснять ему даже теорию первичной и вторичной нефти. В его глазах я был великий ученый-большевик, знающий происхождение чудес и значительно более почтенный, чем доживавшие свой век в ауле эвляды — потомки пророка.

Табиб изводил меня медленно, но верно. Он втайне ненавидел большевиков и, упоминая о революции, со вздохом провозглашал старинное изречение: «Когда караван поворачивает, то хромой верблюд оказывается впереди». Под хромым верблюдом он, очевидно, подразумевал бедняков, ставших у власти.

Он бесил меня своими способами лечения. Он настаивал красный перец на верблюжьем молоке и растирал этой ядовитой гадостью веки у трахомотозных. Больным сифилисом он давал курить смешанную с табаком и растертую в мельчайший порошок высушенную голову ящерицы — варана. Нарывы он лечит прикладыванием теплого мяса только что убитых ящериц или щенков. Но самым варварским было лечение дизентерии. От нее летом погибало много детей. Табиб изо всей силы закручивал больному пупок, не обращая внима-

ния на отчаянные крики. Этот способ лечения обычно кончался грыжей.

Табиб знал только четыре болезни — трахому, дизентерию, сифилис и туберкулез желез. Все остальные недуги он называл сердечными и лечил их прижиганием. Способ прижигания напоминал изощренную пытку. Больному туго привязывали к боку тлеющую кошму. Когда ожог, по мнению табиба, достигал нужных размеров, кошму снимали и клали на обожженное место компресс из мочи. Женских болезней табиб вообще не признавал, считая, что если они и существуют, то посланы аллахом как кара за нарушение закона.

Я терпел две недели, потом послал с оказией записку в Чикишляр, требуя, чтобы табибу запретили калечить людей.

Вскоре после этого я уехал в горы. Здесь мне удалось сделать ценное открытие, заставившее меня забыть о табибе.

Перед отъездом я переселился от табиба в кибитку вдовы Начар. Она перешла в шалаш, стоявший в нескольких шагах от кибитки. Кибитка Начар мне понравилась. Она была очень чистая и стояла далеко от аула, за чертой зловония идохлых щенков, в полосе крепких и горячих ветров, дувших с отдаленных гор.

У подножья гор я нашел выходы газов и путем ряда наблюдений окончательно убедился, что место моего исследования было центром богатых залежей первичной нефти, откуда она распространялась очень медленными подземными потоками, имевшими, по моим предположениям, два направления — к Челекену и Небит-Дагу (Нефтедагу).

Тогда уже в научных кругах была во всей широте поставлена проблема Кара-Бугаза, иначе говоря, проблема добычи и переработки величайших на земном шаре

залежей мирабилита. Меня интересовал главным образом вопрос о переработке мирабилита. Уже тогда носилась в воздухе идея создания в Кара-Бугазе мощного химического комбината. Существование комбината немыслимо без трех основных слагаемых — сырья, топлива и воды.

В Кара-Бугазе было только сырье — мирабилит, топлива же и воды не было. Я открыл величайшие газоносные земли — я затрудняюсь даже приблизительно определить запасы газов в Чикишлярском районе, — и я уверен, что этим я разрешаю в значительной степени вопрос о топливе для комбината, так как передача горючих газов на расстояние — вопрос, давным-давно разрешенный американской техникой.

Кроме выходов газа, я открыл богатейшие источники иода и брома.

Одна часть топливной задачи была решена, но оставалась еще вторая часть — нефть.

В этом деле никаких сомнений и долгих раздумываний не было. Весь район был насыщен нефтью, как губка. Но эта нефть, равно как и челекенская, была слишком далека от Кара-Бугаза и лежала глубоко под землей. Небит-Даг (Нефтедаг) был ближе. Выгоднее всего было бы перебрасывать в Кара-Бугаз именно небит-дагскую нефть.

Помню, как-то ранним утром я сидел около палатки и думал об этом. Гузар подошел ко мне и очень взволнованно сказал, что двое тэриакешей нашли за холмом брошенную мечеть и что туда следовало бы переселиться.

Гузар звал меня немедленно пойти осмотреть новое наше жилище.

Я пошел к мечети раздосадованный. Гузар оторвал меня от стройного порядка размышлений. Мне необ-

ходимо было, зная более или менее точно направление открытых мною нефтяных течений, определить, где следует искать нефть вблизи Кара-Бугаза. Мне нужно было наметить точки, где было больше всего вероятия встретить нефть, то есть, иными словами, найти кратчайшее расстояние от Кара-Бугаза до нефтяной полосы, идущей на север и, как я предполагал, сливающейся с нефтеносными землями Мангышлака и Эмбы.

Мы поднялись на холм. Я думал увидеть разрушенную мечеть с осыпавшимися синими, как купорос, изразцами, но перед нами чернело глинобитное приземистое здание, угрюмое и непривлекательное. Оба тариакеша сидели у входа посмеиваясь. Они сердито взглянули на меня и Гузара, когда мы проходили мимо них внутрь мечети. Я заранее решил в мечеть ни в коем случае не переселяться. Затея Гузара была совершенно нелепа.

Войдя в мечеть, я оторопел. У стены под разрушенной кровлей, пропускавшей плотные солнечные лучи, напоминавшие по цвету солому, сидела бедно одетая женщина в платке, закрывавшем рот, и тихо стонала. Рядом с ней спал на земле маленький мальчик.

— Начар пришла к нам, чтобы ей помогли, — пробормотал смущенный Гузар. Я понял его детскую хитрость с переселением в мечеть, выдуманную, чтобы заманить меня сюда, и сказал, невольно улыбаясь:

— Переводи.

Начар откинула платок и быстро заговорила, протягивая к нам лиловые высохшие руки. Из глаз ее катились редкие слезы. Она говорила долго и страстно, сорвала ожерелье из медных монет и бросила его к моим ногам. Гузар часто переспрашивал ее и спорил с ней. Они оба волновались, и голоса их переходили в птичий клекот.

Я рассматривал Начар. Я был поражен измученностью и красотой ее лица. Я привык думать, что туркменки скуласты, широколицы и изуродованы воловьей работой.

Наконец Начар остановилась, снова надвинула платок на рот и села, прислонившись к стене.

Гузар начал переводить. Нетерпение мучило меня, и я его торопил. Зная местные нравы, я понимал, что только исключительное событие могло заставить туркменку бежать за помощью к русскому.

Гузар переводил с большим трудом. Начар не туркменка. Она — афганка. Двадцать лет назад, когда ей было три года, ее украли у родителей и продали в аул Кульджар бедняку Мураду.

Когда ей пошел пятнадцатый год, Мурад женился на ней. Весь аул ненавидел ее как чужеземку. Мурад бил ее, потому что первый год у нее не было детей. Потом родился мальчик, и жить стало легче — рождение первенца-сына считается в туркменских семьях счастливым предзнаменованием. Потом родилась девочка, но Мурад вскоре после этого умер. Тогда весь аул ополчился на нее, как на больную собаку. По законам шариата у Начар отобрали всех овец, — их было всего только пятьдесят голов. Месяц назад у нее украли и неизвестно куда продали дочь. Мальчишки забрасывали ее верблюжьим пометом.

Она обошла все кибитки, плача и умоляя сказать ей, куда продали дочь, но в каждой кибитке мужчины встречали ее побоями. Она ушла ночью тайком в Красноводск, взяв с собой мальчика. Она хотела жаловаться большевикам-судьям и русским женщинам, которые защищают туркменских женщин от мужей, но ее догнали недалеко от аула, избили и вернули обратно. Вчера к ней пришли трое эвлядов и табиб, называли ее блуд-

ливой козой, говорили, что она живет с русским, грозили убить и ее и его и ушли, содрав кошку с кибитки русского.

— Они убьют ее, — сказал Гузар и задрожал всем телом. — Иолдаш Прокофий, нам нельзя возвращаться в аул. Они убьют нас троих и мальчика с нами.

Я промолчал. Все научные проблемы вылетели из моей головы. Я целиком был охвачен единственным чувством — бешенством. От него болели все мои мускулы. Я вышел из мечети и сказал ухмылявшимся тэриакешам:

— Накормите эту женщину, а потом свертывайте палатки. Мы переходим на новое место.

— Пусть подышает, афганская ведьма, — ответил старый тэриакеш и сверкнул на меня желтыми лошадиными зубами.

И я, геолог, работник одного из выдающихся научных институтов СССР, схватил его за халат, рванул изо всей силы, так что у него с бритой головы свалилась папаха, и крикнул голосом, испугавшим меня самого:

— Слышишь, собака, что тебе говорят?

Тэриакеш присел и закрыл глаза, — казалось, он ждал выстрела.

Через три часа мы снялись и, захватив с собой Начар и ее мальчика, двинулись в сторону Гассан-Кули. Так печально окончилась моя первая экспедиция в район Атрека. Я был доволен, что все случившееся совпало с окончанием главных работ. Остались мелочи, не имевшие значения.

В дороге один тэриакеш сбежал. Ночевали мы в пустыне. Я всю ночь не спал и прислушивался, но, кроме шороха ящериц, ничего не слышал.

На второй день мы добрались до Гассан-Кули. Я

расплатился с тэриакешами и отпустил их. На руках у меня остались необработанные материалы экспедиции и трое людей, отдавших свою судьбу в мое распоряжение, — Гузар, вдова и ее четырехлетний мальчик. Было от чего потерять голову. Я решил везти всех в Красноводск, а там — видно будет.

В Красноводске я устроил Гузара в школу-интернат для туркмен, а с Начар пошел в райком партии. Завженотделом товарищ Бариль — бывшая швея, маленькая, вспыльчивая и упрямая женщина, постоянно ронявшая пенсне, — выслушала меня, и лицо ее покрылось красными пятнами.

— Вы, товарищ, молодец, — сказала она, и глаза ее заблестели. — Оставьте эту женщину здесь, мы все устроим.

Она протянула мне крепкую руку. Я вышел с чувством облегчения.

Через неделю я получил повестку от председателя суда и узнал из нее, что я назначаюсь общественным обвинителем по делу «о пережитках варварского быта, выразившихся в истязании и преследовании гражданки Начар».

От председателя суда я узнал, что табиб и шесть стариков-эвлядов арестованы, доставлены в Красноводск, следствие заканчивается и через несколько дней будет суд. Днями, оставшимися до суда, я воспользовался не для того, чтобы готовиться к обвинительной речи, а для составления доклада об использовании природных нефтяных газов Чикишляра.

Поскольку вопрос этот сравнительно нов, я позволю себе остановиться на моем докладе подробнее. В этом деле, начинающемся у нас в СССР впервые, мы должны усвоить богатый опыт Америки, где использование природных газов насчитывает столетнюю давность.

При разработке вопросов о газах я исходил из нужд Кара-Бугазского комбината. Ни уголь, ни нефть не могут конкурировать, как топливо, с газом. Весь вопрос лишь в том, как перебросить газ за 400 километров из Чикишляра в Кара-Бугаз. Пять лет назад в Америке постройка газопровода в 100—150 километров считалась величайшим техническим достижением, а сейчас уже работают газопроводы длиной в 750 километров и строится газопровод из Техаса в Чикаго, который будет нагнетать газ на расстояние 1500 километров. Поэтому прокладка газопровода в 440 километров не составит большого труда.

Горы Большие Балханы, пересекающие путь газопроводу, нисколько ему не мешают. В настоящее время газопроводы успешно пересекают местность с любым рельефом.

Например, в Соединенных штатах линия Амарильо—Денвер длиной в 500 километров подымается с 1150 метров над уровнем моря в Амарильо до 2150 метров в Денвере и пропускает без всяких перебоев три миллиона кубических метров газа в день. Линия эта строилась всего одиннадцать месяцев.

Я изложил свой проект инженерам. Они возразили, что прокладка газовой линии потребует постройки больших газохранилищ.

Должен сказать, что ни разу я не встречал специалиста, который не нашел бы возражений против даже самого совершенного проекта. Это профессиональная привычка. У старых специалистов это не только привычка, но и неприязнь к гигантским масштабам. Они со вздохом вспоминают старые уютные заводы, где дворы зарастали одуванчиками и в конторах всегда стояла солнечная тишина. Некуда было торопиться, и некого было перегонять.

Возражения инженеров заставили меня сделать некоторые вычисления. В райкоме партии инженер-коммунист Хоробрых поддержал меня со свойственным ему напором. Он подтвердил мои вычисления громовой речью, направленной против трусливых «трепачей-инженеров». Оказалось, что никаких газохранилищ не нужно, так как сам по себе газопровод является исполинским хранилищем. Действительно, газопровод длиной в 400 километров вмещает $2\frac{1}{2}$ миллиона кубических метров газа. Ни одно газохранилище в мире не может вместить такого количества газа.

Я так подробно останавливаюсь на Америке потому, что был в Соединенных штатах в научной командировке и достаточно полно изучил газовое дело.

Применение газов очень обширно. Они идут на топливо, на обслуживание быта, употребляются в нефтяной промышленности для освежения старых скважин, из них делают сажу, необходимую для резиновой промышленности, твердую угольную кислоту, так называемый «сухой лед» и множество химических веществ: древесный спирт, ацетон, водород, ацетилен для автогенной сварки, бутadiен для получения искусственного каучука, эфир, бензол, хлороформ, охлаждающее вещество, хлористый метил и т. д.

Я, как сейчас, помню черные, жирные тучи дыма над американскими заводами газовой сажи. Эти тучи произвели на меня впечатление огромного пожара.

В своем докладе я настаивал на необходимости продолжать исследования в Чикишлярском районе в значительно большем масштабе, чем были мои работы. Необходимо глубокое бурение на тысячу и больше метров. Закладка газовых скважин должна вестись с большой осторожностью и только тогда, когда есть возможность использовать газ. Иначе можно выпустить на воздух

совершенно зря миллионы кубических метров газа. Закрыть газовую скважину очень трудно. Газ почти всегда пробьет себе ход и хлынет по сторонам обсадных труб, как это и случилось в Дагестане.

В будущем году я опять вернусь в Чикишлярский район, чтобы вычислить количество газов. Для этого есть два весьма простых и интересных способа. Первый способ состоит в том, что вычисляется объем пор и пустот в газоносной породе, который и будет равен объему газа, ибо газ эти пустоты заполняет. Этот способ дает очень грубые цифры. Второй способ — так называемый «метод спуска давления» — состоит в том, чтобы определить уменьшение давления газа, выходящего из скважины. Зная дебит скважины (иначе говоря, количество газа, которое она дает), вычисляют подземный запас газа. Делают это следующим образом: предположим, скважина дала сто тысяч кубических метров газа и давление после этого упало на одну десятую. В этом случае подземный запас газа в скважине составляет девять десятых дебита, то есть будет равен девятистам тысячам кубических метров.

Вот в основных чертах главные точки моего доклада. А затем начался суд.

Здание суда в Красноводске — единственное место, где в палисаднике цветут терпкие и пыльные цветы охряного цвета с серой шершавой листвой.

Я не помню, что я говорил. Я, кажется, говорил, что половина туркменских женщин страдает бесплодием в результате каторжного труда, что только Октябрьская революция сорвала платки, которыми молодые туркменки завязывали рот в знак того, что женщина должна всю жизнь молчать. Я требовал запрещения носить национальный женский головной убор, весящий около трех кило и вызывающий туберкулез шейных позвонков.

Подсудимые мрачно смотрели на кончики своих бород. Таиб отказался от последнего слова, снабдив свой отказ напыщенным изречением. «Туркмен, — сказал он, — не поленится драться, но поленится говорить».

Приговор был суровый: пять лет каждому с конфискацией имущества и с высылкой после отбытия наказания из пределов Туркменской республики.

В зале суда я увидел Начар. Она была уже без платка, в европейском платье.

— Товарищ дорогой, — сказала мне Бариль, — посмотрите на нее! Какая поразительная красавица! Мое платье никогда не сидело на мне так, как на ней. Я отправлю ее в Баку на швейную фабрику. Но надо, чтобы раньше она перестала пугаться мужчин и автомобилей.

Здесь, собственно говоря, можно поставить точку. Должен лишь добавить, что вмешательство мое в жизнь доставило мне столько же тревоги и радости, сколько и исследовательские мои работы по нефти на Челекене и в Чикишляре».

— Будет ли продолжение у этого рассказа? — спросил я Прокофьева.

— Боюсь, что в продолжении придется принять участие и вам, — ответил он. — Вы уезжаете завтра, а Бариль отправляет Начар в Баку с завтрашним пароходом. К вам просьба: поглядывайте за ней в дороге и доставьте ее в Баку по адресу.

— Прокофьев, — воскликнул я, — вы каждый день все дальше отодвигаете меня от Кара-Бугаза!

Он засмеялся.

— Совершенно ложный взгляд. Здесь все незримо связано с этим заливом. Бариль едет на-днях в Кара-

Бугаз для работы среди туркмен и казаков. В Кара-Бугазе вы ее встретите, и она вам расскажет и покажет кучу интересных вещей.

На следующий день над горами носились тучи серого праха. Слюдяное солнце выливалось на зеленое море океаны белой жары. Шелудивые псы с желтыми мудрыми глазами обнюхивали на пристани пыльные груды узлов и чемоданов, рыча друг на друга предостерегающе и нежно.

Пароход «Чичерин» вынес свой неестественно высокий нос в волнующуюся равнину моря. Прокофьев долго махал с пристани выгоревшей до седины шляпой и кричал, чтобы в Махач-Кала я обязательно навестил геолога Шацкого.

Бариль крикнула мне, показывая на Начар: «Смотрите, чтобы она не утопла!» Хоробрых дымил обгрызанной трубкой и помахал мне рукой с видом милостивого начальника, зорко следящего за точным выполнением своих приказаний. В эту минуту я почувствовал себя подчиненным ему и понял, что топографы были правы, когда говорили, что за этим человеком можно работать, «как за бетонной стеной».

В последнюю минуту прибежал запыхавшийся Корчагин. Он нигде не мог найти верблюжьих седел для нужд изыскательной партии и притащил свое разочарование на пристань, где оно разбилось о непреклонную волю Хоробрых. «Надо найти — и найдешь, идем вместе», сказал Хоробрых, и я видел, как они прошли в решетчатые пристанские ворота и поднялись на пригорок. Там в увядших желтых цветах белело низкое здание горсовета.

Вздывая смерчи пыли, по набережной промчался на грузовике Миша. Он изрыгал проклятия охрипшей от жажды сиреной. Белая надпись на бортах его грузо-

вика — «Карабугазсульфаттрест» — была видна очень далеко.

Потом город и ломаные черствые горы быстро покатились влево. Волны бестолково заплясали около красных пловучих бочек. Ударил ветер. «Чичерин» медленно и торжественно опустил нос и, раздувая дым из трубы, раздувая флаг, раздувая брезент над палубой и парусиновые ветрогонки, с шумом и дрожью поднялся на широкую волну, весело катившуюся с моря.

К вечеру волна улеглась, и на западе разгорелся закат. Ниже заката, над самым морем, проносились из края в край голубыми снарядами далекие зарницы. Тишина обволокла пароход.

Я принес пугливой Начар кипятку. Мы сели на палубу, напоминая со стороны семью испанцев, занятых не свойственным им чаепитием. Начар была в старом шелковом платье Бариль, в светлых чулках и белом шарфе. Рядом с нами брнчал на потертой гитаре невзрачный моряк.

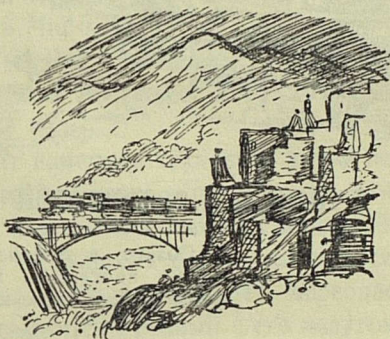
Начар уже знала по-русски несколько слов, но произносила их шопотом и при этом краснела. После чая она закрыла шарфом нижнюю часть лица и сидела неподвижно, глядя на море. Мне кажется, так она просидела всю ночь. Утром, когда мы приближались к плакатно-желтым берегам Апшерона, я застал ее в этой же позе.

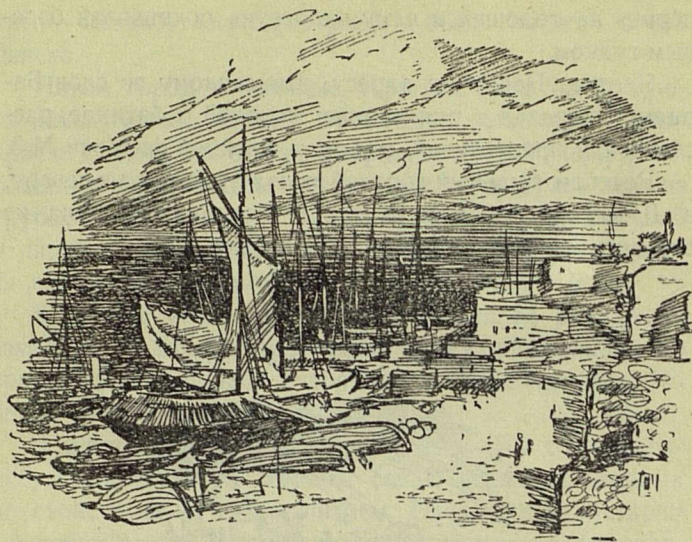
К полудню над тусклой водой началось далекое нагромождение Баку — серых гор, серого неба, серых домов, покрытых заплатами яркого, но тоже серого солнечного цвета. Прошли остров Нарген, мыс Зых, и весь этот тускло сияющий город, притягивающий жадные взгляды Стандарт-Ойлей и Рояль-Детчей, город революции, нефти, 26 комиссаров, громоздился все выше и выше над радужной плоскостью залива, пока «Чи-

черин» не подошел к нему вплотную, покрикивая басовым гудком.

Я отвез Начар по адресу, записанному со слов Бариль, и передал с рук на руки молодой работнице, рассеянной и приветливой, женоргу швейной фабрики № 3.

Вечером пыльный горячий поезд унес меня к северу, в Дагестан, где должна была развернуться одна из страниц будущей истории Кара-Бугаза.

УЧИТЕСЬ У ВОДРОСЛЕЙ

Солнце, в течение тысячелетий бывшее проклятием пустыни, делается ее благословением.

Академик Иоффе.

Три тысячи километров остались позади. Я живу в фанерном доме на берегу Кара-Бугазского пролива. С утра до вечера работает безжалостное солнце, выпаривая и сгущая кара-бугазскую воду. Оно мешает мне сосредоточиться, чтобы вспомнить самые яркие точки на этом длинном пути вокруг Каспийского моря.

Целый мир отшумел за спиной и остался лишь в памяти да на исписанных бледным карандашом листках.

После Баку на рассвете поезд ворвался в пахучие заросли Берикея. На западе, в стороне Хунзаха и Ве-

дено, в стороне аулов, закутанных в дым романтических шамилевских преданий, тяжелым золотом горели горы. К их подножьям прижался завод «Дагестанские огни» — первый завод в Советском союзе, работающий на природных газах, бьющих из-под земли. Этими газами завод отапливает свои стеклоплавильные печи. Сырье для стекла — мирабилит — завод привозит из Кара-Бугаза.

В Баку я узнал, что до постройки химического комбината в Кара-Бугазе мирабилит предполагают перерабатывать в Дагестане. Но где? Здесь, в Берикее, где земля газит, как неприработанный газовый завод, или на севере, в Чир-Юрте?

Общее мнение слагалось в пользу Чир-Юрта, где запроектирована постройка мощного химического комбината.

Комбинат намечают поставить в том месте, где река Сулак пересекает железнодорожную линию, — между Грозным и Махач-Кала, около станции Чир-Юрт.

Голубое сверкающее сердце дагестанских гор — Сулакская электростанция — будет перебрасывать сюда ток. Рядом дымится Грозный с его мазутом и нефтеносными газами. Здесь порт Махач-Кала, куда морем можно доставлять мирабилит из Кара-Бугаза, здесь рельсовые пути в Ростов, Новороссийск, выход в центр страны и к Черному морю.

Махач-Кала кажется городом, построенным из окаменелой морской пены.

Зернистый камень набережных и зданий блестит крупинками слюды, напоминающими большие брызги.

Море подкатывает к подножью города зеленую и глубокую воду.

Черные бугшприты парусных шхун качаются над низкой оградой вокзала, почти касаясь семафоров. Ва-

гоны скорых поездов Тифлис — Москва на десять минут превращаются в каюты кораблей. В их окнах перепутались реи, снасти, желтые трубы. В купе врывается крепкий каспийский ветер. Мальчишки машут перед обмякшими от южной синевы пассажирами связками только что пойманных бычков, пахнущих холодом и иодом.

В Махач-Кала я нашел себе спутника. Ищите себе спутника в каждом городе, иначе новые места производят на вас впечатление утомительного музея. Спутник должен быть из местных жителей. Он окунет вас с головой в свежую, незнакомую жизнь.

Он будет невольно хвастаться своим городом, хотя обычно ругает его паршивой дырой и провинцией. Но таково свойство старожилов. В присутствии новичков очертевшие места открывают перед ними свою подлинную сущность, играют новыми красками. Мир любопытнейших вещей неожиданно раскрывается перед изумленными глазами, и пыльная Махач-Кала предстает как город, омытый озоном, дождями, забрызганный по самые крыши прибоем, как город великих возможностей и достижений.

Дымные горы Дагестана подойдут вплотную к его беленым домишкам. Недавняя история газавата, героической смерти Махача Дахадаева, боев с муссаватистами, история Октябрьской пролетарской революции, скатившейся с гор на малярийные равнины, — и город уже шумит над вами, как шумят приморские ветры. Вы почувствуете цветение молодой республики, терпкой и каменной, цветение, похожее на расцвет черешневых садов Буйнакса, которым нет равных во всем Союзе.

Моим спутником был сотрудник местной газеты Красногорский — сидящий маленький человек в черепаховых очках. Он был родом из Минска, но считал Дагестан вторым отечеством. Он говорил о нем как о

стране неслыханных богатств и вздыхал так тяжело, будто все эти богатства ему, Красногорскому, приходилось тащить на своих немощных плечах.

С Красногорским я ездил на Туралинские соляные озера под городом и был у геолога Шацкого.

Туралинские озера — Большое и Малое — называют «Искусственным Кара-Бугазом». Академия наук вместе с Кара-Бугазским трестом испробовала на этих озерах новый метод, ускоряющий осаждение мирабилита из воды.

В Кара-Бугазе мирабилит кристаллизуется и выпадает на дно в естественных условиях. «Садка» мирабилита происходит зимой, когда температура воды падает до пяти градусов тепла. Мирабилит ложится неравномерными слоями и занимает громадное пространство в 18 000 квадратных километров.

Зимние штормы выбрасывают мирабилит на берега. До 1929 года добыча сводилась к тому, что выбросы оттаскивали подальше от полосы прибоя, чтобы их не смыло обратно в воду, давали мирабилиту просохнуть и вывозили на верблюдах к морю. Так было до 1929 года, пока не начал работать Кара-Бугазский трест.

Трест не мог подобно старым промышленникам ставить добычу мирабилита в зависимость от капризов залива: что шторм накидает, то и ладно. Трест не мог примириться, что залив выбрасывает мирабилит на неудобные берега на пространстве в 150 километров, смешивает мирабилит с глиной, закидывает водорослями и гнилой рыбой, а весной слизывает обратно и растворяет в своей потеплевшей воде.

Нужны были новые способы добычи, которые давали бы мирабилит чистый и в тех местах, где его удобно добывать и сушить. Такими способами была добыча мирабилита прямо со дна залива при помощи экскава-

торов и солесосов и метод бассейнизации. Он состоит в том, что воду из залива перекачивают в бассейны, там она испаряется, концентрируется и дает зимой очень чистый мирабилит.

Этот метод и проверялся на Туралинских соляных озерах. Часть Малого Туралинского озера обнесли валами, превратили в громадный бассейн площадью в четыре гектара и накачали в него воду из Большого озера. Слой воды в 2 метра 65 сантиметров в бассейне дал слой мирабилита в 55 сантиметров.

Опыты блестяще удались: количество полученного мирабилита точно отвечало предварительным расчетам. Руководил опытами академик Ильинский.

Туралинские промыслы сейчас работают и дают мирабилит, но, конечно, не могут и в малой доле конкурировать с настоящим Кара-Бугазом — исполинским конденсатором каспийской воды.

Я помнил просьбу Прокофьева навестить геолога Шацкого. Он жил на окраине города, на улице, широкой рекой сливавшейся с гор. По ней шли горцы, шлепая в теплой пыли рваными чувяками и постукивая желтыми ногтями по рукояткам черных кинжалов. Ослы тащили бидоны с молоком, уравновешенные по другую сторону седла толстыми младенцами, засунутыми в ковровые мешки.

Красногорский сопровождал меня. Он знал о существовании Шацкого, но не знал причин его недавней болезни и истории об острове Кара-Ада.

Нас встретил приветливый бритый старик со смеющимися глазами. Это и был сам Шацкий. Жена его, учительница-армянка, принадлежала к той категории женщин, какие всю жизнь вкладывают в служение близ-

ким. Из таких женщин выходят прекрасные сиделки, руководительницы детских садов.

Прокофьев предупреждал меня, что Шацкий совершенно выздоровел, но до сих пор врачи не разрешают ему участвовать в геологических экспедициях. Сильная усталость или возбуждение вызывают у него возврат прежних бредовых мыслей. Поэтому Шацкий занят разработкой теоретических вопросов. В этой области он уже создал несколько интересных работ.

Я сказал Шацкому, что меня интересует вопрос о Кара-Бугазе.

— Наше время такое, — ответил он, — что мы должны уметь ставить далекие задачи. Кара-Бугаз меня тоже очень интересует, но не так, как вас. Меня он интересует как место, где удобнее всего провести опыты по завоеванию новых форм энергии. Вы же знаете, что Прокофьев не столько ученый, сколько поэт. Мы должны держать фантазию на тугой узде. В Кара-Бугазе надо построить химический комбинат. Без мощного источника энергии его не построить. Прокофьев ищет газы, другие ищут по соседству с Кара-Бугазом уголь и нефть. Все это прекрасно, но забыли о главном, забыли, что Кара-Бугаз сам по себе является неисчерпаемым и неистощимым источником новой энергии.

— Какой?

— Солнечной. Я знаю, что такое солнце. К делу завоевания солнца надо применить способ гомеопатии. Гомеопаты лечат сильнейшими ядами, но в микроскопических дозах. Солнце действует благотворно лишь в малых дозах. По существу оно смертоносно. Там, где его больше, чем следует, оно производит величайшие опустошения. Оно убивает громадные пространства земли. Классический пример этого — Закаспийские пустыни. Красногорский возразил, что дело не в солнце,

а в недостатке в тех местах воды. Шацкий выслушал его внимательно.

— Воды достаточно, — ответил он усмехаясь. — Беда в том, что вода испаряется быстрее, чем накапливается. Мы со всех сторон окружены усыхающими землями. Баланс получается не в пользу человека.

Он посмотрел на меня прищурившись.

— Все мы ходим по краю пропасти и не подозреваем об этом. Вы знаете, что за последние десять лет, по подсчетам величайшего физика Аррениуса, сожжено каменного угля столько же, сколько его было израсходовано за весь исторический период существования человечества. Через сто-полтораста лет запасы угля иссякнут. Белый уголь может покрыть только шестьдесят процентов потребности мирового хозяйства в энергии. Шаги катастрофы можно услышать без особого напряжения. Для этого даже не нужно абсолютного слуха. Мировые запасы нефти будут уничтожены в пятьдесят лет. В Америке своих запасов нефти хватит до 1935 года. Истощение энергетических запасов неминуемо должно вызвать войну между капиталистическими странами...

— Шура! — строго сказала жена. — Никакой войны не будет!

— Война между капиталистическими странами неизбежна, — упрямо повторил Шацкий. — Когда последние запасы угля и нефти подойдут к концу, начнется война.

— Шура, — еще строже сказала жена, — ты же сам прекрасно знаешь, что никакой войны не будет.

— Капиталистический мир неумело и слишком неповоротливо ищет новые источники энергии. Бензин заменяют спиртом. «Сухой закон» в Америке выдумали не для того, чтобы отучить страну от пьянства, а для

того, чтобы весь спирт пустить на горючее. Там автомобили заправляют вместо бензина ромовым спиртом с Ямайки.

— Неужели вы как ученый не видите выхода? — спросил я.

— А солнце? — спросил меня в свою очередь Шацкий. — Солнце! Каждый сантиметр земли получает от солнца ежегодно сто тысяч калорий. Растения берут только семь десятых процента этого количества солнечной энергии. Думают, что их можно заставить брать больше и получать фантастические урожаи, но я полагаю, что это невысказано. Избыток полученной энергии убьет растения. Не забывайте нашего гомеопатического метода. Но во всяком случае вы видите, какие чудовищные запасы энергии изливаются на землю непрерывно и будут изливаться еще миллионы лет. Человечество пошло по линии наименьшего сопротивления. Оно кинулось на те виды энергии, запасы которых ничтожны, забыв об источниках энергии непрерывных, каких хватит на всю историю человеческого рода.

— Интересно, — шепнул мне Красногорский. В глазах его я уловил блеск законной гордости. Он, казалось, хотел сказать: «Смотрите, какие замечательные люди живут у нас в Дагестане».

— Вернемся к Кара-Бугазу. Мы остановились на том, что нам необходимо использовать энергию солнца. В этом смысле Кара-Бугаз — лучшее место в СССР. Там великолепное солнечное сияние. Если бы Кара-Бугазский залив превратился в озеро, то оно бы высохло в шесть лет. Вообще вы не можете представить себе, как быстро сохнет весь этот край.

Шацкий задумчиво уставился за окно. Моря не было видно, но взамен моря был виден сизый морской воздух, похожий на толщу пара.

— Я задумал небольшой научный труд под заглавием «Испаряющаяся земля». Мы преступно относимся к солнцу. Годовые запасы его энергии на земном шаре определяются в сто миллиардов киловатт-часов. Это дает по одному киловатту на каждый квадратный метр.

— Но как будто солнечные машины — гелиоскопы — не дали хороших результатов, — промолвил Красногорский.

— И не дадут, — ответил Шацкий. — Нужны другие пути. У нас есть в руках химия. Перед ее возможностями оптический принцип улавливания солнечной энергии отходит на задний план. Надо ловить, концентрировать, сгущать солнечную энергию химическим путем. Надо учиться у красных морских водорослей. Они используют двадцать четыре процента того количества солнечной энергии, какое проникает в морские глубины, тогда как наши земные растения, тонущие в солнечных потоках, используют только ничтожные доли процента. Нужда всему научит.

Шацкий прошелся по комнате.

— Духота, духота! — пробормотал он. — Здешние вечера вызывают астму. Горы накаляются за день и всю ночь излучают тепло. Я предлагаю пройтись к морю.

Жена охотно согласилась отпустить его с нами. Мы вышли к морю. Звезды спали на волнах, то широко открывая, то щуря белые глаза. По краю берега у пенной полосы прибоя промчался тифлисский экспресс. Его торопливый радостный гудок прокатился громом над морем, — поезд торопился вырваться из плоских степей в путаницу гор, заливов, рек, виноградников, в успокоительный калейдоскоп Кавказа.

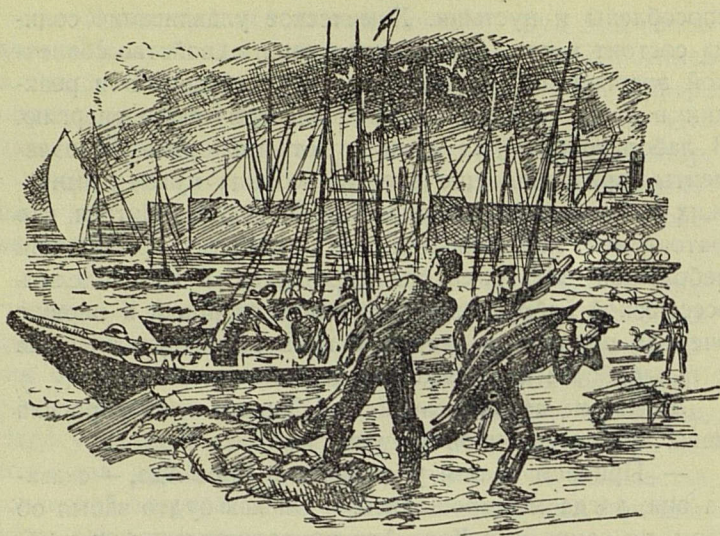
— Вот, — Шацкий торжественно показал на море, — вот громадные водные плоскости. Их можно заставить собирать солнечную энергию. К этому делу будут при-

способлены и пустыни. Химическое улавливание солнца состоит в том, чтобы использовать свойство солнечной энергии вызывать химические реакции. Эти реакции в свою очередь создают электрическую энергию. В лабораториях уже существуют приборы — фотоэлементы, превращающие энергию солнца путем химических процессов в электричество. Удалось добиться, что фотоэлемент под влиянием солнца дает ток, вращающий небольшой электромотор. Кара-Бугаз нужно сделать всесоюзной лабораторией по ловле солнца и в первую очередь приложить взятую в плен солнечную энергию к переработке его баснословных богатств.

Когда мы вернулись, жена Шацкого тихо спросила меня, не болтал ли он чепухи.

— При нем нельзя упоминать о Кара-Ада, — сказала она, когда мы прощались. — Он как будто забыл об этом, но самое имя Кара-Ада приводит его в беспокойное состояние. Я ведь с ним тоже была там, — добавила она и смутилась.

ПОЛКОВОДЕЦ

Ваша страна прекрасна: можно идти десятки миль и не встретить ни одного дерева.

Замечание американского путешественника.

Ночью я уехал из Махач-Кала на Эмбу, в Гурьев. Путь лежал через Астрахань.

Утром я не узнал Каспийского моря. Жидкая серая глина простиралась до горизонта обширным озером. На краю его торчали прямо из воды угрюмые черные маяки и колокольни без крестов — то были рыбацьи села на плоских островах волжской дельты.

Мы подходили к Двенадцатифутовому рейду, где среди моря гремел и качался на якорях пловучий город — больница, почта, пассажирские пристани, лихтера

и «грязнухи», похожие на старинные мониторы времен войны между Южными и Северными штатами.

Я видел Астрахань, облепленную сотнями парусов, пропахшую сухой селедкой и пыльную, как глинобитные города Азии.

На плотках у рыбных промыслов день и ночь загорелые люди, все в чешуе, как в стальной кольчуге, подхватывали баграми из рыбацких лодок пятнистые туши севрюг и швыряли их с тяжелым шлепаньем на доски. Девушки в синих штанах нескончаемыми вереницами несли в холодильники золотых тупиц — сазанов, держа их под коралловые мокрые жабры.

Из Астрахани мы трое суток плелись на колесном пароходе в Гурьев, не видя ничего, кроме неба, сожженного суховеями, желтого моря и расставленных на якорях рыбацких шаланд.

Между Астраханью и Гурьевом нет ни одного порта, ни одного убежища. В шестидесяти километрах от берега можно легко достать шестом песчаное дно. Далеко от берегов в море протянулись заросли камыша с черными тугими головками. Поэтому берега зовут «чернями». Издали они напоминают узкую кайму, проведенную тушью по бледному горизонту.

И путь этот и пароход хорошо изучены постоянными пассажирами. Путь монотонен, как азиатское выцветшее небо. Сначала рыжая вода из Волги, потом за Белинским банком вода медленно начинает зеленеть, потом Забурунье, где во всякую погоду качает. На пароходе всегда один и тот же толстенький капитан, одни и те же бородатые штурвальные, обзревающие море в медный старинный бинокль, тот же повар — горький вдовец, готовящий безвкусные щи и пересоленную рыбу.

Наконец, появляются бакланы и тюлени, спящие на

воде брюхом вверх, и по всему пароходу проходит вздох облегчения — значит, скоро Гурьевский рейд. За ним уже угадывается пустыня, заросшая астрагалом и покрытая корками соли.

И вот рейд. Пароход подползает к нему среди белых, как мел, островов. С непривычки можно спутать с островами отраженные в тихой воде облака, похожие на материки. Они неподвижно стоят над пустыней, чуть розовея. Кажется, что их поставили здесь нарочно, чтобы показать на них все разнообразие вечерних красок и величавость ночи, синей, как кобальт.

Пароход с гулом выплывает в узкий проток между высокими камышами — Урал, и лишь к полночи сквозь пыль, висящую в воздухе, загораются светофоры в городе Эмбанефти. Против него, на правом берегу Урала, сонно моргает окнами Гурьев.

Пахнет рыбой и горелой травой. Пароход будит город плачущим визгом гудка и наваливается на пустынную пристань.

Утром я увидел за Уралом весь городок Эмбанефти. Казалось, что на азиатском берегу — его здесь зовут Бухарской стороной — села несметная стая белых птиц. Все дома были как бы слеплены из снега. Весь городок построен из прессованного камыша, даже трехэтажное здание треста. Сверху камыш оштукатурен и покрашен мелом.

Камыш — лучший строительный материал для пустынных побережий Каспийского моря, где леса нет, но заросли камыша тянутся на сотни километров. Будущий Кара-Бугаз легче всего построить из камыша. Саманные дома, рядом с камышевыми, напоминают крепости пещерных людей. Саман — глина, смешанная с навозом. Внутри саманных домов пахнет хлебом. Строить дома из самана в безводной пустыне не легче,

чем из леса, — приготовление самана требует много воды.

Во время своей поездки я встретил только одного человека — инженера Купера, жалевшего, что саманные лачуги умирают. Я познакомился с Купером на наплавном мосту через Урал. Он с завистью смотрел на мальчишек, удивших сазанов. Когда мальчишка, трясаясь от волнения, вытащил из грязной воды задыхавшегося сазана, Купер обернулся ко мне и сказал:

— Счастливы! Как бы я хотел быть мальчишкой и сидеть на солнцепеке с леской. Замечательное занятие!

Куперу я должен быть благодарен. Он познакомил меня с знатоком всего Эмбенского района, старожилом пустыни, инженером Давыдовым.

Он ввел меня в кабинет этого инженера, как вводят непосвященного в комнату чудес. Из-за стола поднялся сухой и высокий человек в белом, похожий на капитана дальнего плавания.

Он строго посмотрел на меня и широким жестом предложил сесть. Седая его голова казалась отлитой из металла. Купер почтительно сел в стороне, испросив разрешения присутствовать при нашей беседе.

Давыдов заговорил. У него был голос густой и внятный. Разглядывая его, я вспомнил о Пржевальском, о Свене Гедине, о Стэнли — о старых исследователях Гоби и Сахары, о генералах, потерявших в песках многотысячные армии, обо всей детской романтике, какой была насыщена пустыня в мои школьные годы, — драмах, кожаных ведрах, самумах, лошадиных скелетах около одиноких колодцев.

Давыдов говорил короткими фразами и как бы задыхался, ставя точки.

— Что может дать нам Кара-Бугаз и что может дать Кара-Бугазу Эмба? Прекрасно. Мы можем дать

нефть, хотя наша нефть слишком хороша, чтобы пускать ее на топливо. Самые южные наши выходы нефти — Кара-Чунгул, Каратон и другие — лежат сравнительно близко от Кара-Бугаза и Мангышлака.

Я полагаю, что весь восточный берег моря — Эмба, Мангышлак, Кара-Бугаз, вплоть до Чикишляра — должен превратиться в мощный индустриальный пояс на границе пустыни. Мы даем нефть, Мангышлак — уголь и фосфориты, Кара-Бугаз — мирабилит, серу, серную кислоту, соду и другие химические продукты, Чикишляр — газы, Челекен — нефть и озокерит. Баку должен работать на запад, мы — на восток.

Что мы еще можем дать Кара-Бугазу? Здесь, на Эмбе, возникла идея постройки железной дороги из Александрова-Гая в Хиву. Я прошел весь этот путь с караванами и произвел изыскания. Постройка утверждена. Это будет первая линия, которая прорежет самое сердце пустыни. Она оживит ряд богатств, донныне лежащих мертвым грузом: кушумские луговые массивы, индерскую соль и калий, гурьевскую рыбу, эмбенские нефтеносные земли, Аральское море и Хивинский оазис.

Новая дорога сыграет громадную роль в освоении бесплодных пространств Усть-Урта. Тем самым она должна влиять весьма благотворно на развитие Кара-Бугаза. В пустыне, которую пересечет дорога, воды нет. Дорога будет работать тепловозами.

Наконец третье. Кара-Бугаз будет вырабатывать соду. Для производства соды мы будем снабжать его прекрасным известняком из Ракуши. Ракуша — пристань эмбенских промыслов на море. Мы сделаем из Ракуши порт.

Мы будем строить нефтеперегонные заводы. Для перегонки нефти нужна серная кислота. Кара-Бугаз даст нам ее, и мы будем квиты. Как видите, создание

кара-бугазского комбината затрагивает хозяйственные нервы всего побережья от Эмбы до Атрека. Пустыня получит свое индустриальное сердце.

Давыдов помолчал.

— Давнишние мечты осуществились, — промолвил он и отвернулся к окну.

Я посмотрел на его профиль. Он напомнил мне бронзовые лица полководцев на полустертых римских монетах. Как-то во время одного из бесчисленных споров с Прокофьевым мы говорили о профессиях, укрепляющих волю. Прокофьев утверждал, что самой сильной волей обладают исследователи. Давыдов был прирожденным исследователем. Общение с пустыней сказывалось в зоркости глаза и спокойной силе голоса. Все начатое Давыдов доводил до конца. В соленых пустошах Доссора он решил разбить парк. Мысль эта казалась совершенно дикой даже ботаникам. Насмешки Давыдов встречал с глубоким безразличием.

Два года он возился с умиравшими в едкой земле кустами, он опреснил землю умелой поливкой и дренажем, и сейчас в Доссоре рабочие ходят по вечерам в «собственный парк». Там можно потрогать рукой давно забытые шершавые ветки и услышать запах листвы. Этим первым садом в пустыне доссорцы гордятся, примерно, так, как москвичи Парком культуры и отдыха.

После утверждения в центре изысканий железной дороги из Александрова-Гая в Хиву Давыдов подал заявление о приеме в партию.

«Я убедился, — писал он, — что только политика партии может оживить пустыню, над завоеванием которой я работал всю жизнь».

Молчание длилось долго. Давыдов перевел глаза на меня и сказал глухо:

— Не я один отдал всю жизнь пустыне. Но на мою

долю выпало быть свидетелем и участником завоевания этих мертвых пространств. Недавно еще Кара-Бугаз наводил суеверный ужас на кочевников и моряков. Даже исследователи не решались обойти его берега. Чем он был в представлении людей из культурных оазисов? Заливом смерти и ядовитой воды, адом. Веками пустыня лежала нетронутая. Веками она копила богатства. Теперь мы их отнимаем.

Мы находим способы превращать самые страшные свойства пустыни в источники жизни. Я говорю о солнце. Его энергией пустыня будет орошена. Есть великий физический закон. Он говорит, что энергия рождается лишь при условии разности температур. Резкие скачки температуры в пустыне в течение одних и тех же суток порождают жестокие ветры. Кара-Бугаз известен как самое бурное место на Каспийском море. Там, собственно говоря, свирепствует непрерывный шторм. Наш промысел Доссор многие называют полюсом ветров. Ураганы Доссора бесплодно расточают миллионы лошадиных сил только на то, чтобы подымать чудовищную пыль. Ветер — это громадная энергия, но до сих пор мы используем ее в жалких размерах. Вот, полюбуйтесь.

За окном скрипучие ветряные насосы с утробным воем качали в арыки уральскую теплую жижу.

— Ветер — его мы называем голубым углем — лучшая энергия для пустыни. Здесь существуют все условия для непрерывных и ровных ветров. В безветренные годы пустыня дает все же семьдесят процентов ветровой энергии по сравнению со средним ветреным годом. Вам не известна годовая мощность ветров в Казахстане? Ну что ж, очень любопытная цифра. Двести тридцать миллионов лошадиных сил. В энергетических запасах Казахстана ветер занимает девяносто шесть процентов.

Купер заерзал на стуле.

— Не сочтите меня фантазером, — Давыдов встал, — но ветры пустыни необходимо использовать и для целей транспорта. Я не нашел еще точного воплощения этой мысли, но я представляю себе парусное сообще-ние в песках, где нет ни растительности, ни поселений, ни гор, и ничто поэтому не сможет помешать движению. Солнце, ветер и резкие смены температуры со-здали пустыню, они же ее и уничтожат. Это не подле-жит никакому сомнению. Завтра товарищ Купер едет на наш отдаленный промысел — Макат. Поезжайте с ним, и, я надеюсь, вы увидите много интересных вещей.

Вечером я встретил Купера на теннисном корде. Он принимал мячи, гортанно подсчитывая по-англий-ски количество очков. Вокруг корда сидели на кор-точках казахи в широких ситцевых штанах розового цвета и одобрительно покрикивали при каждом ловком ударе. За Уралом Гурьев густо чадил кизяком. Здесь же, на Бухарской стороне, зажглись молочные огни, и над пустыней подымалась медленная луна. Чем вы-ше она подымалась, тем делалась светлее, будто с нее сходил загар коричневых суглинков.

Купер, увидев меня, бросил игру и подошел. Пока мы беседовали, с нами поровнялся верблюд. Он оста-новился, надменно разглядывая нас и пожеывая ли-ловыми губами. Купер взял меня за локоть и отвел в сторону, — оказывается, мы стояли среди дороги. Верблю-д презрительно икнул и торжественно двинулся даль-ше. Он тащил маленькую телегу. В ней спала ка-зашка с грудным ребенком, и гроыхала жестяная грам-мофонная труба.

Мы долго смотрели вслед, пораженные этим зрели-щем. Верблюд свернул с дороги и поволок тележку прямо в пустыню.

— Пошел пастись в степь, на Соколок, — объяснил Купер и вздохнул.

Я привык, что многие инженеры, работающие в глухих местах, жалуется на свою судьбу. Как бы ни был жизнерадостен инженер и как бы ни нравилась ему работа, он не упустит случая изобразить себя мучеником, страдающим от отсутствия новых книг, оттого, что газеты из Москвы идут две недели и в кооперативе нет бритв «жиллет» и боржома.

Отбыв эту повинность, он снова придет в хорошее настроение и с жаром начнет рассказывать о своем предприятии. При этом оно всегда или «лучшее в мире», или «могло бы быть лучшим в мире», если бы Москва не резала кредиты.

Я приготовился выслушать жалобы Купера и не ошибся.

Директор треста звал Купера «дачником» и «красавчиком». В минуту раздражения он стучал кулаком по столу и кричал, что Эмба в дачниках не нуждается. Угрозам директора никто не придавал значения. Все знали, что в случаях серьезных директор никогда не кричал.

Куперу исполнилось тридцать пять лет, но директор любил всегда называть его «молодым человеком» за английскую внешность и почтительность к старшим.

— До моего приезда, — жаловался Купер, — все было тихо. Как только я приехал, так и пошло. Разведка на сто километров в пустыню. В Каратоне промысел затопило во время урагана. Начальника моего укусила фаланга, он скорострительно скончался, и вместо него назначили меня. Прислали из Баку директора-выдвиженца, — страшно вспыльчивый мужчина, чорт бы его побрал! — и наконец, извольте радоваться, хотят создать

здесь мощный индустриальный пояс. Уже не центр, а целый пояс.

С этим любителем тишины я ездил в Макат. Сто сорок километров машина прошла в два часа. Тянулись волны едва заметных подъемов и спусков, потом их сменила ровная, как исполинское озеро, степь. Воздух был мутен и напоминал жидкий клей. Коричневые смерчи с тяжелым шумом проносились через дорогу. Суслики сыпались горохом из-под колес. Сухая горечь сводила рот невыносимой жаждой.

Иногда шофер гнал машину прямо по суглинкам и высохшим соляным озерам.

Купер рассказывал, что весной во время редких дождей вся пустыня превращается не в грязь, а в слизь. Машина может работать на полный газ и не двигаться с места.

Я вынужден был слушать болтовню Купера. Сначала он рассказал мне о проекте французского ученого Эшегуайена затопить Сахару водами Атлантического океана и предложил мне поговорить по этому поводу с Давыдовым.

Потом он произнес речь в защиту саманных построек.

— Каждая страна должна резко отличаться от окружающих, — говорил он. — Необходимо издать декрет, запрещающий уничтожать своеобразные постройки и бытовые черты, если они не противоречат советскому строю. Разнообразие впечатлений делает жизнь полнее, а полнота жизни создает настроение бодрости и подъема. Поэтому надо сохранить кубические восточные постройки, их цвет, их планировку, сохранить арыки на улицах и открыть завод для выделки восточных изразцов.

Купер договорился до того, что нужно один из ста-

рых русских городов, вроде Углича, сделать показательным по старине — засеять его улицы ромашкой и болиголовом, заселить бывшими просвирнями, владеющими, по свидетельству Пушкина, чистейшим московским языком, передать этот город в ведение «Интуриста» и организовать в него массовые экскурсии иностранцев.

Болтовня прекратилась только в Макате. Ураган поднимался над нами белыми языками. Пробивая пелену пыли, шагал караван верблюдов с водой из Доссора. Доставка воды в Макат обходится каждый год в пятьсот тысяч рублей.

Над мелким озером торчал низкорослый лес черных вышек. Серый зной прожигал до костей. Глубокие насосы выбрасывали толчками из скважин пенистую нефть. Здесь кончалась нефтяная река или нефтяное море, истоки которого открыл Прокофьев.

Из Маката мы проехали в Доссор, а оттуда вернулись в Гурьев в моторном вагоне по узкоколейке.

Розоватый дым курился над пустыней. На разъездах вокруг вагона тотчас же устанавливалась тишина. Изредка слышалось слабое посвистывание сусликов.

Ночь упала внезапно и накрыла пустыню громадной звездной шапкой. Впереди вагона лилась река дымного электрического огня. Запахом полыни и свежестью ночи сквозило в широкие окна. Я сказал Куперу:

— Вы говорили о своеобразии Востока. Что может быть своеобразнее этого моторного вагона в ночной пустыне?

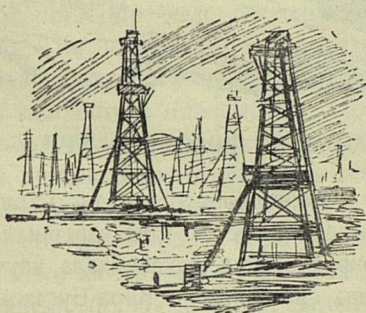
— Я вас понимаю, — многозначительно ответил Купер. — У вас начинается то же заболевание, что и у Давыдова. Оно называется «пустынной болезнью».

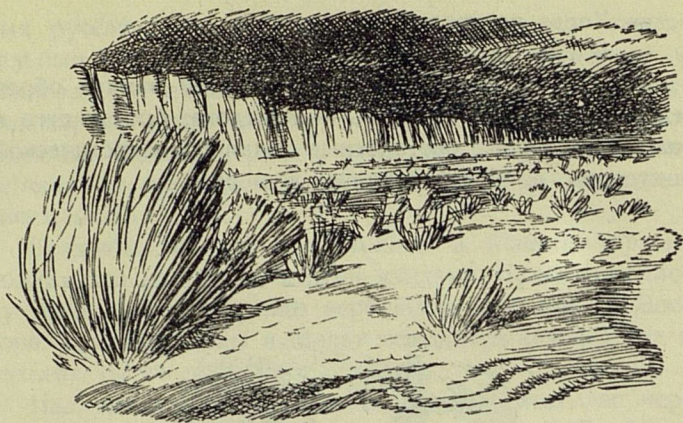
В этот момент я окончательно убедился, что Купер — типичный «дачник» в нашей небывалой эпохе.

— Когда построена эта дорога?

— В 1927 году. И строил ее Давыдов.

Уезжая из Гурьева, я унес в своей памяти образ седого полководца пустынь — Давыдова, бросающего в солончаки первые светонесные точки социалистической индустрии, и образ «дачника» Купера.

ГОРЫ ИЗ РОЗОВОГО МЕЛА

Поездка на Мангышлак стояла в маршруте Прокофьева на последнем месте. Она завершала движение по спирали вокруг залива, заканчивала изучение районов, неразрывно связанных с Кара-Бугазом.

Только после нее я, по словам Прокофьева, имел право попасть в Кара-Бугаз.

Поездку на Мангышлак можно было бы назвать путешествием в страну звезд.

Я познакомился в форте Урицком (бывшем форте Александровском) с партийцем Васильевым. Как и Давыдов, он готовился развенчать жестокие легенды о пустыне и превратить ее в помощницу социалистической индустрии. Он изучил материалы немногочисленных экспедиций (Андрусова, Нацкого и Баярунаса) и составлял краткие и точные планы первоначального использования открытых этими геологами богатств. Он думал о новых дорогах в горы Кара-Тау, где раскаленный воздух окружает залежи антрацита, нефти,

фосфоритов, меди и марганца широким защитным поясом.

В свободное время он любил читать журнал «Мироведение». Там из месяца в месяц отмечалась огромная, но не замечаемая нами жизнь неба: появление новых звезд, падение метеоров, гипотезы о новых солнечных системах и ход работ по изучению космических лучей.

Я думаю, что на это занятие Васильева натолкнуло мангышлакское небо. Нигде я не видел таких величественных звездных ливней и такого ослепительного сверкания планет. Оно было настолько ярким, что по ночам казалось, будто планеты летят к нам из неизмеримых пространств, летят в одну точку земного шара — на мертвый полуостров Мангышлак. Потом мы смеялись над собой. Планеты были по-старому далеки, но впечатление стремительно падающего неба осталось у меня от Мангышлака до сих пор.

Поездка по полуострову была непродолжительна. Она заняла всего шесть дней. Я ездил вместе с Васильевым. Мы видели песчаные моря, замкнутые на горизонте в берега отвесных розовых и белых гор. Горы подымались одним порогом. Вершины их были такими же плоскими, как и пустыня у их подножий.

Мы видели пласты каменного угля, лежавшие прямо на земле. До 1914 года этот уголь добывало пароходное общество «Кавказ и Меркурий», но потом бросило — перевозка угля обходилась слишком дорого. Залежи тянутся на 150 километров. Запасы угля определяются на-глаз в триста миллионов тонн, но эта цифра явно преуменьшена. Вся область угольных залежей богата родниками пресной воды. В урочище Тюбеджик мы видели пески, спекшиеся от окаменевшей нефти. Пески пахли гудроном, как пахнет усовершенствованная московская мостовая.

Я рассказал Васильеву теорию Прокофьева. Нефть на Мангышлаке, по-моему, — ее блестящее подтверждение, тем более, что, по словам Васильева, она подымается здесь на поверхность из неизвестных глубин.

Васильев ничего не ответил. Волгарь из Черного Яра, человек молчаливый и очень точный, он избегал скоропелых выводов и преждевременных обобщений.

— Возможно, — промолвил он. — Но сейчас меня больше занимают фосфориты.

Залежи фосфоритов лежали у подножия гор из розового мела. Горы эти, изрытые глубокими оврагами, напоминали издали человеческий мозг. Я слышал от одного из исследователей Мангышлака, что если бы распрямить эти складки, то площадь гор увеличилась бы в двести раз. Горы подымались розовыми куполами и казались очень легкими, будто состояли из пористых исполинских губок. У их подножья на песке валялись каменные желваки, шары и лепешки. Васильев толкнул одну лепешку ногой.

— Вот фосфорит.

Некоторые шары были больше метра в диаметре, и мы прятались в их тени от солнца.

Шел третий час дня, самый тяжелый, когда зной сгущается до состояния сиропа. Мы решили спастись от жары в продольную долину. Там, по словам Васильева, находился оазис.

Я усмехнулся, представив себе жалкий колодец с двумя ведрами воды и кустами колючек вокруг. Какой мог быть оазис под этим испепеляющим небом?!

Мы ехали по сплошным россыпям фосфоритов, прошли ущелье в горах, поднялись на гребень, и глубоко под нами открылась долина, заросшая квадратами тяжелого проса. По обочинам маленьких полей свежезеленели чинары, и прозрачные струи воды перелива-

лись на дне ущелья. В тени чинар белел саманный кубический дом.

Васильев искоса посмотрел на меня. Лошади, предчувствуя водопой, ржали, сердясь на неторопливых всадников. Я оглянулся назад. Пустыня подстерегала этот клочок тучной и зеленеющей земли. Пустыня казалась отсюда гигантской шкурой павшего верблюда. Кусты чия торчали клочьями не успевшей вылинять шерсти. Воздух над землей блестел, как глицерин.

На спуске мы снова попали в обширные поля фосфоритов.

— Вот вам и сырье для Кара-Бугаза. — Васильев остановился около одного из шаров, расколовшегося на две совершенно одинаковые части. Внутри были видны кристаллы. Они тянулись узкими лучами от центра шара к его поверхности.

— Кара-Бугазский комбинат будет изготавливать серную кислоту. Если обработать этой кислотой фосфорит, то получится великолепный суперфосфат. Мы проведем дорогу к морю, начнем вывозить фосфорит и отправлять его в Кара-Бугаз. У нас в Средней Азии для удобрения хлопка идет смесь суперфосфата и хлопковых жмыхов. Она называется пахтанури.

От Васильева я узнал о горах Таур-Кыр и о весенних мощных потоках воды в оврагах Карын-Ярык. Горы Таур-Кыр лежат вблизи восточного берега Кара-Бугаза, южнее мыса Кулан-Гурлан. В этих горах был один только человек — геолог Лупов. Здесь он нашел залежи каменного угля на площади в 1 600 квадратных километров, россыпи фосфоритов и много небольших пресных источников.

Геолог Баярунас пытался пройти к Туар-Кыру с севера, из Мангышлака, но рабочие отказались идти с ним в эти неведомые горы.

Залежи угля в Таур-Кыре — самые близкие к карабугазским мирабилитовым промыслам, но до сих пор они совсем не исследованы.

Карын-Ярык — исполинская впадина, тянущаяся от гор Кара-Тау к Кара-Бугазу. По ней должны стекать в залив все весенние воды с гор Кара-Тау, но часть вод застаивается и образует непроходимые соленые болота, часть стекает в многочисленные воронки в почве.

Потоки весенних вод достигают исключительной мощности. Судя по их следам, они бывают в сто пятьдесят метров ширины и в два метра глубины. Земля, полная пустот, всасывает эти водопады, засоляет их или придает воде слабительные свойства и выбрасывает кое-где эту воду на поверхность в виде небольших родников. В глубине впадины Карын-Ярык никто до сих пор еще не был.

Мы подъехали к саманной мазанке и поздоровались с женой молодого казаха — стремительной и сухой женщиной, носившей поверх сапог кожаные вышитые серебром туфли, и со стариком-отцом. Старик напомнил мне портреты старых английских моряков с редкой бородой, торчавшей по сторонам подбородка.

— Хабар бар? — спросил старик.

Мы напились холодной вкусной воды и выполнили обязанность гостей — рассказали городские новости.

Мы ночевали у казаха. Всю ночь пустыня не давала мне спать. Звезды осколками льда таяли на черном небе. Талая вода сыпалась туманом на землю и превращалась в смутный свет. Великие реки Млечного пути вливались в ночные пески Карын-Ярыка, простиравшиеся на юг до самого Кара-Бугаза.

Вода сонно шепталась в арыке. Васильев, мучаясь от блох, рассказывал мне, что расстояние от нашего солнца до солнца ближайшей к нам солнечной систе-

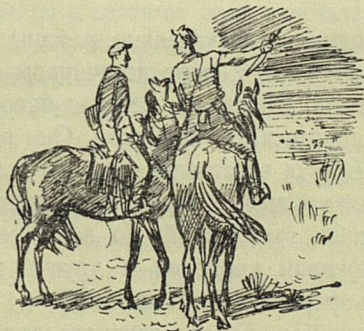
мы — звезды Альфа Центавра — в двести пятьдесят тысяч раз больше, чем расстояние от земли до солнца.

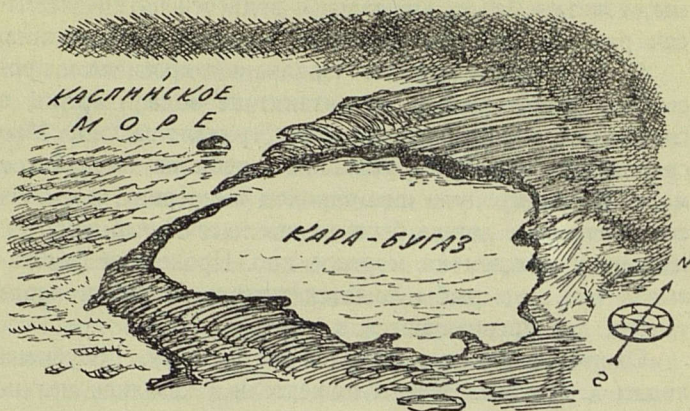
Я удивлялся и дремал. Изредка я вздрагивал и просыпался. Мне снилось, что звенит не вода в арыке, а свет звезд, несущийся к земле триллионы лет. Мне снился млечный путь, упавший с неба на Каспийское море. По этому пути шел пароход «Чичерин», и сквозь его прозрачное днище были видны тысячи рыб и медуз, падавших дождем на морское дно. Прокофьев рассказывал мне, что рыбы ложатся тугими слоями и через тысячи лет превращаются в нефть.

Окончательно я проснулся к рассвету. Голубизна лилась с востока. Звезды пожелтели и казались мелкими плодами, ссыхающимися от приближения солнца. Я вышел и глотал на пороге воздух залпом, как пьют холодную воду.

Лошади смотрели на меня и тихо ржали. Должно быть, они здоровались со мной и просили не торопиться с отъездом.

Ослепительное меловое плоскогорье Удюк развернулось перед нами на обратном пути, как белое твердое море. Мы медленно въехали в мел и вытащили черные автомобильные очки. В этих местах солнце было жестоким испытанием.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЗАЛИВА

Лейтенант Жеребцов обошел берега Кара-Бугазского залива в 1847 году.

Старая Россия не проявляла интереса к своим богатствам. Только в 1897 году министерство торговли и промышленности раскачалось и отправило в Кара-Бугаз экспедицию во главе с гидрологом Шпиндлером.

Экспедиция окончательно выяснила, что залив является величайшим в мире источником глауберовой соли.

С тех пор началась пестрая история залива, напоминающая рассказы О. Генри. Она нигде не записана. Ее приходится восстанавливать по статьям геологов, по рассказам моряков и туркмен-фелюжников, по докладам начальников экспедиций, по забытым проектам, судовым журналам кораблей и другим немногочисленным и противоречивым источникам.

Вокруг Кара-Бугаза закипела золотая лихорадка.

В конце XIX века в Петербурге был созван всемирный геологический конгресс. На нем впервые геологи узнали о богатствах Кара-Бугаза.

Вся Европа и Америка жили тогда, как живут и сейчас, искусственным сульфатом (так называется мирабилит, освобожденный от воды). Для изготовления сульфата были построены тысячи заводов. Поэтому сведения о Кара-Бугазе ударили в гущу сульфатных промышленников, как тяжелый бризантный снаряд. Тотчас же был составлен проект мирового химического комбината на острове Челекене. Комбинат должен был работать на кара-бугазском сульфате. Во главе комбината стали французские, английские и бельгийские капиталисты.

Но царское правительство уперлось и почему-то отказалось сдать Кара-Бугаз и Челекен в концессию.

Три года шел торг, но кончился ничем.

В 1909 году купчиха Князева послала в Кара-Бугаз собственную экспедицию. Богатства Захария Дубского, неограниченного владельца Мангышлака, не давали покоя этой завистливой женщине.

Естественно, нашлись ласковые инженеры, согласившиеся за приличную плату «присоединить» Кара-Бугаз к владениям Князевой и взять от ее имени заявку почти на все западные и юго-западные берега залива.

Но Князева опоздала. Гильзовый фабрикант Катък и акционерное общество «Айваз» уже захватывали лучшие куски берега, куда прибор выбрасывал больше всего мирабилита. Они взяли в банках солидные куши на переработку природных богатств залива. Деньги эти пошли на биржевые махинации. Добытые для отвода глаз жалкие тысячи пудов мирабилита лежали и каменели на берегах до 1929 года.

От экспедиции купчихи Князевой на берегах Кара-

Бугаза остались засыпанные песком и съеденные солью зеленые лодки.

Для плавания в заливе начальник этой экспедиции искал в Баку мелкосидящие пароходы. Таких пароходов было только два. Один принадлежал подозрительной пароходной компании «Манчжурия», другой — не менее темным дельцам братьям Ашуровым. «Манчжурия» и Ашуровы решили обобрать Князеву, как липку, и заломили фантастические цены за аренду пароходов. Пришлось итти в залив на туркменских лодках, взяв в качестве лоцмана бывалого человека — казанского татарина Губаева.

Сотрудники экспедиции Князевой — студенты — пересекли залив на лодках по нескольким направлениям. Они задохались на берегах, отравленных сероводородом, переходили в брод мелководные заливы, где воды было по косточку на протяжении нескольких километров, но мирабилита почти не нашли. Стояло жаркое лето, и мирабилит весь растаял в теплой воде.

Но все же экспедиции, предпринятой во славу Князевой, удалось выяснить, что мирабилит обильно осаждается зимой, когда каждый предмет, погруженный в воду залива, покрывается кристаллами мирабилита. Экспедиция предложила самый совершенный, как ей казалось, способ добычи мирабилита со дна залива — вычерпывать его простыми мешками, поставила заявочные столбы, огородив владения Князевой, и уехала.

В журналах этой экспедиции впервые было сказано, что в пятидесяти километрах от восточного берега залива, у подошвы гор Таур-Кыр, есть залежи каменного угля. Сотрудники экспедиции хотели обследовать их, но летом ни один туземец не захотел сопровождать их в горы.

Вскоре началась война, и Кара-Бугаз был забыт.

Только редкие кочевники появлялись зимой у его свинцовых штормовых пространств. Но и они не задерживались на угрюмых берегах и уходили дальше, к Красноводску.

Залив бушевал в одиночестве. По туркменским зимовкам говорили, что даже русские и англичане отшатнулись от его проклятой воды и не могли извлечь из нее ничего полезного.

В 1920 году Ленин узнал о Кара-Бугазе и широко поставил вопрос об использовании его богатств. Было отпущено сорок тысяч рублей золотом на снаряжение экспедиции. Она должна была выяснить способы добычи мирабилита и после этого немедленно начать добычу.

Во главе экспедиции стал геолог Подкопаев. Научные результаты этой экспедиции были огромны, практических же результатов она почти не дала — неопытный инженер набрал в Астрахани многосемейных рабочих и привез их в пустыни Кара-Бугаза. Запасов продовольствия было мало. Их съели раньше, чем успели наладить добычу. Рабочие разбежались.

Научная часть экспедиции Подкопаева работала в заливе три года. Она прибыла в залив на пароходе «Нижний-Новгород» в сопровождении двух военных баркасов: «Шаумян» и «Перебойна».

Подкопаев выяснил, что мирабилит в заливе начинает кристаллизоваться в половине ноября, а к половине марта кристаллизация прекращается и начинается обратный процесс — растворение мирабилита в воде. В связи с этим мирабилит был назван «периодическим минералом».

В Кара-Бугазе, кроме мирабилита, было найдено много хлористого магния и хлористого натрия (обыкновенной поваренной соли).

Подкопаев определил, что ежегодно в заливе оседает шесть миллиардов тонн мирабилита. Залежи были признаны величайшими в мире.

Проникнуть в Кара-Бугаз Подкопаеву было очень трудно. Мешал капризный бар (отмель), перегораживавший пролив во всю ширину. Во время штормов на баре вздымались буруны, во время штилей был ясно виден стремительный перепад вод с песчаных мелей в глубины залива. На баре цвет воды резко менялся: морская синева соприкасалась со свинцом.

Баркас «Перебойна» со своей отчаянной командой ухитрился на боку перелезть через бар и обежал северные берега залива.

Экспедицию застал нэп. Пошли слухи, что в Баку сотнями тонн скупают соду. В заливе неожиданно появилось плоское, как клоп, и черное от копоти судно. Оно скрежетало расшатанной машиной и выпускало на воздух половину пара из котлов.

Буйная команда неведомого судна навалила полные трюмы сульфата и после частой стрельбы пачками по диким гусям смылась из залива в Баку. Там сульфат был продан под видом соды. Предприимчивых моряков судили, и рейс неведомого судна был первым и последним.

В 1923 году у мыса Кургузулл, что значит по-казахски «кривая девушка», появилась партия рабочих под начальством студента в рваной тужурке.

Партия была прислана стекольным заводом «Дагестанские огни». Завод останавливался из-за недостатка сульфата, тогда как величайшие залежи сульфата лежали рядом, в Кара-Бугазе.

У мыса Бек-Таш завод построил пристань и каменный дом.

Из Кургузулла сульфат подвозили к пристани на

верблюдах и туркменских лодках и перегружали на пароходы.

1923 год можно считать первым годом эксплуатации кара-бугазских богатств. Студент в рваной тужурке поселился в новом доме в Бек-Таше и так и остался в Кара-Бугазе до теперешних дней. Сейчас он секретарь районного комитета партии и считается одним из крупнейших специалистов по всем вопросам, связанным с заливом.

Сульфат — это сухая глауберова соль, настолько белая, что летом при сильном солнечном свете на нее нельзя смотреть, не рискуя ослепнуть. Мирабилит — это та же самая глауберова соль, но насыщенная водой. В мирабилите десять частей воды и одна часть глауберовой соли. Формула мирабилита — $\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$. Промышленности нужен сульфат. Нет никакого смысла возить мирабилит. Это значило бы возить в трюмах пароходов воду.

Поэтому мирабилит сушат, или, как говорят химики, обезвоживают. Жаркий климат Кара-Бугаза и сухие постоянные ветры очень помогают этой сушке.

Мирабилит раскладывают низкими плоскими кучами, и через два дня на нем образуется слой тончайшего сухого сульфата. Сульфат смело сгребают, не боясь перемешать с мирабилитом, так как между сульфатом и мирабилитом образуется твердая корка. Потом корку разрыхляют, и мирабилит снова сохнет, выделяя новый пласт сульфата.

Такая сушка тянется очень долго и всецело зависит от кара-бугазских капризов. Стоит подуть ветру, и облака сульфата уносятся в пустыню, застилая все вокруг сверкающей пеленой горькой пудры.

Пока студент вывозил сульфат в Дербент, в Кара-Бугазе появился новый хозяин — «Киркуули соль». Эта

организация занялась заготовкой поваренной соли в громадном соляном озере Куули, лежащем между Кара-Бугазом и морем, и попутно добычей кара-бугазского сульфата.

Сотрудники «Киркуулисоли», набранные неведомо где, славились по всему побережью как люди предприимчивые и не очень чистые на руку. Они заготавливали экспортную соль для Персии. Дальнозоркие кочевники-туркмены начали замечать персидские фелюги, грузившие соль по ночам, подозрительных людей, внезапно появлявшихся на промыслах и так же быстро исчезающих, дым парохода на горизонте, никогда не приближавшегося к берегу, и много других странных вещей. По этим признакам туркмены — жители пограничных мест — тотчас же заключили, что соль сильно воруют.

Вскоре был пойман пароход «Армения», перегружавший ночью в открытом море соль из своих трюмов в персидские фелюги. Сотрудники «Киркуулисоли» занимались контрабандой в фантастических размерах. Контрабандисты были пойманы.

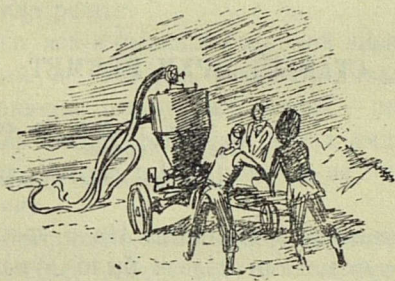
На этом бесславная история «Киркуулисоли» окончилась. Ее сменила «Карабусоль» во главе с отважным моряком Болонкиным. Так же как и «Киркуулисоль», эта новая «соль» предпочла заняться добычей поваренной соли из озера Ала-Тепе, не желая возиться с сульфатом.

Наконец, осенью 1926 года в залив приехали комиссия ВСНХ и положила предел кара-бугазскому хаосу. Комиссия обнаружила на берегах залива свыше ста пятидесяти тысяч тонн сульфата, заготовленного всеми феерическими хозяевами залива, столь стремительно канувшими в небытие.

Новой организации — «Туркменсоли» — было поручено немедленно начать правильную добычу сульфата

на южном берегу залива, около мыса Умчалл. Добыча началась и шла в небольших размерах до 1929 года, когда был создан единый трест для эксплуатации богатств залива — «Карабугазсульфат». Первый период в жизни залива отошел в прошлое.

Трест «Карабугазсульфат» пришел как полномочный хозяин. Он включил Кара-Бугаз в общий план индустриализации восточных окраин СССР, в смелый план завоевания пустынь.

СТАРЫЙ ВРУН БЕКМЕТ

Ты увядал, но сейчас расцветашь, Хорезм!

Современная туркменская песня.

Бариль пришла в отчаяние. Ни о какой работе с землекопами-туркменами нельзя было думать, пока на северных промыслах «Карабугазсульфата» обретался старикашка Бекмет. Сегодня он опять сорвал ей антирелигиозную беседу.

Вечером покрытые кислой пылью туркмены собрались около кибиток. Горели костры. Ветер дул на залив. Белый дым полыни, сгоравшей на огне, стлался над водой слоистым облаком.

Сквозь дым сверкали молочные неясные звезды. Тяжелый прибой, устав выбрасывать липкую пену, стихал у песчаного берега.

Единственный пес на промыслах — Хаким — бегал по берегу и долго, до хрипоты, лаял на юг. Там глухим и

мрачным огнем горело зарево восходившей луны. Хаким ненавидел две вещи — луну и паровой катер, который часто приходил к ним на северные промыслы из пролива, где обосновался трест. Хаким ложился на пристани и рычал на катер, когда тот дергался на волне и сотрясал деревянный настил.

В этот день собрались все, даже Мурад, бывший почтальон из Гассан-Кули.

Мурад болел ревматизмом — очень редкой болезнью в пустыне. Он прославился этим и был окружен сиянием своей исключительности, как всегда бывает с людьми, носящими в себе загадочную болезнь. Ревматизм для туркмена был так же необыкновенен, как для европейца пендинка или решта.

Я помню, как в пыльной базарной щели в Красноводске я битый час смотрел, как вытаскивали из ноги великана-туркмена гигантского червя — решту, тонкого, как конский волос. Корчагин стоял рядом со мной и восхищался. У себя в Костроме он не подозревал о таких болезнях.

Червя осторожно наматывали на спичку. Когда червь начал итти туго, спичку вместе с червем прибинтовали к ноге, оператор хлопнул больного по рыжей пыльной спине и отпустил на денек погулять. Все лечение состояло в том, что, зацепив головку червя спичкой, его очень осторожно в течение недели выматывали из-под кожи до конца. Если червь обрывался, то все лечение шло насмарку.

Примерно такое же впечатление производила на туркмен болезнь Мурада. Они садились вокруг него на корточки и заставляли сгибать и разгибать колено. Под коленной чашкой слышался громкий треск, и передние зрители отползали, валясь на задних, и испуганно чмокали. Бекмет посоветовал Мураду выпустить из-под

языка полную пиалу крови, и, если бы не гневное вмешательство Бариль, Бекмет пустил бы кровь бывшему почтарю своей щербатой бритвой.

История болезни Мурада так заинтересовала Бариль, что она даже написала об этом заметку в «Туркменскую искру». Она требовала немедленно принять меры, чтобы впредь такие случаи не повторялись.

Хоробрых, назначенный после постройки дороги из Красноводска в Кара-Бугаз заведующим северными промыслами треста, прочитав заметку, сказал Бариль:

— Чтобы избавить гассан-кулийских почтарей от ревматизма, надо включить в план будущего года землечерпательные работы в Гассан-Кули на полтора миллиона рублей. Вот что может получиться из маленькой газетной заметки!

— Ой, эти мне инженеры! — воскликнула Бариль. — Эти мне инженеры, что считают всех круглыми дураками, кроме себя!

История Мурада была чрезвычайно проста. Он служил в Гассан-Кули почтальоном. Пароход останавливается около Гассан-Кули в двенадцати километрах от берега. Ближе подойти нельзя из-за мелководья. Чтобы добраться до парохода, нужно полтора километра проехать по морю на арбе, после этого пересесть на плоскодонную лодку — кулаз — и плыть к пароходу.

Мурад выезжал к пароходу четыре раза в месяц. Никто не знал, да и не мог знать, когда пароход придет и на сколько он опоздает. Мурад становился на якорь на рейде, вынимал скудную еду и закусывал.

Приходил вечер, приходила ночь, а парохода все не было.

Тогда Мурад ложился спать на дно кулаза, пока его обычно поздней ночью не будил пронзительный пароходный гудок.

Мурад получал почту, греб к берегу, но лентяй арбакеш всегда уезжал, не дождавшись парохода. Мурад, навалив на плечи кожаные мешки с почтой, брел по колена в воде полтора километра до берега. Пассажирам было легче — пароход стоял в Гассан-Кули до утра, и они ночевали на пароходе.

Мурад бродил по ночному морю с почтой двадцать лет, и летом и зимой, когда ледяная вода сводила ноги до судорог.

Один раз он уронил мешок в воду, и часть писем подмокла.

В тот вечер на антирелигиозную беседу пришел и молодой Гузар, бригадир на туннеле, бывший спутник Прокофьева, и старый червовод из Фирюзы, имени которого никто не знал. Червовод разводил в былое время шелковичных червей. Но однажды у него нехватило тутовых листьев, главного сырья для его кропотливого производства, умерла старуха-жена, и червовод пошел бродить по Туркмении, разнося повсюду свою мудрость бедняка.

В первых рядах, конечно, сидел Бекмет. Он радостно кивал Бариль, тараторил и толкал соседей, устраиваясь поудобнее. На лице его разливалось блаженство. Он с нетерпением ждал, что скажет Бариль. «Старый притворщик», подумала Бариль и начала говорить.

Помогал ей Гузар, хорошо знавший русский язык. Нужен был умелый подход. Бариль говорила не о том, что аллаха нет, а просто и коротко объясняла истинное значение всяческих чудес — грома, молнии, автомобиля и парохода. Туркмены слушали, открыв рты.

Бариль подумала, улыбнувшись, что это не собрание рабочих-землекопов, а детский сад. Действительно, сожженные солнцем отважные мужчины, знавшие в пустыне каждый след и каждый холм, громко смеялись

от восхищения и хлопали друг друга по шапкам, подымая облака удушливой пыли.

Тонкие коричневые руки, умевшие бить из ружья без промаха на полкилометра, они прятали в рукава рваных халатов.

Бариль еще не кончила, но Бекмет перебил ее и торопливо сказал:

— Автомобиль, эту чортову арбу, выдумал человек, хвала ему, но вот чего человек не выдумал, так это веселящего дерева, носящего имя «кассак». Такое дерево могло быть создано только аллахом.

Слушатели обернулись к Бекмету, и глаза их заблестели.

Бекмет начал одну из своих историй.

— Было это в ауле Варун-Кала, — говорил Бекмет, не обращая внимания на недовольство Бариль. — Ты тоже слушай. Это случай из жизни, и я сам был его очевидцем. Я остановился в этом ауле по пути в Мекку. Я шел в Мекку потому, что я не хуже дервишей, которые слизали свою святость вместе с пылью с гроба пророка. Тогда по аулам ездили еще царские чиновники, а у нас в Хиве сидел шах Сейид-Асфендиар.

Русские чиновники собирали деньги. Давай каждый год пять рублей, а через двадцать лет тебя за это повезут пароходом в Медину, а оттуда ты можешь с толпой правоверных итти в Мекку. Пароход будет тебя ждать и не уйдет, пока опять не соберет столько людей, сколько овец в тесном загоне. Я давал пять рублей, потому что я хотел быть святым, «хаджи», и носить зеленую чалму на своей глупой голове.

И вот я получил бумагу и билет на пароход и по пути в Ашхабад заночевал в ауле Варун-Кала, у человека с рыжей головой, по имени Хушет. Я рассказывал ему весь вечер о Мекке и Иемене, где цветет кофе

и в горах трепещут листьями высокие пальмы. Сердце правоверного не может выдержать таких соблазнов. Зависть ко мне грызла Хушета весь вечер. Потом приехал ночевать еще один гость на хорошей лошади и в новенькой арбе.

Отходя ко сну, Хушет сказал: «Я подумаю. Может быть, я тоже поеду с тобой в Мекку, чтобы увидеть вечернюю звезду прямо над черным камнем пророка». — «Ты сделаешь доброе дело», ответил я и уснул.

Я проснулся ночью и услышал, что кто-то ходит около моей постели.

«Кто там?» спросил я спросонок.

«Спи, — ответил Хушет. — Я ищу огня, чтобы закурить наргиле».

Утром он встретил меня радостный и сказал, что он тоже едет в Мекку, но догонит меня в Красноводске. И действительно, он догнал меня в Красноводске. И мы вместе совершили великий путь, молясь и почти не принимая пищи.

Ай, что мы видели! Мы видели города, где столько людей, сколько песку в бархане, видели Стамбул и плыли по многим морям.

В Мекке мы ночевали в караван-сараях с паломниками из Белуджистана, Индии и Триполи. Я все ночи не спал, слушая шум толпы, пение молящихся и рев сотен верблюдов.

Пять раз я удостоился счастья поцеловать черный камень пророка.

На третью ночь в наш караван-сарай пришел человек из Омана и принес в мешке сухие ветки деревьев с маленькими сморщенными плодами.

Он кричал, что продает веселящее дерево «кассак», дабы дух паломников радовался перед лицом аллаха.

Мы купили плоды этого дерева, и каждый проглотил по четыре зерна. Мы почувствовали великую радость, будто напились русской водки. Мы хохотали, плясали и рассказывали друг другу соблазнительные истории. Только к утру мы уснули, и какой-то бродяга — да упадет проклятье на весь его черный род! — стащил мои чуряки и мешок с хлебом и маслинами из-под головы Хушета.

Мы вернулись домой. На обратном пути я благословлял Хушета, не пожалевшего отдать свои последние деньги на путешествие к гробу пророка.

Но, как только мы вошли в аул Варун-Кала, явились полицейские, арестовали Хушета и повезли в Ашхабад. Я изумлялся, не зная, за что так грубо и недостойно обошлись с человеком, носившим имя «хаджи» и искупившим былые грехи постом и молитвой.

Что же я узнал в тот же день? Через месяц после нашего отъезда жена Хушета, тихая и скромная женщина, рассказала властям, что Хушет убил ночью того гостя, что приехал на хорошем коне, закопал его труп за аулом, коня и арбу продал в Ашхабаде и на эти деньги и совершил свое паломничество ко гробу пророка. Вот до чего может довести человека благоговение и вера!

Бекмет кончил, и нельзя было понять, говорит ли он серьезно или смеется. Бариль внимательно посмотрела на него. Старик был не так уж прост, как ей казалось раньше. Она встала от костра и пошла в дощатый тесный дом, где Хоробрых отвел ей угол за холстинной перегородкой. Гузар шел с ней и смеялся: забавные вещи рассказывает старик.

— Веселый старик, очень веселый старик, — все время повторял он, — тебе сильно помочь может.

«Хороша помощь, — с горечью подумала Бариль. — Чорт бы его унес с его помощью».

Гузар уже научился читать по-туркменски и по-

русски и приставал к Бариль, чтобы она открыла на промыслах школу для туркмен. Все будут учиться.

Вопрос о школе был решен. Ждали только учителя из Ашхабада.

Хоробрых и его помощник Казанский, белобрысый техник, загорелый до того, что пробор на его голове казался кровавым шрамом, предпочитали спать на воздухе. В доме обитали фаланги и скорпионы. На берегу их было меньше — нечисть эта не выносила сульфата.

Хоробрых и Казанский стелили бурки на плоских кучках сульфата и спали спокойно, если их не будил шторм, глухой орудийный обстрел побережья, и вздымавшиеся самумы соли. Верблюды поворачивались задом к ветру и ревели.

Хоробрых и Казанский вскакивали, ругались и, плача от едкой пыли, прятались в дом.

Бариль тоже спала на сульфате. Ночью он поблескивал синеватым огнем. Сульфатное ложе сияло подобно хрустальной постели из прочитанной еще в детстве и прочно забытой сказки.

Хоробрых курил и говорил густым голосом:

— Надо заставить Мурада выкупаться раз десять в заливе, и от его ревматизма останется одна слава по кочевкам. Товарищ Бариль, вы бы занялись этим, иначе его произведут в туркменского святого, и получится совсем неудобно.

— Мне надоели эти постоянные шуточки, — миролюбиво отозвалась Бариль. — Конечно же, я его вылечу назло вам. Я давно это решила.

Хоробрых долго не спал. Завтра нужно было начать работы по прорытию туннеля. Рабочих было мало, да и те боялись бить ломами мергель.

Старый туркмен, прозванный Хоробрых «царем Меллаем», раздувал слухи, что в мергеле сидит злой дух и будет жестоко мстить каждому, кто дойдет до сердца горы.

Хоробрых решил с раннего утра отправить Гузара верхом к соседним кибиткам с призывом итти на работу. За каждую завербованную кибитку он назначил Гузару плату в десять рублей.

На северных промыслах трест «Карабугазсульфат» решил, по опыту Махач-Кала, начать бассейнизацию добычи сульфата.

Для этого выбрали высохшее озеро и назвали это озеро № 6 (у инженеров под всеми широтами одинаковая болезненная страсть нумеровать все).

К озеру надо было прокопать из залива канал, потом пробить туннель длиной в сто тридцать метров через небольшую гору и затем накачать по этому каналу осенью в озеро три метра кара-бугазской воды.

Три метра воды должны были дать осадок в пятьдесят сантиметров мирабилита на площади в квадратный километр. Жаркие ветры и солнце ежедневно должны были превращать верхний слой мирабилита на озере № 6 в пленку сульфата толщиной в три сантиметра.

Сульфат в озере лежит ровно, поверхность его плоская, как стол, и потому собирать его можно машинами. Трест заказал 24 сборочных машины и начал нажимать на Хоробрых, чтобы в кратчайший срок закончить работу.

Канал был готов раньше назначенного срока, хотя первое время Казанский измучился и исплевался, обучая вчерашних кочевников держать лопату. Они все пытались держать ее тыльной стороной от себя, и жалко было смотреть, как они потели и мучились, овладевая этой дьявольской машиной. Но потом дело пошло.

Канал уперся в гору. Утром «царь Менелай» явился к Хоробрых и прошамкал, что рабочие, будучи правоверными, отказываются разрушать гору, иначе аллах покроет всю степь черной корой и духи гор сметут в воду и потопят кибитки с людьми, верблюдами и жалким скарбом.

— Старик, — сказал Хоробрых оглушительным голосом, — собери почетных людей в своей кибитке. Я приду, и мы будем говорить о духах гор. Ты, говорят, знаешь слова от проказы, я знаю слова от духов гор. Каждому аллах дает свое: ящерице — хвост, ослу — уши, а умному — слово, спасающее от бедствий.

«Менелай» ушел. Бариль считала, что такие «фокусы» Хоробрых ни к чему не приведут. Казанский предложил обойтись без рабочих и рвать гору динамитом. Хоробрых рассмеялся.

— После первого же взрыва все кибитки снимутся, помчатся в пустыню, и вы их потом не заманите сюда, даже если притащите баржу с нарзаном. Нужен подход. Я — среднеазиатец, положитесь на меня.

Хоробрых приказал отнести в кибитку «Менелая» тюбик кокчая. Без этого кислого, пахнувшего аптекой напитка не могло обойтись ни одно сложное дело. Чай просветлял мозги и разгонял излишние страхи.

Днем случилось событие, едва не испортившее все дело. Мурад внял уговорам Бариль и выкупался в заливе. Сейчас он лежал в кибитке, испуская отчаянные крики. Его истерзанное вшами тело жгла непрерывным ужасающим огнем едкая кара-бугазская вода.

Туркмены волновались. Бекмет уже приступил к умирающему с зазубренной бритвой, готовясь пустить нечистую кровь, но в этот момент появилась Бариль.

— Прочь! — крикнула она так повелительно, что Бекмет уронил бритву и глаза его забегали от стра-

ха. — Прочь, бездельник! Что это за мода резать живых людей?

Она подняла ногу Мурада в ситцевой штанине, где лиловые пионы цвели на розовом фоне, и несколько раз быстро согнула в колене. Туркмены отшатнулись, затаив дыхание. Они ждали оглушительного треска, но не услышали ничего. Тишина была столь глубокой, что было слышно, как жевал верблюд, лежавший в ста шагах от кибитки.

Мурад перестал стонать.

— Ну что? — сказала с легким торжеством Бариль. — Принесите ему ведро пресной воды и дайте обмыться.

Ужас пробежал по лицам туркмен. Закон пустыни, позволявший мыть только лицо, руки и ноги, был низвергнут этой женщиной, носившей на носу стеклянную машинку.

Никто не двинулся, кроме старухи Мурада. Она принесла ведро воды. Все вышли из кибитки и слушали с трепетом, как Мурад, охая и всеуе призывая имя пророка, плескался над чугунным котлом.

Потом он вышел свежий и побледневший от первого мытья, торжественно прошел к Бариль и поклонился ей в пояс, прижав руки к груди. Он чувствовал себя, как юноша, впервые укравший невесту.

— Хоробрых, — смеясь, сказала Бариль инженеру, собиравшемуся итти на совет старейшин, — сегодня у нас на промыслах началась Октябрьская революция. Важно сдвинуть кочевников с мертвой точки, а потом пойдет легко.

— Я же вам всегда говорил, — ответил Хоробрых.

Как ни напрягала Бариль память, она не могла припомнить, чтобы инженер говорил что-нибудь подобное.

— Вот увидите, скоро туркменки будут ездить рожать в пролив. Там уже открыли родильный приют. Вы знаете, один туркмен-грузчик в Кара-Бугаз-порте продал свою кибитку и выстроил дом из фанерных ящиков. Это значит столько же, сколько и купанье Мурада.

Совет старейшин длился два часа. Сначала пили чай и говорили о плохих травах в Адаевской степи и о том, что песок совсем занес старые караванные дороги в Кунград. Хоробрых не участвовал в разговоре, но тревожно прислушивался. Снаружи доносились странные звуки. Казалось, туркмены снимают кибитки.

Потом Хоробрых говорил о туннелях и сравнивал их с самыми невинными колодцами в горах. Он взывал к прославленной храбрости туркмен, долго рассказывал, как из сульфата будут делать великолепный прозрачный камень — стекло и муку для удобрения хлопковых полей.

Туркмен Тайбазар встал первым.

— Я пойду. Давай железную палку.

Вторым встал казах Ныязов.

— А заклинание? — вскричал Бекмет разочарованно.

Чтобы успокоить его, Хоробрых прочел несколько строк первых пришедших ему на память стихов.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?..

Старики погладили бороды и закивали бараньими шапками.

Хоробрых вышел и длинно выругался. Бариль считала, что Хоробрых перегнул палку и поступает, как сумасшедший. Хоробрых пожал плечами:

— Пустое! Почему вы охраняете старых дураков от невинных насмешек?

Эти азиатские методы действий вызывали у Бариль раздражение, но вскоре она перестала негодовать: у подножья горы глухо застучали ломы.

— Мы раздавим пустыню, как фалангу, — промолвил Хоробрых и пошел к горе.

Начинался август. Он пылал невыносимым пожаром. Жара извергалась сверху белыми, как соль, широкими реками. Пыль залепляла поры на коже. Люди не могли потеть, и от этого ощущение духоты доходило до тяжелых головокружений. Кровь густела, и Хоробрых начал чувствовать ее вес в своем теле. Казалось, что в венах застывает столярный клей.

Туркмены долбили гору. Жара, казалось, ожесточала их. Удары ломов были беспощадны. Никто уже не думал о духах гор.

Над «царем Менелаем» посмеивались за-глаза и называли его трусом.

Старики приползали к туннелю и сидели в его тени, наблюдая кипение невиданной еще в пустыне работы. Они говорили, что, когда кончат туннель, надо переносить кибитки к Бек-Ташу, потому что «человек с деревянным наргиле» (так они называли Хоробрых, не выпускавшего изо рта трубки) хочет строить железную дорогу от северных промыслов на Бек-Таш. Говорили, что русские привозят складные дома и в них никогда не заводятся блохи, как в кибитках, что Москва приказала обучить всех туркменских детей грамоте и что скоро в пустыне будут строить заводы и город, равный по красоте Хиве.

Бариль оказалась права — кочевники были сдвинуты с мертвой точки.

Пышная их фантазия, свойственная людям пустынь, преображала в легенды все, что начиналось на берегах Кара-Бугаза.

«Царь Менелай» скрипел и жаловался, — говорят, через несколько десятилетий пустыня расцветет садами, и пресная вода заблестит в хлопковых садах.

Женщина со стеклянной машинкой на носу рассказывала, что люди уже научились делать дождь и над пустыней будут идти обильные свежие дожди. Аллах ошибся и дал ему, «Менелая», родиться слишком рано. Придется умереть и не увидеть родные края цветущими, как берега счастливого Мешедиссера.

«Менелай» бывал в молодости на персидском берегу в Мешедиссере и всю жизнь рассказывал о померанцевых зарослях и лесах ореха, свисавших над морем, как богатые ковры висят на балконах домов в дни народных празднеств.

— Мешедиссер! — восклицал он и плакал от слабости, стараясь представить себе свою родину — колдцы Суили, — окруженную рощами чинар и шумливой травой.

С каждым днем жизнь становилась непонятнее и давала богатую пищу для выдумок и размышлений.

В залив пришла странная машина. Она рыла дно. Потом пришла вторая машина, которая должна была сосать со дна залива густую воду и перекачивать ее по каналу в озеро № 6. Хаким лаял на новые машины два дня, после чего взбесился, и Гузар пристрелил его.

Потом была объявлена байга. Мысль о байге пришла в голову Хоробрых в одну из бессонных ночей.

— Мы начинаем соревнование в песках, — предупредил он утром Бариль, загадочно улыбаясь.

Бариль подозрительно посмотрела на него: опять этот толковый, но сумасшедший инженер затевает какую-нибудь мистификацию. О каком соревновании можно говорить, когда термометр дошел до 65 градусов?

Бариль в последнее время была занята женщина-

ми. Ей удалось приучить их мыть руки и не совать грудным детям в рот недоеденные собаками черствые корки. Мысль о мытье рук с особой очевидностью пришла однажды вечером, когда туркменка-стряпуха месила лепешки для обитателей дощатого дома. Когда туркменка запускала в тесто черные руки, тесто темнело, а руки туркменки с каждым разом делались все светлее и чище, пока, наконец, не зарозовели даже ее ладони.

— Как вы думаете, сколько фунтов грязи она добавила к лепешкам? — спросила Бариль Казанского.

— Все равно съедим, — рассеянно ответил Казанский.

Это был человек, убежденный, что жить в пустыне легко и приятно, так как здесь нет «никакой волынки». Под «волынккой» Казанский подразумевал бумажки, отношения и телефонограммы. К ним он питал бешеную ненависть.

Лепешки были съедены в один присест, но Бариль к ним не прикоснулась. Она занялась туркменками. Почти у всех были запущенные болезни; в тридцать лет туркменки превращались в старух, теряли способность рожать детей и закрывали платками дурно пахнущие рты.

В туннеле работа подходила к концу. Две партии шли с двух сторон и со дня на день должны были встретиться. Тогда-то Хоробрых и объявил в туннеле байгу.

Байга — это скачки лучших наездников. Одному из наездников дают на седло барана. Победителем считается тот, кто вырвет на всем скаку барана и домчит его до палатки судей, увернувшись от разъяренных соперников.

Хоробрых решил, что понятие соревнования можно внедрить среди туркмен только путем сравнения. Удар-

ную работу он назвал байгой. Лучшим рабочим, землекопом над землекопами, будет считаться тот, кто пробьет насквозь последние пласты мергеля и первым просунет руку встречной партии.

С обеих сторон было поставлено по шесть добровольцев, и байга началась. Старики осторожно пробрались в туннель, ибо их слово было решающим.

Работа шла под свист, крики и хохот. Каждая крупная глыба мергеля, отбитая от стены, вызывала жестокое возбуждение. Гора гудела и содрогалась.

Бариль отгоняла детей от входа в туннель, где люди так кричали, что казалось, шла драка не на живот, а на смерть. Бариль смеялась, оттаскивая детей, пот стекал с ее усталого лица, и, наконец, потоки пота смыли пенсне с ее носа. Пенсне упало и разбилось. Дети бросились врассыпную. В ту же минуту из туннеля долетел такой чудовищный рев, что Бариль содрогнулась и перестала искать разбитые стекляшки.

Партии встретились. Первым пробил отверстие Гузар. К вечеру туннель был окончен.

Старики возвращались взволнованные. Байга в туннеле напомнила им молодость и скачки на меловых плоскогорьях Мангышлака. Все удивлялись, что первым пробил стену Гузар, а не Ныязов, считавшийся самым сильным из землекопов.

Бариль щурилась и смущенно улыбалась. Весь залив окутался туманом, и в этом тумане блуждали потерянные звезды, костры, красный уголек из трубки Хоробрых, поблескивала вода и голубоватый сульфат. Близорукость превратила знакомые места в декорацию веселой пьесы.

Гузару была выдана первая на промыслах бумажка, где сообщалось, что он — лучший ударник и землекоп над землекопами по всему побережью.

Гузар спрятал бумажку на груди и пошел пить кокачай со стариками — великая честь, которой удостоивали только лучших наездников.

Хоробрых не удержался и написал в этот вечер воззвание к кочевникам. Он хотел разослать его по соседним кибиткам, чтобы привлечь рабочих на постройку узкоколейной железной дороги.

Дорогу длиной в тридцать километров было решено провести от промысла к Каспийскому морю, где в Бек-Таше еще во времена хозяйничанья в заливе «Дагестанских огней» построили пристань. Сульфат к морю перевозили на туркменских лодках. Это обходилось очень дорого — пятнадцать рублей за тонну. Лодки сплошь и рядом сутками отстаивались около бара, дожидаясь затишья. В бурную погоду бар бывал очень опасен — все берега вблизи пролива чернели от обломков разбитых лодок и шхун.

«Кочевники! — писал Хоробрых. — Советская власть постановила превратить нашу страну в цветущие поля и сады. В Кара-Бугазе мы начали добывать удивительную соль, — из нее делают стекло и пищу для утучнения виноградников, хлопка и джугары.

Кочевники! Навьючивайте кибитки и идите к озеру Ала-Тепе, где вам будет дана вода и пища. Оставьте скитанья по мертвым пустыням и становитесь рабочими, ибо пришли новые времена. Все смертно, и старая жизнь умирает. Не верьте длинным языкам стариков, злых от несчастной жизни».

Наутро Гузар снова помчался по кибиткам, а к вечеру следующего дня первые верблюды, навьюченные кошмами, гнутыми палками и детьми, торжественно прошли по бесплодным берегам в сторону Ала-Тепе.

По случаю награждения Гузара Бариль устроила собрание рабочих. Впервые на это собрание пришли

робкие женщины. Они сидели сзади и боялись даже шептаться.

Бариль долго искала у себя в чемодане запасное пенсне, не нашла, расстроилась и опоздала на собрание. Когда она подходила к кибитке «Менелая», черный круг туркмен не шелохнулся. Опять старикашка Бекмет что-то врал, но, должно быть, очень увлекательно, так как даже Гузар не отрывал глаз от его шамкающего рта.

Бариль подошла и прислушалась. Она опоздала к началу рассказа и услышала его с середины.

Бариль не любила легенд. Каждый, кто бывал на Востоке, с большой осторожностью относится к пресловутым восточным легендам. Досужие описатели связывают с легендами названия всех озер, городов и рек Средней Азии.

Но легенда Бекмета была особенная. Он рассказывал ее покачиваясь:

— «...Говорит он Файреддину: «Вот люди хвалятся тучной пшеницей и сладким виноградом, кожами и мягкой шерстью, высокими лесами и жирной рыбой. А чем богат твой край?» Файреддин молчит. Ленин опять говорит: «Вот приехали все на съезд в Москву, и рассказывает каждый про свое, а ты один молчишь. Скажи свое слово, друг, не пугайся. Чем живете вы в вашем краю, чего ждете от времени?»

Заплакал Файреддин, протянул руки к окнам, а за ними стоит высокая трава над рекой, и ветер дует во дворец и несет запах богатых деревьев, называемых липами.

И говорит Файреддин: «Товарищ, что могу я сказать, старый туркмен из рода Абдалла, перед всеми вами? Чего мы ждем от времени, когда время ворует у нас последнюю воду из колодцев и засыпает песком вчерашние виноградники? Я из страны, что называет-

ся Усть-Урт и еще Кара-Кум. Богаты мы нищетой и жаждой, песком и солью. Ты думаешь, иолдаш, о счастье бедняков, а мы думаем о воде. Но нет воды! Аллах иссушил нашу землю на десять локтей в глубину, и даже дождь высыхает, не успевая достигнуть земли. Реки текут под песками, но вода в них горькая, как кожа персидского апельсина. Со времени Тимура вянет наша страна. Что делать, товарищ? Книзу все земли заняты, кверху все земли заняты, и нет нам места на земле. Ты велик, и ты могуществен. Ты большой человек, у тебя чуткое ухо и острый глаз, но чем ты можешь помочь нам, туркменам? Потому я и молчу на великом съезде».

Тогда Ленин засмеялся и ответил старому дураку Файреддину: «Чего не может аллах и не может Тимур, то могут сделать большевики, Файреддин».

Файреддин покачал головой.

«Если ты идешь с горбатым, — ответил он, — то не вытягивайся во весь рост, чтобы горб его не бросался людям в глаза. Если ты говоришь с человеком из Кара-Кума, то не смейся над ним и не обещай невозможного».

Так ответил Файреддин и ушел раздосадованный.

Но чудо совершилось. К осени дошел до кибитки Файреддина слух, что в Хорезм приехало много инженеров, пришли машины, похожие на железных верблюдов, из лодок выгружают цемент и большевики хотят пустить воду в иссохшее от тысячелетий древнее ложе Аму-Дарьи, называемое Узбой. Узбой уходит в сторону от реки и простирается далеко, на десять дней хода караванов, в самую безводную пустыню.

Файреддин посмеялся над ребячеством большевиков. Они не знали, что в Узбое бывает дно из крепкого песка и бывает дно из такого песка, какой сосет воду, будто тысяча буйволов, не пивших три дня. Можно

вылить целое море в Узбой, но песок в один час высосет его и оставит только мертвых рыб и горькую пену. Нельзя победить пустыню, и недаром созданы верблюды и саксаул. Файреддин смеялся, а большевики копали канал и строили плотину. Дно Узбоя в тех местах, где был сыпучий песок, они заливали цементом.

И вот взошел день великого торжества. Светлая вода из Аму хлынула в Узбой, и песок не украл ни одного ведра ее.

Через ряд лет пески зарастут хлопком и виноградом, карагачами и инжиром. Нищая страна, сухая, как язык пса, издохшего от жажды, будет пить воду, как люди дьют вино.

Файреддин зарезал барана, угощал всех, плакал и подарил маленьким детям на забаву свою зеленую чалму, купленную в Мекке, где и Файреддин пролил свою слезу на черный камень пророка. И теперь старый дурак Файреддин служит распределителем воды на новом канале и ходит гордый, как верблюд, ибо верблюд думает, что он умнее людей, потому что смотрит поверх их голов».

Когда Бекмет кончил, туркмены молча взглянули на Бариль. Они ждали.

— Товарищи! — сказала Бариль, и горло ее стиснула спазма. — Товарищи, лучше Бекмета я ничего вам сейчас рассказать не могу.

Тогда Бекмет встал. Он низко поклонился Бариль, с трудом коснувшись сухими пальцами твердой земли, и сказал с достоинством:

— Напрасно ты сердилась на меня, женщина. Умные люди говорят: «Страна при расцвете рождает певцов и героев, а при упадке — пыль и много начальства». Вы родились быть героями, а я — глупый и старый певец.

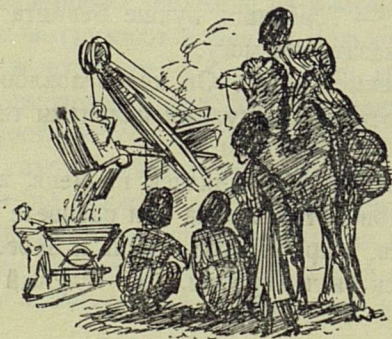
Бариль вернулась в дом и долго сморкалась за перегородкой. Хоробрых притворно удивлялся и спрашивал, где она могла схватить насморк. Расспросы окончились тем, что Бариль вылетела из-за занавески разгневанная и крикнула ему:

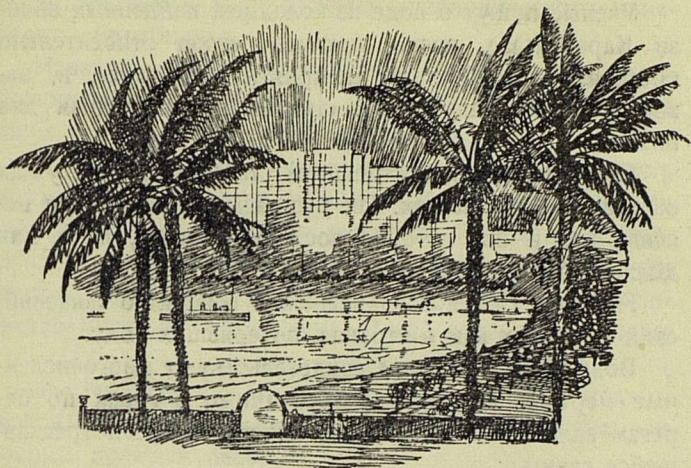
— Идите к чорту! Вы хвастаетесь, что сделали экскаватор из паршивых керосиновых баков. Подумаешь, какая гениальность! Нужно было для этого учиться на инженера! Вы все не стоите одного старого вруна Бекмета.

— Товарищ Бариль, — ответил Хоробрых, — вы подрываете мой авторитет. Бекмета я назначил десятником. Кстати, вы знаете, что он был бродячим певцом?

Вечером Бариль ушла далеко вдоль берега. Звезды, казавшиеся раньше сквозь стекла пенсне мелкими зернами, сейчас пылали в воде залива мутными фонарями.

Бариль вспомнила весь сегодняшний день и улыбнулась заливу. Он лежал безмолвно. Нити звездных отражений казались светящимся следом мирабилитовых кристаллов, медленно падавших на дно. Сотни серых бабочек, пахнувших горькой полынью, кружились около Бариль и щекотали лицо.

ГРУБАЯ ОШИБКА ПРИРОДЫ

В лоции Каспийского моря, составленной в 1877 году, сказано: «Родниковой воды нет нигде на всем побережье от Мангышлака до Атрека, за исключением родника Балкуи, находящегося на высотах в северной части Красноводского залива. Родник этот дает, впрочем, такое ничтожное количество воды, что о нем не стоило бы и упоминать, если бы он не был единственным на всем побережье».

К лоции приложены карты. На них вместо Кара-Бугазского залива сияет белое пятно.

В Большой советской энциклопедии сказано, что вода в пустынях Кара-Бугаза бывает только весной в мелких глинистых лужах. Из этих луж кочевники поят скот. Лужи быстро высыхают, и кочевники торопятся гнать стада на север, где вблизи Темира лежат травянистые степи.

Ученые пишут о воде из колодцев, найденных вблизи Кара-Бугаза, очень вежливо: «вода относительно пресная», «солончатая», «неприятная на вкус», и, наконец, более решительно: «тухлая» и «не годная для питья».

Старинные путешественники пишут о цветущих оазисах в этих местах. Их рассказы легендарны и неясны, как и вся история восточных стран, но в них должна быть крупица истины.

Наконец, Семенов-Тяньшанский говорит о закаспийских пустынях как о странах, потерявших воду.

Вода была. Об этом свидетельствуют многочисленные мертвые колодцы, разбросанные в горах по берегам залива. На дне их нет ничего, кроме потрескавшейся глины.

Инженер Ронкин в 1927 году нашел несколько великолепных высохших колодцев около мыса Умчалла. Стенки их были выложены чисто обтесанными камнями. Около колодцев валялись каменные колоды для водопоя. Часть колодцев на южном берегу залива засыпана была во время войны иомудов с казахами.

Когда трест «Карабугазсульфат» пришел в залив, воды не было. Только на Северной косе нашли колодцы с небольшим количеством хорошей воды. Пресная вода в этих колодцах лежала тонкой пленкой. Воду из таких колодцев приходилось брать с величайшей осторожностью: если ее взбалтывали, она мгновенно засолялась. Такие колодцы около мыса Бек-Таш дают в сутки двадцать пять тысяч ведер воды.

И тресту, добывшему уже в 1931 году пятьсот тысяч тонн сульфата, построившему вблизи пролива первый маленький поселок (даже с асфальтовым тротуаром), и будущему комбинату нужна вода. Необходимо исправить грубую ошибку природы, отнявшей воду

у богатейших в мире залежей «периодического минерала» — мирабилита.

Начались поиски воды. Вначале это дело казалось совершенно безнадежным. Даже от карт этих мест тянет сухостью и начинается жажда.

Кочевники знают, что в желтых песках вода есть всегда. Все дело лишь в том, чтобы ее из-под песков вывести наружу. Кочевник, умирающий от жажды, стремится дойти до ближайших желтых песков, где почти всегда вода стоит на небольшой глубине. Но глинистая пустыня смертоносна. В ней воды нет никогда.

На Умчалле лежат большие пространства желтых песков. В них уже на глубине семидесяти метров нашли мокрый пресный песок.

В горах Большие Балханы, в шестидесяти километрах к юго-востоку от залива, нашли источники прекрасной пресной воды, дающие двадцать пять тысяч кубических метров воды в сутки. Комбинату же понадобится восемьдесят пять тысяч кубических метров воды в сутки. Большие Балханы почти не обследованы. Там воды должно быть гораздо больше, чем двадцать пять тысяч кубических метров. В этих горах, кроме того, очень легко задержать путем небольших плотин весенние дождевые воды и этим увеличить запасы воды почти в три раза.

В старинных рукописях, записанных со слов водителей караванов, говорится, что в оврагах Карын-Ярык, в северо-восточном углу залива, есть родники, где можно напоить сто двадцать верблюдов. Есть все основания думать, что в оврагах будут найдены эти обильные подземные источники.

Прошлое перекликается с будущим. Водители караванов из Кунграда на Эмбу оставили записи для своих

товарищей — караванбашей, простодушно полагая, что караваны будут ходить тысячи лет. Сейчас эти записи расшифровываются, и сотрудники научных институтов, посмеиваясь, выясняют, сколько может выпить верблюд и каков поэтому дебит старинных источников. Наши химики, работая над искусственным обезвоживанием кара-бугазского мирабилита по методу Леблана, выяснили, что при этом способе можно получить в виде отходов столько хорошей пресной воды, что она значительно смягчит водяной голод как комбината, так и первого социалистического города, который вырастет в пустыне. Один квартал этого города уже выстроен и носит название Кара-Бугаз-порт.

Но все же воды мало. Ее хватит для населения будущего Кара-Бугаза, но нехватит для комбината. Поэтому предполагается построить мощные опреснители. Это будет надежнее всего. Опреснители должны работать на отбросных газах с комбинатских заводов. Работа опреснителей удорожит себестоимость продукции всего на два-три процента.

Недавно в Ленинграде начаты опыты по применению для технических целей слабосоленой морской воды. Опыты идут удачно. Если они закончатся успешно, то надобность в опреснителях отпадет. Тогда для производства пойдет каспийская вода, а питьевой, хорошей воды хватит с избытком, — ее дадут те источники, о каких говорилось выше. Из-за воды начался бой между специалистами. Меньшая часть их морщилась при одном упоминании о Кара-Бугазе. По мнению этих специалистов, в Кара-Бугазе должна идти только добыча сульфата, а переработку надо перенести в Дагестан. Постройку комбината в Кара-Бугазе эти специалисты считают фантазией. Нет воды, нет вблизи топлива, нет зелени, дикая жара — все это кажется им непреодоли-

мыми трудностями. К счастью, таких специалистов очень мало.

Победило мнение большинства специалистов, считающих, что постройка комбината должна вестись именно в Кара-Бугазе. Даже если себестоимость продукции комбината увеличится от этого на два-три процента, то что может значить эта цифра перед громадным политическим и культурным значением, какое призван сыграть комбинат в деле освоения пустынных окраин СССР и индустриализации Туркменистана?

Наоборот, говорят специалисты, отбросившие профессиональное недоверие, преодоление величайших трудностей, необходимость вырвать у пустыни воду, уголь, нефть и фосфориты говорят в пользу постройки комбината в Кара-Бугазе. Комбинат нанесет пустыне смертельный удар. Добыча воды, нефти, разработка угля создадут вокруг комбината оазисы, откуда начнется планомерный поход на пески. Оазисы будут расти, пески отступать, и край, потерявший воду, отнимет ее у пустыни обратно. А при наличии воды эту землю, залитую солнцем, можно довести до неслыханного расцвета. Пока гидрографы ищут воду в песках Умчалла, в горах Большие Балханы, в оврагах Карын-Ярык, в урочище Бек-Таш в древних документах, настоящую воду привозят в трюмах пароходов из Баку.

Трест переделал трюмы двух пароходов Каспара (Каспийского пароходства), «Полторацк» и «Ислам», под перевозку воды. Но Каспар — имя его приводит в содрогание всех работников треста — боится залива, как скорпион огня, и посылает «Полторацк» и «Ислам» в персидские рейсы, а воду возит в грязных и пахнущих керосином трюмах «Фрунзе» и «Дзержинского». Каспару ничего не стоит оставить весь Кара-Бугаз без воды. Бывали случаи, когда по вине Каспара водяной

паек рабочим треста приходилось срезать с двух ведер в день до четверти ведра.

«Фрунзе» и «Дзержинский» — изумительные пароходы, сами не знающие, куда и когда они ходят.

Я дожидался «Фрунзе» в Красноводске десять дней, чтобы ехать на нем в Кара-Бугаз. Он бродил в это время около Гассан-Кули, и никто в мире не мог сказать, когда появится в красноводских водах этот летучий голландец.

Капитан порта уныло сочувствовал мне. В конце концов в управлении порта я стал своим человеком.

Я даже подозреваю, что мое отсутствие ощущалось сотрудниками управления примерно так, как отсутствие сторожа-туркмена, сидевшего на пороге управления уже десять лет. Ко мне привыкли. Меня называли по имени и отчеству. Я был в курсе всех портовых новостей и тщательно изучил доску с грозной вывеской: «Предостережения мореплавателям». Там вывешивались бюллетени о погоде.

Я пришел к твердому выводу, в дальнейшем подтвержденному на опыте, что на Каспийском море бывает всего три штилевых дня в году.

Наконец, ночью меня радостно разбудили — «Фрунзе» пришел. Я бросился на пристань, но ленивый вахтенный сказал мне, что еще неизвестно, пойдут ли они в Кара-Бугаз. Может быть, придется идти в Баку чистить котлы. К утру выяснилось, что «Фрунзе» идет в Баку. Злые языки сообщили мне, что каспаровские моряки любят чистить котлы неспроста.

Похвальная эта привычка объясняется тем, что все они бакинцы и соблазны бакинской жизни действуют на все пароходы Каспара с силой сверхмощных магнитов.

Снова я ходил в управление порта, но с той лишь

разницей, что вместо «Фрунзе» я ждал «Полторацк», затерявшийся у тех же загадочных гассан-кулийских берегов. Капитан порта, вздыхая, предупреждал меня, что «Полторацк» тоже может переменить курс и мне лучше всего поехать в Баку и ждать там, ибо в Баку ждать веселее.

Снова я изучал штормовые предупреждения и говорил за дежурного по телефону, когда тот отлучался. От этого телефона у меня две недели болела рука. Его приходилось вертеть, как шарманку, то правой рукой, то левой, когда правая уставала, и не раньше чем через полчаса сердитая телефонистка кричала в трубку:

— Чего вы звоните, как на пожар? Повесьте трубку.

Так Каспар обслуживает Кара-Бугаз. В 1930 году Каспар ввел в залив пароход «Ян» — базу для землечерпалки и для сосуна около озера № 6. «Ян» сел на мель, и снять его не удалось. Он простоял на мели семь месяцев, и его разъело едкой водой, как решето. Дыры в бортах заливали цементом, но вода тотчас же проедала их снова. Ржавчина отваливалась от парохода кусками.

Кара-бугазская вода не разъедает только алюминия. Железные суда могут спастись непрерывным движением. Более или менее длительная стоянка тотчас же приводит к разрушению корпуса.

Каспар был так напуган случаем с «Яном», что увел из залива землечерпалку, углублявшую дно, чтобы подвести поближе к берегу солесос (тот самый, который должен был накачивать воду в озеро № 6). Землечерпалка ушла, хотя ей осталось прокопать до берега только триста метров. Пришлось провести к солесосу трубы длиной в триста метров и по ним качать воду в канал. Трубы резко снизили мощность солесоса. Вместо трех

метров воды солесос мог накачать в озеро только тридцать сантиметров. Паническое бегство Каспара из залива сорвало всю налаженную с таким трудом работу по бассейнизации.

Каспар прислал комиссию капитанов осмотреть знаменитый бар — бич Кара-Бугаза. Летом 1931 года бар обмелел настолько, что через него не могли проходить даже моторные лодки. Капитаны предложили бар прорыть, но против этого запротестовали химики. Бар, по их словам, является естественным регулятором притока каспийской воды в залив. Химики утверждали, что углубление бара неизбежно вызовет изменение притока воды, тем самым будет нарушен режим Кара-Бугаза, а это в свою очередь может неблагоприятно отразиться на садке мирабилита. Тогда моряки предложили построить канал и шлюз для прохода судов из пролива в Кара-Бугаз, минуя бар.

Для решения вопроса о баре при Академии наук была создана особая комиссия. Она решила, что углубление бара не может вызвать перемену свойств карабугазской воды, ибо эти свойства вызываются не только притоком воды из моря, но и влиянием грунтовых вод, почвы, окружающей залив, химических процессов, происходящих в этой почве, температуры воздуха и ряда других обстоятельств.

Ранней весной 1931 года в Москве заседала конференция по Кара-Бугазу.

Глухие туманы лежали над городом. Сквозь туманы моросил ледяной дождь. В изморози и серости московского дня на темную эстраду выходили люди, опаленные каракумским солнцем, и говорили о необыкновенном заливе, бушующем и дымящемся в солончаках, в жестоких сарматских ярусах Усть-Урта. Сотни фото-

графий были разбросаны по столам. Казалось, фотографические аппараты хватил солнечный удар — таким ослепительным меловым блеском пылали пески, небо, соль, залив.

Конференция по Кара-Бугазу была строго научной, строго производственной, но со стороны напоминала заседание штаба, готовившего небывалый в истории поход на пустыню, объявившего непримиримую войну грубым и нетерпимым ошибкам природы.

Разрозненные записи этой конференции я возил всюду с собой. Они покрылись коричневой пылью Эмбы, солью Кара-Бугаза, заржавели, стерлись, и теперь в кают-компании старого парохода я старался разобрать их и переписывал наново. Пароход шел рывками, будто кто-то дергал его сзади за красный погнутый руль. Писать было трудно. Официант покосился на меня и сказал вполголоса уборщице:

— Калькулятор!

Я сидел над записями до полуночи, пока официант не начал всердцах гасить лампочки и с треском захлопывать тяжелые окна.

Я включил в эти записи и обрывки разговоров, слышанных в Кара-Бугазе. После этого записи приняли следующий вид:

«Промышленное освоение Кара-Бугаза, создание на востоке Каспия нового мощного индустриального центра в значительной мере повлияет на весь хозяйственный уклад, на всю жизнь Туркмении. Девять десятых ее территории похоронено под песками Кара-Кума. Мы осуществим на деле лозунг партии об индустриализации окраин».

«Кара-Бугазский залив представляет собой море белого золота».

«Рабочие Кара-Бугаза — кочевники. Производительность их труда еще низка. В этом году удалось завербовать на постоянную работу две тысячи кочевников. Семьдесят кочевников приобрели знания и опыт высококвалифицированных рабочих».

«Кара-Бугаз живет своей химической жизнью, отличной от Каспийского моря. Он живет не только тем, что в него вливаются через пролив каспийские воды. Он живет своим собственным химическим процессом, в котором неизбежно участвуют грунтовые воды, рельеф местности, почва и биохимические процессы, совершающиеся в этой почве».

«Кроме мирабилита, в водах Кара-Бугаза заключены десятки миллионов тонн брома, а вблизи берегов лежат залежи каменного угля, барита, серы, известняка, фосфоритов и целестина».

«Профессор Ильинский, невзирая на невероятную трудность дороги, не пожалел себя и приплелся в пустыни Кара-Бугаза, чтобы наладить бассейнизацию. Он совершил опасный путь на верблюдах, пешком и по морю».

Выступление партийного работника:

«Мы кричим о Кара-Бугазе. Мы говорим большие слова и большие слова в квадрате, т. е. большие слова о больших словах. Но все это будет только словесным шумом, если за этими словами не последует мобилизация сил, кадров, средств, которыми мы могли бы действительно реализовать эти красивые и громкие слова».

В Кара-Бугазе надо немедленно, не теряя ни одного дня, начать строительство научно-исследовательской базы».

Возражение старого профессора, весьма почтенного, но раздражительного:

«Создать научную базу на берегах Кара-Бугаза — это дело такое трудное, что в этом просто не отдадут себе ясного отчета. Не забывайте, что научных работников нужно поставить в хорошие условия и снабдить их инструментами, библиотекой, препаратами».

Ответ партийца профессору, положивший конец полемике:

«Я ни в коей мере не хочу быть понятым так, что мы берем хороших ученых и посылаем их в пустыню, где есть тигры и леопарды, и притом пускаем их даже без белья. Так думать было бы наивно».

«Имеются указания, что воды Каспийского моря, менее соленые, чем воды других морей, могут быть применены в ряде технологических процессов на будущем кара-бугазском комбинате. Если окажется, что действительно можно использовать морскую воду в технологических процессах, то это будет прекрасно».

«Мы обязаны оживить Кара-Бугаз. На Кара-Бугазе уже около десяти тысяч человек населения. Страх перед Кара-Бугазом стерт».

«Никаких колебаний относительно необходимости грандиозного развития добычи мирабилита в Кара-Бугазе ни у кого нет».

«Мы должны сосредоточить свое внимание на химических продуктах из сульфата, которые могут найти широкое применение в народном хозяйстве. Двадцать две отрасли промышленности не могут обойтись без

сульфата. Все мы знаем, что сода имеет огромное применение в технике в Европе, Америке и у нас, в СССР. Без риска можно сказать, что потребность в соде в СССР в ближайшее время достигнет двух миллионов тонн. Второй продукт, производство которого нужно организовать из сульфата, — это силикат натрия, сырье для стекольной промышленности. Потом мы имеем каустическую соду, сернистый натр и ряд других химических продуктов. Серная кислота и сера (сульфат даст их наряду с содой и силикатом натрия) найдут в нашей стране широкое распространение. На Каспии мы имеем готового потребителя серной кислоты — нефтяную промышленность.

В дальнейшем производство серной кислоты может быть связано с производством удобрительных туков, прежде всего из мангышлакских фосфоритов. Затем еще останется экспорт».

«По восточному берегу залива прошел только академик Андрусов, но там он чуть не погиб. Он нигде не мог найти воды и едва спасся от смерти».

«Кара-Бугаз неисчерпаем. Ежегодно мы имеем там такое количество сульфата, которого хватит на шестьсот лет для всей химической промышленности СССР и Европы».

«Постройка кара-бугазского комбината обойдется в шестьдесят пять миллионов рублей. Нефть он будет получать с Челекена, Небит-Дага (Нефтедага) и Бая-Дага, уголь и фосфориты — с Мангышлака и Таур-Кыра.

Переработка сульфата будет вестись по старому, но самому выгодному в условиях пустыни методу Леблана, так как он требует очень мало воды. В Кара-Бугазе

уже строится опытная установка по переработке сульфата этим способом. В проливе возникает город, к югу и северу от пролива будут построены два новых морских порта — Бек-Таш и Карши. Уже построена железная дорога от промысла Саргас к берегу моря. Предполагается проложить железную дорогу из Красноводска в Карши».

«Конференция считает необходимым просить Совнарком Туркменистана ускорить организацию в Кара-Бугазе здравницы как для трудящихся Кара-Бугаза, так и для трудящихся других районов в целях повышения интереса к Кара-Бугазу со стороны широких трудящихся масс Союза».

Третий раз я пересекал Каспийское море, возвращаясь в Баку.

Наш пароход доставил на Кара-Бугаз пресную шолларскую воду и весь был пропитан свежим запахом этой воды. Казалось, что пароход плывет не по морю, а по прозрачному пресному озеру и по звездам.

Обычная ослепительная ночь дымилась со всех румбов. Тепличный ветер долетал от берегов Персии, как из открытого на ночь окна цветочного магазина. Он приносил запах растертых пальцами листьев ореха, тяжелой листвы и сырых зернистых песков.

За кормой глухо гудел светящийся след от винта и терялся в полнотной тьме. Там закатывались в остывающих песках громадные звезды. Свет их был на востоке ярче, чем на западе. Сухость пустынь сообщала ему напряженную резкость. На западе звезды мигали во влажном воздухе, в горных испарениях, и в них, как в стеклянных сосудах, переливалась сверкающая жидкость.

Со мной ехали Прокофьев, девушка-химичка из Москвы и женщина-инженер, седая и усталая, похожая больше на врача.

Девушка тревожно ходила по палубе. Морской ветер шевелил ее черное платье и успокоительно похлопывал кормовым флагом.

Нижняя палуба бросала на воду тусклые полосы света. Там звенели чайники, лился кипяток, смеялись дети. Там был крепкий сухопутный мир. Там люди чувствовали себя на пароходе, как в поезде. Они не прислушивались к глубокому молчанию штиля, плавно несшего паром на запад, к берегам Европы.

Качки не было, но море дышало, то подымая, то чуть-чуть опускавая тяжелый паромный корпус.

— Вот мы объехали весь этот край, — сказал мне Прокофьев. — Мы видели пески, бесплодную землю, пили соленую воду, узнали, что такое Кара-Бугаз. Все это так. Но достаточно ли у нас воображения, чтобы представить себе будущее этих земель? Интересно проверить. Спросим об этом наших спутниц.

Девушка-химичка ответила, не задумываясь:

— Будет жарко, шумно и весело. Как в Баку в праздничный день. Мне очень нравятся каспийские пароходы. Они хорошо выкрашены в желтый цвет. Масса желтых пароходов будет дымить в двух новых портах, где их будут строить, — ну да, в Бек-Таше и Карши. Хоробрых получит первую премию на будущей сельскохозяйственной выставке за самые душистые и сочные в мире кара-бугазские дыни. Ветряные двигатели начнут высасывать из залива густую воду и наполнять бассейны. Академик Иоффе поставит первые солнечные машины, а мы с вами по вечерам будем ходить в порт и пить под акациями вкусную воду со льдом и апельсиновым сиропом. С Казанского вокзала начнут отходить

поезда с табличками «Москва — Кара-Бугаз, через Ташкент — Красноводск». В проливе откроют курорт, потому что нет во всем Союзе лучшего купанья, чем там. Хватит с вас и этого.

Женщина-инженер думала о другом.

— Вы знаете, — промолвила она, — вчера туркменка, жена Уссейна, сказала мне: «Я хочу работать в женотделе, потому что там женщин делают умнее мужчин». Я выросла на Востоке. В Кара-Бугаз я приехала, когда в кибитке начальника треста застучала первая пишущая машинка. С тех пор прошло два года, но уже сейчас залив не узнать. И вот я думаю, что такие вещи, как будущий комбинат, ударят по старому Востоку, по исламу, по всей этой совершенно окаменелой жизни, как гром. Комбинат научит грамоте, выправит мозги, вскрыет и уничтожит весь ужас кочевого состояния. Была у кочевников песня, где говорилось: «Кочевник проходит через жизнь, как пыль. Никто не хочет знать его имени, никто не знает, сколько весит его горе». Вот с этим будет покончено.

Прокофьев молчал.

— Вы что ж, не можете ничего придумать? — спросила его химичка.

— Нет, — ответил Прокофьев. — Придумывать не надо, так как действительность превзойдет все мои выдумки, и мне самому станет стыдно. Я не обладаю фантазией. Я думаю вот о чем. Вы знаете, что существует некий страшный закон энтропии. Он говорит, что никакая энергия на земном шаре не исчезает, за исключением тепловой, но всякая энергия в эту тепловую превращается. Земля непрерывно теряет тепловую энергию в результате лучеиспускания в мировое пространство. Знаменитый английский физик Томсон, открывший этот закон, заканчивает свою книгу о нем очень мрачными

словами. Происходит, говорит он, неудержимое рассеяние энергии, и спустя некоторое, правда, очень долгое, время на земле наступит мертвый покой, и она обратится в вечное кладбище.

Так вот. Кара-Бугаз и все эти проклятые людьми пустыни убьют закон энтропии. Земля бесцельно отдает свою тепловую энергию в мировое пространство, вот туда, — Прокофьев махнул рукой на юг, где вселенная дымилась и разгоралась звездным жаром, — а пустыни — Кара-Кум, Кара-Бугаз — мы должны сделать первыми резервуарами, улавливающими энергию солнца, как раз ту энергию, которую мы получаем из мирового пространства. Мы уравновесим потерю. Это очень дерзкий вызов космическим законам, особенно в глазах непросвещенных людей. Здесь мы будем высасывать солнечную энергию, сгущать ее, превращать в электричество, в тепло, в свет, в какую угодно иную энергию, и этот край расцветет так, как, может быть, никогда не цвели самые пышные сады Калифорнии.

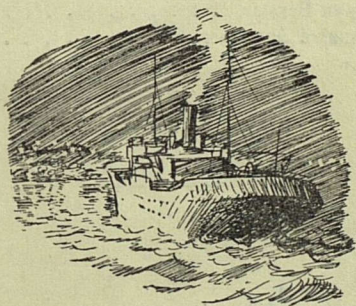
Одoleвать пустыню тяжело, особенно когда человек думает, что он одoleвает ее ради своего персонального месячного оклада. Необходимо понять, что ваша работа в пустыне — дело славы, дело высокого племени новых людей, — а это ведь так и на самом деле, — и тяжесть с вас слетит, как пот после купанья в море. Отсюда вывод: никогда не упускайте из виду далеких горизонтов. Помните, что скулят только близорукие. Давайте волю своему воображению. Сила его необычайна. Воспитайте в себе чувство времени и чувство будущего. Овладеть этими двумя ценностями — это уже страшно много.

Мы легли спать в каюте, наполненной ветром и свежестью моря.

Видения городов из сверкающего радугами стекла

преследовали меня всю ночь. Города эти подымались из прозрачных морей и отражались в зеркалах заливов нагромождениями хрусталя и теплых неподвижных огней. Летние рассветы разгорались над ними. Рассветы пахли растертыми в ладонях листьями ореха, густой листвой, шолларскими водами, мангышлакской полынью.

Я проснулся. Прокофьев спорил с женщиной-инженером о свойствах стекла из кара-бугазского сульфата. Я вышел на палубу. Мы огибали Апшеронский маяк. Над Баку лежала свежая тишина ночи, а на востоке, над Кара-Бугазом, сметая звезды, стремительно раскрывала небо высокая морская голубизна — над пустынями Хорезма подымался один из бесчисленных прекрасных дней.

СОДЕРЖАНИЕ

Заблуждение лейтенанта Жеребцова	3
Мальчик с серебряным горлом	22
Черный остров	29
Дело вдовы Начар	59
Учитесь у водорослей	86
Полководец	96
Горы из розового мела	108
Материалы для истории залива	114
Старый врун Бекмет	122
Грубая ошибка природы	143

